

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Минский государственный лингвистический университет

КОНТРАСТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Материалы
III Международной научной конференции

Минск, 25–26 октября 2017 г.

В двух частях

Часть вторая

Минск МГЛУ
2018

УДК 81'44
ББК 81я042
К65

Рекомендованы Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № (1) 48 от 04.01.2018 г.

Редакционная коллегия: Т. П. Карпилович (*ответственный редактор*), Т. Ф. Иванова, Т. Н. Гребень, Н. В. Зиневич, П. П. Глазко

Рецензенты: доктор филологических наук, профессор *Н. С. Евчик* (МГЛУ); кандидат филологических наук, доцент *И. Н. Ивашкевич* (БГУ)

Контрастивные исследования языков и культур : материалы К65 III Междунар. науч. конф., Минск, 25–26 окт. 2017 г. : в 2 ч. Ч. 2 / отв. ред. Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2018. – 156 с.
ISBN 978-985-460-889-1 (Ч. 2).
ISBN 978-985-460-887-7.

В издание, состоящее из двух частей, включены материалы III Международной научной конференции по проблемам контрастивно-типологического изучения языков и культур.

Во второй части представлены результаты исследований по проблемам художественного перевода, литературоведения, речевого поведения представителей различных культур; раскрываются связи контрастивной лингвистики и таких прикладных областей, как автоматическая обработка текстов и обучение языкам.

Для лингвистов, специалистов в области межкультурной коммуникации и перевода, аспирантов гуманитарных специальностей.

УДК 81'44
ББК 81я042

ISBN 978-985-460-889-1 (Ч. 2)
ISBN 978-985-460-887-7

© УО «Минский государственный лингвистический университет», 2018

КОНТРАСТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

Е. В. Алимпиева

Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СПОСОБОВ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ ИНТЕНСИВНОСТИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ ПРИ ПЕРЕВОДЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

Несмотря на наличие большого количества исследований в области аспектологии, вопрос о категориальном содержании способов глагольного действия (СГД) и средствах их репрезентации в языках с различной структурно-типологической организацией по-прежнему считается одним из сложных в языкознании. Цель данного исследования – установить и проанализировать языковые средства выражения интенсивности глагольного действия в немецком языке при переводе художественных текстов с русского языка на немецкий. В обоих сопоставляемых языках глаголы со значением интенсивности входят в группы СГД со специально-результативным и количественным значением и представлены несколькими типами СГД, передающими повторяемость либо исчерпанность действия высокой интенсивности. Глаголы со значением интенсивности различных способов глагольного действия в сопоставляемых языках обнаруживают взаимосвязь на уровне лексического значения.

В современной русистике и германистике имеется большое количество трудов, посвященных описанию аспектуальности и исследованию категорий глагольного вида, предельности и смежных с ними способов глагольного действия, характеризующих ход и распределение предельного/непредельного действия во времени. Вместе с тем сопоставительное изучение способов глагольного действия и средств их выражения в языках с различной структурно-типологической организацией является одной из важных проблем контрастивной лингвистики.

В данной статье рассматриваются способы глагольного действия со значением интенсивности, представленные в русском и немецком языках.

Цель исследования – выявить средства выражения способов глагольного действия со значением интенсивности в немецком языке при их переводе с русского языка на немецкий.

Материалом для исследования послужила глагольная лексика, а также контекстно реализованные глагольные лексемы начинательного и завершительного способов действия в переводе на немецкий язык (около 250 примеров), полученные в результате сплошной выборки из произведений русской художественной литературы таких авторов, как М. М. Зощенко, Б. Л. Васильев, В. М. Шукшин. Перевод всех произведений выполнен немецкими переводчиками Н. Gutsche, M. Wernicke, E. Thiele.

Термин «способ глагольного действия», или «Aktionsart», предложен польским лингвистом С. Агреллем в 1908 г., несмотря на довольно широкое использование в русистике и германистике, до сих пор не имеет

однозначного толкования. Изучению способов глагольного действия в рамках универсальной функционально-семантической категории аспектуальности, в том числе сопоставительных, посвящены работы таких лингвистов, как А. В. Бондарко, Ю. С. Маслов, Б. М. Балин, Н. С. Авилова, М. А. Шелякин, Е. В. Петрухина, С.-Г. Андерсон, Э. Кошмидер, И.-Э. С. Рахманкулова, У. Швалль и др. При этом большинство исследователей сходятся во мнении, что немецкий акционсарт не следует рассматривать как полный эквивалент способа действия в его традиционном понимании, принятом в славистике.

В нашем исследовании, вслед за А. В. Бондарко, Й. Эрбеном, «Русской грамматикой-80», под способом действия немецкого глагола мы понимаем «лексико-семантическую категорию, характеризующую течение, ход действия и не обязательно выраженную формально» [1, с. 22–23]. К русским СГД и немецким акционсартам мы относим терминативные / перфективные, нетерминативные / имперфективные глаголы, сгруппированные по признакам фазовости, степени интенсивности, повторяемости действия, характера достижения действием результата, и выделяем временные, количественные и специально-результативные СГД [2, с. 594–596].

Интенсивный способ действия в русском языке, представляющий собой объект нашего исследования, входит в состав специально-результативных СГД и обладает, наряду со значением интенсивности совершаемого действия, также дополнительным значением достижения действием определенного результата, исчерпанности действия.

В русском языке интенсивный способ действия может быть выражен как через семантику самого глагола (*пылать, орать*), так и при помощи словообразовательных средств. В анализируемом материале нами были выявлены следующие форманты:

- 1) от-/-ся (*отучиться, отмучиться*);
- 2) об-/-ся (*объестся, объездиться*);
- 3) вы-/-ся (*выговориться, выплакаться*);
- 4) до-/-ся (*добежаться, доиграться*);
- 5) за-/-ся (*заговориться, забегаться*);
- 6) на-/-ся (*наслушаться, натерпеться*);
- 7) у-/-ся (*убежаться, уездиться*);
- 8) из-/-ся (*измучиться, изболеться*).

Глагольная лексика осложненно-интенсивного подтипа количественных СГД в соответствии с классификацией, предложенной в «Русской грамматике-80», имеет значение повторяющегося действия, характеризующегося высокой интенсивностью. Глаголы данного типа образуются, как правило, при помощи формантов:

- 1) вы-/-ива (*вырисовывать, вынюхивать*);
- 2) от-/-ыва (*отплясывать*).

Глаголы интенсивного и осложненно-интенсивного способа действия в русском языке представлены терминативными и нетерминативными

глаголами, которые могут образовывать видовые пары в результате имперфективизации, и глаголами с определенным видовым значением СВ или НСВ.

Способы глагольного действия со значением интенсивности в немецком языке представлены имперфективными и перфективными глаголами интенсивного, осложненно-интенсивного и интенсивно-результативного типов.

К интенсивному способу действия (*intensive Aktionsart*) в немецком языке, представленному в большинстве немецких классических грамматик, относятся имперфективные глаголы, которые характеризуются неопределенностью, так как они не имеют в своем значении указания на правую (*Rechts-Telizität*) либо левую (*Links-Telizität*) границу, ограничивающую действие во времени [3, с. 127]. Глаголы интенсивного способа действия обозначают действие, протекающее с повышенной интенсивностью (*sausen, brüllen*).

Осложненно-интенсивный (*kompliziert-intensive Aktionsart*), обозначающий действие, выполнение которого требует приложения определенных усилий, и интенсивно-результативный (*intensiv-resultative Aktionsart*), выражающий исчерпанность интенсивного действия, способы действия большинство исследователей-германистов не выделяют в самостоятельные типы СГД по причине того, что немецкий язык не обладает парадигмой словообразовательных средств, сопоставимой по объему с системой формантов русского языка. Вследствие этого, ряд дополнительных акционсартных значений немецкого глагола может передаваться через сочетание имперфективного или перфективного глагола и аспектуально значимых средств контекста, лексических маркеров.

В нашей работе, посвященной в первую очередь установлению возможных средств репрезентации способов действия со значением интенсивности в немецком языке, мы рассматриваем аспектуальные значения внутри ситуации с целью выявления аспектуальных универсалий, которые могли бы послужить основой сопоставительного анализа средств выражения СГД в разносистемных языках на материале глагольной лексики корпуса параллельных текстов. Для выявления наиболее полной палитры языковых средств выражения интенсивности в немецком языке мы считаем возможным рассматривать осложненно-интенсивный и интенсивно-результативный способы действия как дополнительные акционсарти.

При установлении средств выражения интенсивности глагольного действия в немецком языке на материале параллельных текстов мы исходим из того, что способ действия как семантическая категория может быть реализован одной из следующих возможностей [4, с. 63]: 1) семантикой самого глагола; 2) словообразовательными средствами (с помощью приставок, суффиксов, изменением корневого гласного); 3) дополнительными средствами (лексическими показателями, описательными средствами и др.); 4) глагольно-субстантивными конструкциями.

В анализируемом материале нам встретились следующие примеры использования языковых средств выражения интенсивности глагольного действия в немецком языке (таблица).

Средства выражения интенсивности глагольного действия в немецком языке

Языковые средства	Примеры СГД со значением интенсивности
Семантическое значение глагола	<i>sausen, dröhnen, brüllen, sich häufen, sich plagen, fressen, tyrannisieren, lohen, jubeln</i>
Словообразовательные средства (приставки)	aus- : <i>ausdulden, auslernen, sich ausquatschen, sich ausschwätzen, sich austoben, aushungern, auszeichnen</i>
	ab- : <i>sich abhungern, abklappern, abeifern</i>
	auf- : <i>aufhellen, aufforsten</i>
	über- : <i>sich überessen</i>
	tot- : <i>sich totlaufen, sich totweinen, sich tothetzen</i>
	nach- : <i>nachpfeifen</i>
	zer- : <i>sich zermartern</i>
	zu- : <i>zunehmen, zuwachsen</i>
Дополнительные средства (наречия, прилагательные, повторения, описательные средства)	<i>sich dick und voll essen, sorgfältig zeichnen, besonders kunstvoll schreiben, mächtig toben, ungeheuer weinen drastisch fallen, entsetzlich schreien, einen tiefen Schlaf schlafen, einen schweren Gang gehen, mehr und mehr gefallen, lang zu leiden haben, glutrot lohen</i>
Глагольно-субстантивные конструкции	<i>in den Seilen hängen, aus vollem Halse singen, Gift und Galle sein, in vollem Gange sein, mit Ausdruck spielen, mit Argusaugen beobachten</i>

Таким образом, анализ использования языковых средств выражения интенсивности глагольного действия в художественных немецкоязычных текстах показывает, что интенсивность может быть выражена на уровне глагола, словосочетания и предложения. Среди средств выражения интенсивности глагольного действия в проанализированном нами материале преобладают словообразовательные средства (42 % от общего количества проанализированных глагольных единиц). Наиболее продуктивными являются приставки *aus-* и *ab-* для интенсивного и интенсивно-результативного способов действия. В 29 % случаев интенсивность действия выражена на уровне семантического значения глагола.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Erben, J. Abriss der deutschen Grammatik / J. Erben.* – Berlin: Akademie-Verlag, 1963. – 226 p.
2. Русская грамматика: в 2 т. / АН СССР, Ин-т русского языка; редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.] – М.: Наука, 1980. – Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – 783 с.
3. *Breu, W. Zur Rolle der Lexik in der Aspektologie / W. Breu // Die Welt der Slaven, 1984.* – P. 123–148.
4. *Helbig, G., Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht / G. Helbig, J. Buscha.* – Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1972. – 629 p.

The article considers means of expressing manners of verbal action with intensity value in translating literary texts from Russian into German. The manners of verbal action with intensity value are presented both in Russian and German.

А. С. Баханович

Минск, МГЛУ

ОСОБЕННОСТИ АНГЛО-РУССКОГО ПЕРЕВОДА ИРОНИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ, ФУНКЦИОНИРУЮЩИХ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Устанавливается специфика перевода иронических высказываний с английского языка на русский на материале англоязычного романа Стивена Фрая «Гиппопотам». Роль иронии в художественном произведении неоспорима, поскольку целью острого писательского ума является создание комического эффекта при помощи иронических высказываний. В статье представлены три основных типа иронии, выявленных в романе, а также стилистические маркеры иронических высказываний. Новизна исследования состоит в том, что феномен иронии, несмотря на свою распространенность, до сих пор остается малоизученным с точки зрения теории перевода.

Ирония – неременная эстетическая составляющая человеческого мышления, переходная форма между юмором и сатирой. Понятие *ирония* – явление многогранное, поскольку может быть рассмотрено не только как фигура стилистическая, но и как семантико-синтаксическое явление.

Хорошо известно определение иронии, данное Аристотелем: это «высказывание, содержащее насмешку над тем, кто так действительно думает». А. Л. Новиков полагает, что ирония – эффективный способ отстранения от действительности, своего рода отказ от насильственно навязанной сопричастности [1, с. 28]. С позиций Б. Демидок и В. Я. Проппа термином «ирония» сегодня обозначают разнообразные явления, которые объединяет идея несовпадения ожидаемого и реального положения вещей.

Австралийский лингвист Д. К. Мюкке предлагает следующую, отличную от научных, трактовку данного понятия: «ирония – оружие в сатирической атаке или дымовая завеса, скрывающая отступление, устройство для иного мировосприятия или самовосприятия; ирония может быть найдена в словах и взглядах, в событиях и ситуациях; ничему, что есть на земле или на небесах ирония не чужда» [2, с. 37].

Если резюмировать данные определения, то можно прийти к выводу, что ирония – это расхождение объективных свойств предмета и нормы, имеющиеся в сознании людей, что создает эффект комичности. Кроме того, это явление прагматически маркированное. В коммуникации ирония служит средством непрямого выражения отрицательной оценки, что определяет ее функциональную направленность.

В данном исследовании ирония рассматривается на материале художественного дискурса. Очертить рамки данного понятия непросто, поскольку оно достаточно многомерно. Доподлинно известно метафорическое определение дискурса В. Е. Чернявской: дискурс «это упорядоченное и систематизированное использование языка, за которым встает особая идеологически и социально обусловленная ментальность». С точки зрения Н. Д. Арутюновой, дискурс – это «текст, погруженный в жизнь». Принимая во внимание различные подходы к определению дискурса и базируясь на определении Т. Б. Самарской, под художественным дискурсом следует понимать социокультурное взаимодействие между писателем и реципиентом, вовлекающее в свою сферу культурные, эстетические, социальные ценности, систему убеждений, представлений, верований, чувств и представляющее собой попытку вызвать у читателя определенную эмоциональную реакцию.

В качестве фактического материала для исследования послужил комический роман Стивена Фрая «Гиппопотам». Личность самого автора оказала огромное влияние на то, чтобы из всего многообразия британской художественной литературы выбор пал именно на данное, безусловно, талантливое, но весьма неоднозначное для критиков произведение.

Стивен Фрай – актер, профессиональный комедиант, писатель. В Великобритании он почитаем как человек, ставший носителем эталонного английского духа, который отличается уникальным, изысканным, классическим английским выговором и считается носителем безупречного английского языка, что доказывает книга «Говорить, как Стивен Фрай». Это писатель, наделенный остроумием и поразительным умением легко и изящно жонглировать словами, настоящий британский супергерой Человек-ирония.

Роман «Гиппопотам» – это фарс о дворянском поместье, алкоголизме и кризисе среднего возраста. Центральная фигура романа, Тед Уоллис – писатель, давно утопивший свой талант в скотче, стареющий развратник и дебошир, которого крестница нанимает для того, чтобы тот провел журна-

листское расследование. Девушка знает, что он – известнейший циник и Фома неверующий, который ни в грош не ставит промысел божий. Именно поэтому ей и нужно, чтобы чудо исцеления в Суэдфордском поместье «разоблачил» именно он.

Нетипичность истории в том, что воссоздается она эпистолярно, то есть в виде писем Теда своей крестнице и ее ответов. В этих письмах Фрай соревнуется сам с собой в остроумии и желчи, фонтанирует оскорблениями, не стесняется скатываться в мальчишеские шутки и вворачивать игривые поэтические эпиграммы.

Критериями для отбора иронически маркированных стилистических средств выступают: 1) способность к созданию второго плана, контрастирующего с первым; 2) контраст между предметно-логическим и контекстуальным значением; 3) наличие эмоционально-оценочного компонента [3, с. 57–61].

Было выделено три основных вида иронии: прямая ирония, антиирония и самоирония. **Прямая ирония** наиболее распространена, это высмеивание, средство придания смешного или отрицательного характера какому-либо явлению, например:

This casts me as a freak in a lunch-time world where the fires of anything vinous are extinguished by spritzing sprays of mineral water ‘И это превращает меня в монстра обеденного перерыва, из коего изгоняют бушующие в организме алкогольные пары посредством окропления минеральной водой’.

Иронический оттенок приведенному выше высказыванию придает именно использование слова *окропления*, которое в данном контексте кажется неуместным, поскольку содержит в себе религиозный оттенок.

Согласно результатам исследования, наиболее частым способом передачи прямой иронии является дословный перевод, так как наблюдается практически полное соответствие текстов оригинала и перевода и совпадение социально-культурных ассоциаций:

Women haven't needed to look as vulnerable and guilty as that for thirty years; that is a man's office now ‘Женщинам лет уж тридцать как нет нужды напускать на себя вид ранимый и виноватый – теперь это мужская прерогатива’. В данном примере ирония возникает за счет того, что качества, изначально присущие женской половине, теперь характеризуют мужчин.

There has been a relentless and disturbing rise in moral standards over the years. It worries me ‘Вот уже многие годы в нашей стране отмечается неуклонное, крайне огорчительное повышение моральных норм’. Меня это очень тревожит. В приведенной цитате автор противопоставляет свое мнение и понимание действительности и высокоморальности мнению общества.

Следующим видом иронии является **антиирония**, то есть художественное средство, позволяющее представить объект антииронии недооцененным:

Good Lord, as if! I should imagine that child's school reports would compare favorably with those of St Agnes 'Господь всемогущий, что ты! Насколько я представляю, школьные характеристики у этого мальчика будут почище, чем у святой Агнесс'. Стивен Фрай с большой долей иронии и сарказма описывает тех персонажей романа, которые демонстрируют лишь свои положительные качества. За счет сравнения их с фигурами действительно религиозными автор подчеркивает, что у каждого, есть и должна быть своя темная, порочная сторона.

Также в романе представлена **самоирония**, то есть ирония, направленная на собственную персону, например:

I may have a cute figure, but I've also got acute angina 'Фигурка у меня, возможно, и милая, но к ней еще прилагается острая стенокардия'. *I happen to be rather good at croquet. I don't know why this should be; there is no other game at which I am anything less than an embarrassment. The gentle, spiteful art of croquet, however, is more suited to my low centre of gravity and high sense of malice* 'В крокет я играю довольно прилично. Не знаю уж почему, в любой другой игре я не более чем обуза. А вот кроткое и злорадное искусство крокета в большей мере отвечает моему низко лежащему центру тяжести и высокоразвитой злобности'. Данные примеры очень типичны для Стивена Фрая и его главного героя, который является точной копией самого автора. Он не боится выглядеть комично, понимает и принимает все недостатки своего возраста и своей внешности, но пользуется тем, что его привлекает в самовлюбленности и циничности.

Ирония на лексико-семантическом уровне может передаваться посредством вариации стилистических приемов (метафоры, олицетворения, образного сравнения, оксюморона, гиперболы, зевгмы). Ироничность следующему высказыванию придает использованная в нем метафора:

I slouched in to brekker, hoping to catch the bacon before it had turned to leather in the tureen 'Я сполз сверху к завтраку, надеясь перехватить бекон, пока тот не обратился в подошву'.

В ходе исследования были сделаны следующие выводы: 1) довольно проблематично установить какие-либо правила перевода иронии, так как она слишком сильно зависит от субъективной интерпретации контекста; 2) при переводе учитывается авторская индивидуальность, которая максимально ощутима на уровне проявления авторского сознания, его нравственно-этических критериев, уровне литературной формы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новиков, А. Л. О контекстуальном смысле слова / А. Л. Новиков // Филологические науки. – 2004. – №4. – С. 27–31.
2. Muecke, D. C. The Communication of Verbal Irony / D. G. Muecke // Journal of literary semantics. – 1973. – P. 35–42.

3. *Виноградов, В. В.* Лексические вопросы перевода художественной прозы / В. В. Виноградов. – М. : Гардарики, 1984. – 341 с.

The paper considers three types of irony characteristic of artistic discourse. It is shown that ways of rendering ironic expressions are rather variational. Different factors have to be taken into account: subjective, cognitive, pragmatic and cultural. The author's individuality also can't be ignored. The aim of the present study is to shed some light on the concept of irony in order to make it clearer to translators.

В. А. Гаврик
Минск, МГЛУ

ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНОВ ГАСТРОНОМИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕВОДА

В настоящее время реклама представляет интерес для специалистов не только из области маркетинга, но также и ряда других наук, в том числе и лингвистики. Слоган является наиболее заметной и запоминающейся частью рекламного текста, поэтому при его создании используется множество средств выразительности. Слоганы гастрономической тематики обладают целым рядом специфических характеристик, отражающих культурные особенности разных народов. Также они зачастую национально обусловлены, поэтому содержат в себе множество заимствований из различных языков, что представляет одновременно интерес и сложность для переводчика. При переводе гастрономических слоганов используются те же приемы, что и для других слоганов, однако переводчик может столкнуться с некоторыми специфическими трудностями, связанными с названиями блюд, ингредиентов, кухонной утвари, а также кулинарных глаголов, существительных, обозначающих способы приготовления, которые отсутствуют в языке перевода.

Реклама на сегодняшний день является объектом изучения лингвистики, при этом много внимания уделяется коммуникативной функции рекламного текста и речевым стратегиям достижения коммерческой цели. Рекламные тексты требуют от переводчика не только превосходного знания исходного и переводящего языков, но и знание продукта, его целевой аудитории. В процессе их перевода переводчику приходится решать как собственно лингвистические проблемы, так и проблемы социолингвистической адаптации текста.

Наиболее заметной и запоминающейся частью рекламного текста является рекламный слоган. Основная цель слогана – привлечение внимания к рекламируемому объекту – осуществляется за счет эмоциональной составляющей, и для ее создания используется целый набор средств выразительности. Удачное художественное решение делает слоган более запоминаемым, легким для воспроизведения, благодаря чему появляется возможность лучше донести до потребителя важную маркетинговую информацию.

В данной статье исследуются особенности гастрономических слоганов, которые А. В. Олянич назвал «глуттоническим» типом дискурса (от лат. *gluttonare* ‘есть, питаться, обедаться’). Он пишет, что еда и связанный с ней

дискурс «представляют собой знаковую систему, в которой сконцентрированы “культурный капитал”, национальная самоидентификация, персональная самоидентификация и субъективное отношение (вкус), гендерные характеристики и характеристики социальные (классовые)» [1, с. 157].

Выбор рекламы гастрономической тематики объясняется тем, что питание имеет первостепенное значение в жизни человека, поэтому коммуникация, каким-либо образом имеющая отношение к пище, ее свойствам, процессу питания, способам приготовления и употребления, занимает важное место в средствах массовой информации.

Тексты гастрономической тематики, в том числе и слоганы, обладают целым рядом отличительных характеристик, проявляющихся в названии блюд, кухнях народов мира, традициях и обычаях поведения за столом. С лингвистической точки зрения такие тексты требуют использования определенной лексики, особых грамматических и синтаксических конструкций [2, с. 117].

Гастрономические тексты также по своей форме и структуре содержат большой набор экстралингвистических свойств. Они отражают культурные, языковые, религиозные, этнические и идеологические картины мира и являются частью гастрономической картины мира. Глуттонические тексты могут содержать в себе культурные особенности разных народов, таким образом они имеют свою национально-культурную специфику, а «еда» выступает как смысловое образование, включающее образную и ценностную системы в целом.

Многие гастрономические тексты национально обусловлены. Поэтому не всякий гастрономический слоган может подействовать на представителя другой культуры. Более того, степень воздействия того или иного слогана может быть обусловлена социально или гендерно. К примеру, большую часть аудитории кулинарных журналов составляют женщины, а любители поесть вкусно и недорого скорее всего не будут интересоваться высокой кухней от ведущих шеф-поваров [3, с. 46–49].

Затейница. Готовьте с выдумкой (Макароны «Затейница»); *Почувствуй себя любимой* (Мороженое «Carte D’or»).

На лексическом уровне гастрономические слоганы характеризуются взаимодействием слов нейтральной окраски с единицами разговорного стиля, эмотивной лексикой.

Онега. Пора отрываться! (чипсы и снеки «Онега»); *We’re done, sugar!* (сахарозаменитель Lite&Sweet).

Также весьма распространены слова с позитивным значением и со значением необходимости.

Молоко в его вкуснейшем проявлении (Вареная сгущенка «Мишутка» Nestle); *Если это пил Иван, значит нужно пить и вам* (Молоко «Иван Поддубный»).

Более того, можно отметить, что в русских гастрономических слоганах используется довольно много заимствований из других языков, которые

выполняют функцию модного маркера. Для русского языка наиболее характерно использование англицизмов, часто представленных в форме иноязычных вкраплений [2, с. 118–119].

X-cite. Полный X-cite! (Жевательное драже X-cite); *Скажи фруктам Hello!* (Мороженое «Экзо»).

На сегодняшний день в русском языке также наблюдается тенденция оставлять названия блюд и продуктов в аутентичном виде, поэтому страницы глянцевого журнала пестрят словами вроде *паста*, *феттучине* и *тальолине*, вместо привычного макарон, *латте* и *маккиато* – вместо кофе с молоком и т.д. Использование подобных заимствований позволяет потребителю почувствовать себя гастрономическим гурманом, однако отсутствие некоторых фоновых знаний или неосведомленность о той или иной пищевой традиции могут стать причиной коммуникационной неудачи. В особенности это касается людей старшего поколения, привыкших к ограниченному списку наименований продуктов питания и блюд [4, с. 23–24].

Для синтаксиса гастрономических слоганов характерны побудительные, восклицательные, и вопросительные предложения как наиболее приемлемый способ ведения диалога с читателем. Риторический вопрос используется для привлечения внимания, усиления впечатления, повышения эмоционального тона [2, с. 119].

Возьми домой витамины! (Замороженные овощи «Планета витаминов»); *Беллакт. Растем с удовольствием!* (Детское питание «Беллакт»); *How many ways you can snap, crackle, pop?* (Готовые завтраки Kellogg).

Многие слоганы для достижения своей коммуникативной цели пересоздаются. Помимо пересоздания, некоторые слоганы могут быть успешно переведены с использованием традиционных лексических и грамматических, а также лексико-грамматических трансформаций.

Для перевода гастрономических слоганов, в целом, применимы все те же переводческие приемы, что и для других слоганов. Однако переводчик может столкнуться с рядом трудностей при передаче названий блюд, ингредиентов, кухонной утвари. Подобные реалии, как правило, считаются непереводаемыми, однако зачастую переводчику приходится сталкиваться с ними в процессе перевода рекламного слогана. Наиболее используемыми приемами перевода таких лексических единиц являются:

а) транскрипция или транслитерация/ транскрипция или транслитерация с пояснением: *Every sandwich wants Hellmann's* (Hellmann's Mayonnaise) ‘Каждому сэндвичу нужен Хэلمانс’; *Love cheddar? You'll love Leskol* (Leskol cheese brand) – ‘Любите сыр чеддер? Значит Вы полюбите Лескол’;

б) частичная транскрипция: *apple crumble* ‘яблочный крамбл’;

в) генерализация. Используется при отсутствии в стране языка перевода видового разнообразия конкретного продукта (что наблюдается в стране оригинала слогана);

A great French camembert for all occasions. (Le Rustique, French cheese) ‘Французский сыр на любой случай жизни’;

г) адаптация. Используется в редких случаях, когда для адресата перевода важно приблизительно понять описываемый объект, а национальный колорит не важен.

Carlsberg – probably the best lager in the world (Carlsberg) ‘Carlsberg – пожалуй, лучшее пиво в мире’.

При переводе рекламных текстов очень важно учитывать реалии страны переводящего языка. В особенности это касается имени бренда. Существует множество примеров, когда имя бренда при передаче при помощи транскрипции или транслитерации вызывает у потребителя совершенно не те ассоциации, на которые рассчитывал рекламодатель. Например, детское питание *Bledina*, посуда *Pedrini*, туалетная бумага *Serla*. Также за пределами русскоговорящих стран вы не найдете зубной пасты «Blend-A-Med» от P&G. За рубежом она продается под названием *Crest*. Но русскоговорящие потребители вряд ли покупали бы пасту «Крест».

При переводе слоганов зачастую приходится локализовать отдельные понятия и реалии, понятные исключительно носителям языка оригинала. Текст на языке перевода должен восприниматься читателем так же, как если бы слоган был написан на родном языке.

Подводя итоги, необходимо отметить, что только при успешном переводе иностранный рекламный слоган сможет выполнить свою функцию общения производителя с потребителем. Это кратчайший путь нового гастрономического продукта к желудку иноязычного потребителя.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Олянич, А. В.* Гастрономический дискурс / А. В. Олянич // Дискурс-Пи. – 2015. – № 2. – С. 157–160.
2. *Аникушина, А. А.* Проблема локализации гастрономической рубрики глянцевого женского журнала / А. А. Аникушина // Вестник ВолГУ. Сер. 9: Исследования молодых ученых. – 2016. – № 14. – С. 116–120.
3. *Ундрицова, М. В.* Глуттонический дискурс: лингвокультурологические, когнитивно-прагматические и переводческие аспекты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / М. В. Ундрицова. – М., 2015. – 290 л.
4. *Сохань, И. В.* «Глобализация» российской гастрономической культуры сквозь призму языка / И. В. Сохань, И. В. Нужа // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. Культурология и искусствоведение. – 2014. – № 4 (16). – С. 18–27.

Nowadays advertising is of concern not only to marketing specialists, but also to specialists from other sciences including linguistics. Gastronomic advertising slogans have a number of specific features that reflect cultural peculiarities of different nations which is both an interest and a challenge for a translator.

А. М. Гёрен
Минск, МГЛУ

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛО-РУССКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНТЕРВЬЮ

В фокусе данной работы находится политическое интервью как особый жанр политического дискурса. Также представлены особенности данного вида интервью, влияющие на перевод, далее показаны приемы и трансформации, которые применяются при англо-русском переводе.

Интервью – самый распространенный метод получения информации, который применяется журналистами во всех странах мира. В журналистской практике интервью рассматривается как один из традиционных методов сбора информации. Однако разговор с компетентным собеседником может быть самоценным и как текст или жанр. В данной работе мы рассматриваем политическое интервью как особый жанр политического дискурса, его особенности, которые непосредственно влияют на перевод.

Переводчику приходится осваивать особенности политического дискурса на обоих (всех) рабочих языках. Многие ученые придерживаются широкого понимания данного понятия, трактуя его как любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики. В содержание политического дискурса включаются все присутствующие в сознании продуцента и реципиента текста компоненты (факторы), способные влиять на порождение и восприятие речи: другие тексты, политические взгляды автора, политическая ситуация и др. В двуязычной коммуникации с переводом к ним прибавляются как объективные факторы, связанные с преодолением языкового и лингвоэтнического водораздела, так и субъективные, соотносящиеся с личностными характеристиками переводчика. И если даже в одноязычной коммуникации личностные и социальные характеристики слушающего и говорящего важны, то при двуязычной коммуникации с переводом мы имеем на одного слушающего и говорящего (читающего и пишущего) больше, т.е. количество факторов, способных влиять на порождение и восприятие речи, умножается. Этот момент, а также сопоставление национальных дискурсов дают богатую пищу для размышлений и дальнейшего изучения контактных зон языков. В реальной работе переводчик сталкивается с огромным количеством трудностей.

Политическое интервью является наиболее частотной событийной жанровой формой политического дискурса. А. К. Михальская определяет политическое интервью как высококонвенциональный публичный речевой жанр с жестким распределением речевых ролей непосредственных участников, в котором журналист раскрывает или стремится найти значимые для

общества черты политика, в том числе и «опасные», в то время как последний, отвечая на вопросы журналиста, стремится убедить общество в своей «востребованности».

Своеобразие политического интервью обусловлено сочетанием в его характеристике признаков, свойственных и политическому дискурсу, и дискурсу СМИ, а также особенностями, присущими ему как диалогическому тексту. Н. И. Лавринова указывает на некоторые свойства текста политического интервью: персуазивность, полусубъективность, особая диалогичность, адресованность, двусубъектный характер, вектор адресованности, информативность, оценочность, институциональность, спонтанность, авторство.

Культурная специфика, а именно ее лингвистическая основа, обуславливает использование определенных приемов и трансформаций. К ней относятся безэквивалентная лексика (реалии, артефакты и т.д.), слова и словосочетания с культуроспецифичными коннотациями, лексические единицы с устойчивыми ассоциативными связями, передача которых происходит посредством транслитерации и транскрипции (*КГБ – KGB, Washington Post – Вашингтон Пост*), калькирования (*White House – Белый дом*).

Можно отметить, что наиболее используемыми лексическими трансформациями при переводе данных интервью были конкретизация, добавление и опущение, наиболее употребляемыми грамматическими трансформациями – изменение структуры предложений и порядка слов в нем и замена одной части речи другой. Частотность употребления данных трансформаций объясняется различием в структуре языков, английский язык звучит более четко и кратко, он более информативен и подчинен правилам, тогда как русский язык более развернут и поэтичен. В английском языке преобладает четкое построение предложений, все члены которых идут в определенном порядке; в русском языке такая система отсутствует. Поэтому дословный перевод английского предложения, хоть и будет понятен, но будет звучать неестественно. При помощи изменения структуры предложений, опущения или добавления слов/словосочетаний, конкретизации либо генерализации некоторых понятий, переводной текст становится не только понятен, но и близок для читателей.

Таким образом, нужно сказать, что знание принципов перевода и особенностей дискурса, с которым работает переводчик, является постоянным компонентом его компетенции и становится основой выбора общего направления действий, которое соотносится с общей (глобальной) стратегией перевода.

The political interview as part of the political discourse, its peculiarities and various transformations used in translation are the object of the research.

Н. Ю. Жданова
Минск, МГЛУ

КУЛЬТУРНО-СИТУАТИВНАЯ АДАПТАЦИЯ КАК СПОСОБ ПЕРЕВОДА ИРОНИЧНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ, СОДЕРЖАЩИХ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКУЮ ИНФОРМАЦИЮ

Яркой характеристикой русской культуры является ее отражение через призму высказываний известных личностей, которые часто цитируются в устной речи или используются в публицистическом или художественном стилях. Именно такая высокая употребительность данных высказываний определяет необходимость разработки способов перевода на иностранный язык. В данной работе рассматривается один из наиболее ярких видов таких афоризмов – ироничные высказывания, которые содержат еще и культурологическую информацию. Для облегчения процесса перевода представлена классификация ироничных высказываний, которая может лечь в основу определения способов и техник перевода. На примерах рассмотрены и проанализированы наиболее частотные ситуации, а также алгоритм перевода в каждом конкретном случае. Таким образом, данная работа содержит в себе всю информацию, необходимую для грамотного и адекватного перевода ироничных высказываний, содержащих культурологическую информацию.

Перевод ироничных высказываний, содержащих культурологическую информацию, определенно вызовет трудности у переводчиков из-за того, что в них зачастую будут присутствовать так называемые реалии, которых нет в языке перевода. Таким образом, в данных высказываниях задачей переводчика станет сохранение не только ироничности высказывания, но и передачи культурологических оттенков. Именно поэтому разработка способов перевода таких высказываний и построение стратегии по их переводу представляют огромную значимость для всех переводчиков.

Для достижения наиболее адекватного перевода необходимо разработать классификацию ироничных высказываний, которая поможет наиболее правильно подобрать стратегию и облегчить будущий процесс перевода. Самой важной характеристикой для классификации станет наличие или отсутствие реалий и специфических слов-окказионализмов, используемых авторами для наиболее творческого отражения реальности. Таким образом, мы разграничиваем высказывания, не содержащие реалий и окказионализмы, и высказывания, где они являются неотъемлемой частью смысла и несут ироничную нагрузку.

Высказывания первого типа не представляют особого труда для переводчика, т.к. здесь отпадает необходимость подбирать или придумывать специфический эквивалент в языке перевода: автор описывает действительность простыми словами. Поэтому при переводе такого типа высказываний переводчику следует руководствоваться правилами и алгоритмами перевода простых ироничных высказываний, не содержащих культурологический элемент. Таким образом, основными способами станут эквивалентный перевод или перевод с применением синтаксических, лексических или стилистических трансформаций.

Описывая современные тенденции кино и театра, А. А. Ширвиндт как-то заметил:

Так как я чиновник и начальник театра, моя творческая деятельность сводится к тому, чтобы вернуть артистов в театр из так называемого кино. Сериалы невыносимы, и артисты в них сами становятся как мыло и просто выскользывают из рук. (А. А. Ширвиндт). – *Performing the duties of an official and the head of the theater, I am engaged in the creative activity of returning actors back from the so called movies to theaters. Serials are unbearable, and actors shooting there acquire the qualities of soap, slipping out my hands.*

Данное высказывание является наглядным примером афоризма первого типа, т.к. просто описывает текущую ситуацию в актерской среде без использования специфических слов. Таким образом, оно будет переводиться, как и любое другое ироничное высказывание.

Совсем по-другому представлена ситуация с высказываниями, содержащими реалии или авторские окказионализмы, поэтому при переводе таких высказываний мы будем руководствоваться пятью основными трансформациями: замена реалии на схожее понятие в переводящем языке, описательный перевод, транслитерация, транскрипция, создание схожего окказионализма.

Несмотря на то, что большинство реалий нельзя перевести эквивалентно, иногда их можно заменить сходным понятием в переводящем языке, которое также носит название межкультурного аналога. Примером такого преобразования может служить передача традиционных обращений, используемых в разных странах. Чтобы проиллюстрировать данное положение, рассмотрим высказывание Ф. Г. Раневской:

– *Сударыня, не могли бы вы разменять мне сто долларов?*

– *Увы! Но благодарю за комплимент!*

- *Dear Madam, could you possibly change me 100\$?*

- *Unfortunately, not. But thank you for the compliment.*

В данном высказывании мы заменили традиционное русское обращение *сударыня* на английское *'dear madam'*, что является сходным, даже эквивалентным понятием.

Следующий пример переводится при помощи описательного способа, использованного в отношении типичной советской еды: *частик в томате* и *сырок Дружба*. Для их перевода мы убираем названия, описывая состав блюд, и используем добавление *well-known Soviet food*, чтобы уточнить значения.

Я очень надеюсь на кризис. Мне кажется, он ближе нашему менталитету, чем достаток. Когда настроили плечо в плечо эти особнячки, наставили у подъездов «хаммеров» – Россия потеряла лицо. А сейчас надо потихонечку возвращаться к частику в томате и сырку «Дружба»... Ведь это было не так давно. И вкусно (А. А. Ширвиндт). – *I pin big hopes on crisis. I think it's closer to our mentality than affluence. When they put up all those*

mansions and parked Hammers near their porches, Russia lost itself. And we'd better gradually return to the well-known Soviet food: canned fish with tomato sauce and small sweet cottage cheese... I remember it as if I had eaten it yesterday. And the scent is still in the air.

Транслитерация и транскрипция в основном используются для передачи имен собственных и в случае, если название малораспространенное, могут быть дополнены описательным переводом.

Народный артист республики спешил сделать всё, чтобы умереть народным артистом СССР, ибо только народный артист СССР имел возможность претендовать на Новодевичье кладбище (А. А. Ширвиндт). –

The People's Artist of a republic strived to do everything to die the People's Artist of the USSR, because only the People's Artist of the USSR could be buried at Novodevichye cemetery.

Многим Фаина Раневская известна тем, что не стеснялась в выражениях, особенно это касалось ругательных слов, в придумывании которых актриса отличалась особенной изобретательностью.

Если ты ждешь, что кто-то примет тебя «таким, как ты есть», то ты просто ленивое мудло. Потому что, как правило, «такой, как есть» – зрелище печальное. Меняйся, скотина. Работай над собой. Или сдохни в одиночестве (Ф. Г. Раневская). – If you expect a person to accept you with all your flops, you're just a lazy doltbrain. Because, as a rule, "you with all your flops" is a very sad picture. Change, dullard! Train yourself! Or die alone.

В данном примере при переводе авторского окказионализма *мудло* мы попытались создать окказионализм со схожим значением, скомбинировав вместе слова *'dolt'* и *'birdbrain'*. Они имеют примерно схожее значение, а комбинация обладает усиленным эффектом, по экспрессивности эквивалентным слову, использованному актрисой в оригинале.

Приведенные выше примеры ярко демонстрируют, что в ироничных высказываниях практически не используется параллельное подключение, т.е. введение и реалии, и описательный оборот в языке перевода. Такая тенденция возникает из-за того, что ироничные высказывания в первую очередь относятся к устной речи, где параллельное подключение звучит искусственно и только создает избыточность, снижая способность высказывания воздействовать на слушателя.

Следует отметить, что все упомянутые приемы имеют разную частотность. Чтобы определить, какие типы высказываний и, соответственно, переводческие трансформации встречаются наиболее часто, проанализируем цитаты Ф. Г. Раневской и А. А. Ширвиндта.

Из 91 проанализированной цитаты, несущей в себе культурологическую информацию, 68 цитат принадлежат первому типу высказываний и 23 – второму. Такой результат позволяет сделать вывод о том, что культурологические ироничные высказывания далеко не всегда содержат специфические реалии и понятия.

В то же время по применимости переводческие трансформации имеют разную частотность: из оставшихся 23 афоризмов в 3 случаях использовалась замена реалии на схожее понятие в переводящем языке, в 11 – описательный перевод, в 3 – транслитерация или транскрипция, в 2 случаях создание схожего окказионализма. В 4 случаях использовалось несколько трансформаций одновременно. Это означает, что наиболее часто адекватного перевода можно достичь при помощи описательного перевода, и эта трансформация носит более универсальный характер.

Таким образом, мы рассмотрели основные способы перевода ироничных высказываний, содержащих культурологическую информацию, и определили трудности и специфические особенности, которые необходимо учитывать при переводе. Тем не менее, в каждом отдельном случае переводчик сам выбирает наиболее подходящий способ перевода, руководствуясь разработанной выше классификацией. Следует учитывать, что главной целью переводчика при работе с такими высказываниями должно быть сохранение ироничного и культурологического характера высказывания. Если данная цель достигнута, то переводчик полностью справился со своей задачей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ширвиндт, А. А.* Склероз, рассеянный по жизни / А. А. Ширвиндт. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2014. – 312 с.
2. *Захаров, И. В.* Фаина Раневская. Случаи. Шутки. Афоризмы / И. В. Захаров. – М., 2002. – 160 с.
3. *Ширвиндт, А. А.* Проходные двory биографии / А. А. Ширвиндт. – М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2013. – 312 с.
4. *Санников, В. З.* Русский язык в системе языковой игры / В. З. Санников. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Яз. слав. культуры, 2012. – 552 с.

The article discloses the information about the translation of ironic statements with cultural information. It contains the classification of ironic statements which serves as the basis for determining translation methods, as well as the examples with detailed analysis which will help translators to find the best solution in translation of ironic statements.

С. А. Клишевич
Минск, МГЛУ

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ПЕРСОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАЖАНРЕ «LETTERS TO THE EDITOR» И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Выявлены семантические классы разговорной лексики, функционирующей в медиажанре «Letters to the editor». Установлен частеречный состав семантических

классов и его количественные характеристики. Раскрыты особенности употребления выделенных классов разговорной лексики в письмах в газету. Выявлены социально-культурные условия, влияющие на характер лексического состава писем в газету. Было установлено, что наиболее употребительным классом лексики являются нейтральные разговорные слова.

Средства массовой информации (СМИ) являются важным социальным институтом современного общества, ролью которых является не только распространение информации, но и воздействие на сознание людей, стимулирование социальной активности личности. Расширяя информационное пространство, СМИ увеличивают воздействие за счет вовлечения большого количества участников. В лингвистическом поле исследований анализ различных типов дискурса (медийного, интернет-дискурса, полемического и др.) помогает лингвистам проследить, с помощью каких языковых средств и структур осуществляется обмен информацией между носителями того или иного языка в соответствии с их целями и задачами. Ориентация массовой коммуникации на живую непринужденную речь, а также тенденция к употреблению разговорных языковых единиц вызваны стремлением адресанта к выразительности и желанием в большей степени соответствовать предпочтениям адресата.

Таким образом, **актуальность** настоящего исследования обусловлена, во-первых, возрастающей ролью средств массовой информации в жизни современного общества и их социальным назначением активно воздействовать на общественное сознание; во-вторых, необходимостью выявления характера экспансии разговорных средств и структур в медиадискурс; в-третьих, стремлением установить релевантные признаки социокультурных ситуаций общения и способов организации текста.

Основными признаками XXI века является появление новых видов коммуникации, порожденных развитием информационных технологий, а также расширение влияния СМИ и виртуальной информации. С этими тенденциями тесно связано возникновение термина *медиадискурс*.

Медиадискурс – достаточно новое явление, образующее связное информационное поле СМИ, отражающее самые последние тенденции и феномены социальной жизни. Мы можем говорить о различных типах понимания медиадискурса, исходя из когнитивных установок адресанта, характеристик целевой аудитории, на которую этот текст направлен.

Вся информация в СМИ представлена в медиатекстах.

На сегодняшний день заметны изменения в стратегиях и тактиках речевого поведения участников медиадискурса, что влечет за собой изменения самого медиадискурса. Эти изменения находят выражение в виде динамичности языковой нормы современных массмедиа, активное включение в речь иноязычных вкраплений, использование неустойчивого словообразования и сниженной лексики, изменение синтаксического построения речи и др.

Вследствие того, что медиадискурс характеризуется неограниченностью тематики и оригинальностью жанров, он способен проникать во все разновидности общения как обиходного, так и институционального. В связи с проникновением и прочным укреплением позиций медиажанров в жизни людей происходит взаимный обмен лексическими и синтаксическими средствами между медиадискурсом и другими разновидностями дискурсов, в частности – персональным дискурсом.

Персональный дискурс существует, согласно мнению исследователей, в двух разновидностях: бытийном и бытовом [1].

Мы рассмотрим более подробно признаки бытового общения в персональном дискурсе.

Бытовой вид дискурса имеет место, когда один человек, пользуясь различными лексическими и синтаксическими средствами, дает свою интерпретацию действительности, что проявляется в форме рассуждений, т.е. вербальном выражении мыслей и чувств, целью которых является определение неочевидных явлений, имеющих отношение к внутреннему и внешнему миру человека. Этот тип дискурса характеризуется спонтанностью, сильной ситуативной зависимостью, ярко выраженной субъективностью, нарушением логики и структурной оформленности высказываний, сочетанием несовместимых признаков. Важнейшей характеристикой единиц разговорной речи является их конкретная денотативная направленность, эти слова указательны по своему назначению, кроме того, зачастую реализуется лимитивная (ограничивающая, парольная) функция общения, коммуниканты используют те знаки, которые подчеркивают их принадлежность к соответствующему коллективу и не понятны посторонним.

Целью данного исследования является выявление лексических признаков персонального дискурса в англоязычном медиажанре «Letters to the editor» и особенностей их перевода. Материалом исследования послужили медиатексты жанра «Letters to the editor» из англоязычных качественных изданий «The Times», «The Guardian» и «The Telegraph».

Проанализировав указанные выше тексты, мы установили классы лексических единиц, встретившихся в текстах писем в газету. Лексические единицы были распределены по 4 группам: 1) литературная лексика; 2) жаргонизмы; 3) сленг; 4) профессионализмы.

Согласно нашему исследованию, литературная лексика составляет около 60 % от всех слов, встретившихся в анализируемых текстах, поскольку темы, которые затрагивают в своих письмах читатели, касаются статей о политике, социально-экономической ситуации в стране, спорте и культуре (*to replicate* ‘повторять’, *to refrain* ‘воздерживаться’, *death toll* ‘число погибших’, *malnutrition* ‘недоедание’, *to maltreat* ‘жестоко обходиться’ [4]).

40 % лексики составляют разговорные единицы, включающие такие разновидности, как сленг, жаргонизмы и профессионализмы. Следует отметить, что часто встречаются слова, которые в словаре Cambridge Dictionary

даны с пометой *disapproving*, например, *bickering* – ‘to argue about smth. that is not very important’ [4] – ‘**препираться о ерунде**’; *puerile* – ‘behaving in a silly way, not like an adult’ [4] – ‘**ребяческий, незрелый**’. И это неудивительно, т.к. многие статьи в СМИ имеют дискуссионный характер, затрагивают острые и актуальные проблемы современности, тем самым вызывая негативный отклик читателей.

В условиях возникновения новых тенденций в культурной и социально-экономической сфере в языке возникают новые понятия, служащие для обозначения современных реалий, например, *emotional literacy* – ‘an ability to handle emotions in a way that improves your personal power and improves the quality of life around you’[6] – ‘**эмоциональная грамотность**’; *cultural playground* – ‘different cultures together often can arouse new ideas or interesting concept or even new culture that we can share and play together’[6] – ‘**культурная площадка**’; *gender-fluid* – ‘a gender identity which refers to a gender varies over time. A gender fluid person may at any time identify as male, female, neutrois or some combination of identity’[6] – ‘**андрогинность**’.

Письма читателей в газету изобилуют лексемами, которые можно отнести к разряду сленга. Так, в газете «The Times» были обнаружены следующие примеры: *Your “Trending: Faffy food” is certainly a **faff** to replicate...[5]: a faff* ‘суета, ненужное дело’; *There is no...**gripe** that Jeremy Corbyn is not going to fix with promises of money borrowed from somebody else’s safe...[5]: a gripe* ‘недовольство, досада’; *After reading the review of Matthew Walker’s Why We Sleep I have not slept a wink for worrying about what might happen to me if I do not get enough **shut-eye**...[5]: a shut-eye* ‘сон’.

Далее были установлены особенности употребления разговорной лексики в письмах в газету. Для этого мы провели классификацию анализируемых лексических единиц в зависимости от частеречной принадлежности, было установлено процентное соотношение слов.

Большую часть разговорной лексики, употребляемой читателями в письмах в газету, составляют существительные и глаголы. В англоязычных изданиях («The Times», «The Telegraph», «The Guardian») процентное соотношение существительных и глаголов составило 45 % и 39 % соответственно. В письмах читателей преобладают знаменательные части речи (имена существительные, имена прилагательные и глаголы).

Наиболее употребительным классом лексики являются нейтральные разговорные слова (*to describe, to refer, suspicion, the dead, astonishing, example, speaker and so on*); употребление сленговых и жаргонных слов составляет около 15 %, просторечных и диалектных – не более 5 %. Отсюда следует, что в газету пишут в основном образованные представители среднего класса, чья речь вполне соответствует нормам английского языка, но в ней, так или иначе, присутствуют вкрапления таких разновидностей разговорной лексики, как жаргонизмы, сленг, профессионализмы.

Таким образом, результаты проведенного исследования показывают, что в письмах читателей в газету присутствуют различные категории разговорной лексики, которые повышают экспрессивность излагаемых мыслей, помогают выразить в наиболее доступной и понятной форме свое мнение, показать свое отношение к проблеме.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Войтишенюк, Е. В.* Структурная организация жанра «телеблог» в англоязычном медийном дискурсе / Е. В. Войтишенюк // Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранного языка: сб. науч. ст. Вып. 5 / редкол.: Л. И. Богатикова (гл. ред.) [и др.]. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – С. 51–57.
2. *Карасик, В. И.* О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20.
3. *Сысоева, Т. А.* Прагматическая структура малоформатных медийных текстов : на примере английского языка // Вестник МГЛУ. Сер. 1. Филология. – 2010. – С. 130–137.
4. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/>. – Дата доступа: 11.10.17.
5. The Times [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.thetimes.co.uk/>. – Дата доступа: 10.11.17.
6. Wikipedia. The Free Encyclopedia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://en.wikipedia.org/wiki/>. – Дата доступа: 11.10.17.

The article describes some lexical characteristics of personal discourse in the media genre “Letters to the editor”. Classes of colloquial lexis used by readers in letters to the editor have been identified.

Yusuke SUMI

Cluj-Napoca, Babeş-Bolyai University

PECULIARITIES OF WORD SELECTION IN TRANSLATION INTO THE LITERARY ROMANI LANGUAGE

Эта статья посвящена проблеме выбора синонимов при переводе на литературный цыганский язык в Румынии. Существуют четыре основных диалекта, распространенных в Румынии: кэлдэрарский, карпатский, спойторский и урсарский. Литературный цыганский язык преподается в школах, используется в официальных переводах, но отличается от разговорного варианта. Каждый из диалектов имеет слова, заимствованные из других языков для обозначения новых понятий или понятий, утерянных в индоарийском лексиконе. Например, слово *жёлтый* в кэлдэрарском диалекте звучит как *gâlbeno*

(заимствовано из румынского языка), в карпатском – *sàrgon* (из венгерского языка), в спойторском – *saṛi* (из турецкого языка) и в урсарском – *žilto* (заимствовано из славянских языков). Задача состоит в том, чтобы выбрать наиболее нейтральный вариант для официального перевода, используя например, в приведенном выше случае традиционное цыганское слово *sonnakajalo* “похожий на золото”.

*Rromani*¹ (or *Romany*) is the language of *Rroma* (*Roma*) people. The people are known as *Gypsies* (English), *Zigeuner* (German), *czigányok* (Hungarian), *цыганы* (Belarussian), *țigani* (Romanian), *zingari* (Italian), *gitans* or *tsiganes* (French) etc. We can divide these common names into two categories by their etymology: 1. Derived from the word meaning “Egyptians” (*Gypsies*, *gitans* etc.) and 2. Derived from the Greek word *ἄθίγγανοι* (*Zigeuner*, *czigányok*, *цыганы*, *țigani*, *zingari*, *tsiganes* etc.).

The first one was created by European people who believed that they had been coming from Egypt. The origin of *Rroma* people is proved to be from India by analyzing the lexicon of their language². There is no trace that they would have been from or through Egypt.

The meaning of the word *ἄθίγγανοι* is “untouchable” which the second naming comes from. It is from the verb *θίγγειν* “to touch” + the privative prefix *ἀ-*. So it has etymologically a pejorative meaning.

At present both of them are avoided and the use of their official name “*Rroma* (*Roma*)”³ which means in their language “humans”⁴ is recommended.

Their language *Rromani* (or *Romany*) belongs to the Indo-Aryan branch of the Indo-European language family. It is impossible to count the exact number of *Rroma* in the whole world, but by some optimist researchers, the number is between 12-15 millions and 40-60 % of them still speak the *Rromani* language⁵. Romania is the country with the biggest number of *Rromani* speakers in the world⁶.

The classification of *Rromani* dialects is still a difficult problem for researchers because of the geographical diversity of speakers. Until now many researchers tried to create the best dialect classification and they are various. We present shortly two most common classifications in modern *Rromani* linguistics.

¹ *Rr* comes from old Indic retroflex sound and in many *Rromani* dialects we can observe difference between *r* and *rr*. In *Rromology*, we write double *r* for *Rroma* and *Rromani* to avoid misunderstanding with *Roma*, *Roman*, *Romanian* etc.

² The first mention of their Indian origin by linguistic analysis was made by Hungarian Calvinist pastor from Transylvania *Wáli István* in 1776 (Sarău, 2008, p. 26.).

³ This official name was adopted in the *First World Rromani Congress* in 1971 in London together with the anthem “*Gelem, gelem...*” and the common flag (Sarău & Radu, 2011, p. 74).

⁴ We need to understand the word together with another word *gaḷe* „humans of not *Rroma* origin”.

⁵ Sarău & Radu, 2011, p. 71 – 72.

⁶ According Zatreanu & Halwachs 2003, p. 5, the number of *Rromani* speakers in Romania is 1.030.000. Romania is the only country with the number over one million.

a) *Geographical classification by Matras, together with Bakker and Elsšik*¹

1. V^{lax} branch
2. Central branch (subdivisions: North-Central and South-Central)
3. Balkan branch
4. Northern branch (divided into Baltic and German-Scandinavian)

b) *Diachronic classification by Courthiade*³

This is based on the phonological and morphological evolution of each dialect. By his theory, the dialects can be divided into *O-supradialect* and *E-supradialect* by the frequency of the sound *o* and *e* in the conjugations of the 1 sg. After that each of them is divided into two by the existence of the sound change of the two phonemes *čh* [tʃh] and *ʒ* [dʒ] which transfer into [ʃ] and [ʒ]. It is called “The mutation of the alveolar semi-occlusive consonants”. Therefore:

1. O-supradialect without mutation.
2. O-supradialect with mutation.
3. E-supradialect without mutation.
4. E-supradialect with mutation.

The movement of the standardization of the Rromani language was initiated by the *Commission for the Standardization of Rromani* within *World Rromani Congress* and at the 4th Congress held in Poland “The Rromani alphabet (the international common alphabet of the Rromani language)” was adopted by the Rroma delegates of each country and linguist under the supervision of a delegate from UNESCO⁴. Romania is the only country where the Rromani language is taught in the elementary / secondary / higher educations.

As I mentioned above, in Romania Rromani is taught in schools. In the school where the majority of students are Rroma, children study some materials even in the Rromani language.

But the language taught in schools and universities and also that used in the official translation (from the Romanian language or other languages into Rromani) is the Literary Rromani language systematized in Romania, being inspired by the movement of the standardization of *World Rromani Congress*. It is the official Rromani language in Romania. It is called “Literary Rromani”, “Common Rromani” or “Standardized Rromani”. The standardized Rromani is itself the structure of the Rromani language, which is similar to the old Rromani language, which all Rromani dialects of the world were derived from. It is a kind

¹ Matras, 2002, cap. 9.

² The word *Vlax* comes from the historical and geographical region of Romania *Wallachia*. It means almost “Romanian”. The dialects of this group are strongly influenced by the Romanian language and they traveled from Romania far away. Because of the geographical diversity of the speakers of this dialectical group, it makes the impression that the *Vlax* is the most common Rromani dialect.

³ Courthiade, 2009, pp. 41–45.

⁴ Sarău & Radu, 2011, p. 74.

of *Vulgar Latin* toward Romance languages or *Old Church Slavonic* toward Slavic languages. One of the purposes of the normative language is to protect the language from the excessive influence of other languages. So, the use of old words and old flexions are highly recommended.

But the Rromani language spoken in Romania is not this standardized language. Rroma are speaking dialects. It is not surprising because in any country there are different idioms and people don't always speak as in textbooks. The existence of the difference between spoken language and the normative language is a natural phenomenon in the national education.

In Romania there are 4 major dialects: *Caldarari* (kettle makers) dialect, *Carpathian* dialect, *Ursari* (bear leaders) dialect and *Spoitori* (tinkers) dialect¹. The common lexicon in all Rromani dialects are: ca. 800 words of Indic origin, 200 words of Greek origin, 20 words of Armenian origin and 4 words of Georgian origin². The rest of the daily words and new words are supplemented by local loan words.

Here is a question: which loan word should be used for the official translation, if the word is different in each dialect?

Rroma people haven't a custom of writing before. Of course, in every era there were people who wrote something in Rromani using the orthography of the country where they were living, but in the lexicon, there is no common word for the verb "to write". For "to write" we can find different loan words, e.g.: *xramosarel* (from Greek), *pisinel* (from Slavic), *iskirisarel* (from Romanian), *irinel* (from Hungarian). The most traditional words for this meaning may be these verbs used by some old Rroma *čhinel* "to cut (= to engrave letters on wood by knife)" and *kalărel* "to make black". But the meaning is not clear in some contexts. So in this case, as a translator I choose the Greek word *xramosarel* which looks the oldest³.

"To read" is also problematic. There are *ginavel* "to count (turning over the pages)", *čitinel* (from Romanian), *drabarel* "to cast a spell: to read". The last one is common in the standardized Rromani. But the first meaning was "to make medicine (*drab*)" and it turned to "to cast a spell", after that "to read palm (chiromancy)" and the meaning of reading survived. In this case I may choose *drabarel*. The verb *ginavel* is from *gin* "number" and the meaning "to count" is stronger. But it is a common word for "to read" in *lovari* dialect⁴.

¹ Sarău, 2008, p. 81 – 92.

² Heinschink & Krasa, 2010, p. 3. N.B. Mozes Heinschink is a penname of dr. Marcel Courthiade.

³ Nowadays the word *lekhel* is common too. But it is a loan word from Hindi borrowed in the last century by the people who introduced Hindiism into Rromani. Hindi and Rromani are classified in the same branch. But they are different languages. This word was not used by Rroma before. In the normative language only the words survived in living Rromani dialects are recommended.

⁴ *olvas – ginavel* (Stojkó, 2008) ; *читати – гинавав* (Г. Н.Цвертков, 2001).

Names of colors cause a problem too. *Lolo* “red”, *kalo* ”black”, *parno* “white”, the names of such principal colors survived in all dialects.

But, for example, “yellow” is in Caldarari dialect *gàlbeno* (from Romanian), in Carpathian *sàrgon* (from Hungarian), in Spoitori *sari* (from Turkish) and in Ursari *zìlto* (from Slavic). In this case we can avoid all of them by using the Rromani traditional word *sovnakajalo* “gold-like”.

“Green” in Caldarari dialect *zèleno* (from Slavic), in Carpathian *zòldon* (from Hungarian), in Spoitori *zèleno* and in Ursari *zèleno*. In this case, we can choose *zèleno* which is common in these three dialects, or, to use more Rromani expression *ćaralo* “grassy”.

“Blue” is the most problematic. It is in Caldarari dialect *vùnato* (from Romanian), in Carpathian *kìkon* (from Hungarian), in Spoitori *màvis* (from Turkish) and in Ursari *sìnio* (from Slavic). In this case, we have three choices: to use one of them, or to write all of them, or to use the Hindi loan word *bodlo*.

In the Literary Rromani translation it is not easy to choose one loan word when there are different variations in each dialect and the normative language allows all of them as valid words. Translators must understand well the meaning of the words and to select the apt one at need.

For example, if the translated document will be used regionally, we can choose the most common word in that area. But if it is not aimed at local use, we need to choose the most neutral variation.

This is the peculiarity of the Common Rromani translation because, though it is the normative language, it is not based on a spoken dialect. Rromani is the language of the people who have no country or capital of their own.

LITERATURE

1. *Courthiade, Marcel*. Morri angluni rromane ćhibăqi evroputni lavustik / Marcel Courthiade. – Budapest: Romano kher, 2009.
2. *Heinschink, Mozes*: Le Rromani de poche / Mozes Heinschink, Daniel KRASA. – Paris: Assimil, 2010.
3. *Sztojgó, Ilona (Glinda Lindri)*. Nagy Magyar-Roma Kéziszótár / Ilona Sztojgó. – Letenye: Prosznyák Nyelvstúdió, 2008.
4. *Matras, Yaron*. Romani A Linguistic Introduction / Yaron Matras. – Cambridge: Cambr. Univer. Press, 2002.
5. *Sarău, Gheorghe*. Dicționar rrom-român / Gheorghe Sarău. – Bucharest: Sigma, 2006.
6. *Sarău, Gheorghe*. Rromi. Incursiune în istoria și limba lor /Gheorghe Sarău. – Bucharest: Sigma, 2008.
7. *Sarău, Gheorghe: RADU, Elena*. Ghidul mediatorului Școlar (pentru comunități cu rromi) / Gheorghe Sarău, Elena RADU. – Bucharest: Vanemonde, 2011.

8. *Sarău, Gheorghe*. Dicționar român-rrom / Gheorghe Sarău.– Bucharest: Sigma, 2012.
9. *Zatreanu, Mihaela*. Romani in Europe / Mihaela Zatreanu (eds). – Strasbourg: Council of Europe, 2003.
10. *Цwertков, Г. Н.* Цыганско-русский и руско-цыганский словарь (ловарьский диалект) / Г. Н. Цwertков, Ворби Романэ. – М.: Апостроф, 2001.

This article is devoted to the problem of choosing synonyms when translating into the literary Rromani language.

Е. Ю. Талалаева

Тамбов, ТГУ имени Г. Р. Державина

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА СПЕЦИФИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ М. ХАЙДЕГГЕРА НА РУССКИЙ ЯЗЫК¹

В данном исследовании представлен сопоставительный анализ оригинальной философской терминологической системы Мартина Хайдеггера и общепринятого перевода его текстов на русский язык. В качестве примера предложено ключевое для философии позднего Хайдеггера понятие *Dichtung* 'поэзия'. В статье обосновывается правомерность употребления данного языкового эквивалента в русском языке применительно к понятию *Dichtung*, учитывая специфику особой языковой системы, созданной философом на основе немецкого языка. Автор приходит к выводу, что правомерность использования в русском языке слова *поэзия* при переводе концепта «*Dichtung*» обоснована лишь при прояснении философских представлений Хайдеггера в отношении феномена поэзии как языка в его чистой форме.

Выдающийся немецкий философ XX ст. Мартин Хайдеггер (1889 – 1976) писал свои философские сочинения и читал лекции студентам на немецком языке, однако на его основе он сконструировал оригинальную терминологическую систему, интерпретация которой вызывает серьезные затруднения не только у зарубежных исследователей, но также у философов немецких школ. Практически каждое из своих понятий Хайдеггер наделил специфическим смысловым содержанием, вне зависимости от того оставлял ли он привычную форму немецкого слова прежней или шел по пути словообразования. При этом, учитывая значительный масштаб влияния интеллектуального наследия Хайдеггера на мировое философское сообщество, своеобразный язык немецкого мыслителя имеет широкое распространение в современных научных исследованиях. Данное обстоятельство обуславливает

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ-ОГОН в рамках научного проекта № 17-33-01099 «Онтологический анализ поэзии в герменевтической философии мыслителей XX в.».

актуальность поиска интерпретационных возможностей применительно к его трудам. Оригинальный подход немецкого философа к раскрытию сущности слов подразумевает особую тщательность в поиске адекватных эквивалентов перевода, с которой надлежит приступать к интерпретации философских текстов Хайдеггера на других языках.

В данной работе проводится сопоставительный анализ оригинального хайдеггеровского концепта с его уже ставшим общепринятым переводом на русский язык на примере понятия «*Dichtung*» – ‘поэзия’. Обращение к контрастивной лингвистике в данной связи обусловлено необходимостью фактического употребления рассматриваемого термина в рамках двух языковых систем: специфического хайдеггеровского и русского языков. Как в этой связи писал А. Д. Швейцер, перевод «нуждается в контрастивной лингвистике как источнике исходных данных» [1, с. 12]. Поиск верной интерпретации и, как следствие, правильного понимания концепта *Dichtung* в контексте философии Хайдеггера непосредственно влияет на адекватность переводов философских сочинений, написанных им в поздний период своего творчества, и передачу на русский язык ключевой идеи философии немецкого мыслителя.

Выбор концепта «*Dichtung*» в данном исследовании обусловлен прежде всего его основополагающим значением для понимания всей поздней философии Хайдеггера. В своих трудах философ всегда экспериментировал со смысловым контентом слов и словосочетаний обыденного (повседневного) немецкого языка, наделяя их принципиально новым значением в сравнении с их привычным употреблением. Используя в своих работах слово *Dichtung*, Хайдеггер говорит о поэзии, тем не менее, он подразумевает под ней нечто иное, чем просто литературный жанр, который имеет отличие от драмы или повествовательной прозы. Для того, чтобы приблизиться к определению *поэзии* в том смысле, который в нее вкладывал Хайдеггер, можно прибегнуть к классификации, позволяющей подчеркнуть разницу между поэтическим и обыденным использованием языка в повседневной речи. Кроме того, целесообразно было бы обособить специфическую форму фиксирования на письме поэтического текста от прозы. Тем не менее, Хайдеггер вовсе не разделяет поэзию и прозу на две отдельные категории языка. Более того, он пишет, что чистая проза так же поэтична, как и любое иное проявление искусства: «чистая проза никогда не прозаична. Она поэтична и, следовательно, так же редка, как и поэзия» [2, р. 205]. Таким образом, мы приходим к выводу, что привычные представления о прозе, бытующие в различных академических кругах, не могут приблизить нас к тем представлениям, что изложены в трудах Хайдеггера. Скорее все попытки выявить какое-либо определение того, что представляет собой поэзия, ограничиваются выяснением того, чем она по своей сути не является.

Следует отметить, что сам Хайдеггер в своих трудах нигде не приводит конкретного определения концепта «*Dichtung*». Тем не менее, при исследовании его философского наследия выявляются косвенные признаки, подтверждающие, что поэзия по своей сути нечто несоизмеримо большее, чем просто литературный жанр. При обозначении поэзии Хайдеггер использует немецкое слово *Dichtung*, корни которого восходят к латинскому слову *dictare* ‘диктовать, сочинять’, которое в свою очередь происходит от латинского слова *dicere* ‘говорить’. Здесь важно отметить, что немецкий философ предпочитает слово *Dichtung* возможно более распространенному его аналогу в немецком языке – *Poesie*, берущем свои корни от древнегреческого слова *ποίησις*. В соответствии с этим поэта Хайдеггер обозначает словом *Dichter*. Такой выбор философа можно обосновать, проанализировав употребление слова *поэт* в русском языке. Оно является заимствованным из древнегреческого языка. В соответствии с толковым словарем С. И. Ожегова поэт – это «автор стихотворных, поэтических произведений» либо «человек, который наделен поэтическим отношением к окружающему, к жизни» [3, с. 576]. Однако оба из приведенных значений своим смысловым содержанием весьма далеки от того понимания, которое в данный концепт вкладывал немецкий философ. По мнению российского исследователя Е. В. Фалёва, наиболее близким переводом к хайдеггеровскому концепту «*Dichtung*» будет слово *певец*. Он пишет: «так на Руси именовали “существенных поэтов”, так как их стих это всегда песня (дар поэзии *ins Lied gehüllt* сокрыт в песне)» [4, с. 163].

При этом следует уточнить, что в данном контексте *поэзия* не представляет собой изложение поэтом личного жизненного опыта. Известный британский философ Дж. Паттисон отмечает, что «в действительности в поэме говорит язык, а не своевольная личность поэта» [5, р. 169]. В данной связи Хайдеггер отмечает, что «по своей сути, язык не является ни выражением, ни деятельностью человека. Язык говорит (*Sprache spricht*)» [2, р. 194]. Исходя из этого суждения, мы делаем вывод, что поэзия выходит за рамки, ограничивающие задумку поэта.

Хайдеггер пишет: «То, что сказано чисто является поэмой» [2, р. 192]. И здесь справедливо возникает вопрос: как мы можем определить, что сказано «чисто»? Мышление человека имеет прочную взаимосвязь с тем, что «говорит» нам язык (*Sprache spricht*). Услышать при этом, что сказано языком чисто больше возможностей предоставляет именно поэтическая речь, в отличие от обыденного (повседневного) языка. Поэзия своей иносказательностью позволяет раскрыться тому смыслу, что сокрыт в языке. В этом плане поэзия возводится на принципиально новый уровень по отношению к обыденному языку. Поэзия выступает как язык в его чистом виде: она позволяет выразить в словах то, что остается сокрытым в обыденном языке.

Профессор Фордхемского университета Дж. Гозетти-Ференсей следующим образом описывает преимущество поэтического языка перед обыденным: «Поэзия отличается от обыденного языка; она делает язык непривычным, сверхъестественным или несокрытым, так что мы становимся способными осознать саму его близость и сущность этой близости. Таким образом, поэтический язык вступает за границы того, что может быть сказано» [6, p. 193]. В доказательство тому, что поэзия является чистым языком, мы можем привести ее способность отобразить в поэтическом произведении невыразимое как таковое, раскрывая в поэме сокрытую от повседневного языка глубинную сущность понятий.

В заключение мы можем отметить, что переводить хайдеггеровский термин *Dichtung* на русский язык посредством слова *поэзия* сообразно лишь в том случае, если проясняется специфика его употребления в контексте оригинальной языковой системы Хайдеггера. Особый подход Хайдеггера к поэзии проявляется, прежде всего, в том, что он воспринимает ее не просто как определенную форму проявления литературы, а как «чистый» язык. Более того, философ не приводит противопоставления поэзии и прозы, полагая, что «чистая» проза тоже по существу носит поэтический характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Швейцер, А. Д. Теория перевода и контрастивная лингвистика / А. Д. Швейцер. – М.: Издат. группа URSS, 2012. – 216 с.
2. Heidegger, M. Poetry, Language, Thought / M. Heidegger. – N. Y.: Harper Collins, 2001. – 256 p.
3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: А Темп, 2006. – 944 с.
4. Фалёв, Е. В. Герменевтика Мартина Хайдеггера / Е. В. Фалёв. – СПб.: Алетейя, 2008. – 224 с.
5. Pattison, G. Routledge Philosophy Guidebook to the Later Heidegger / G. Pattison. – Routledge, 2000. – 256 p.
6. Gosetti-Ferencei, J. The world and image of poetic language: Heidegger and Blanchot / J. Cosseti-Ferencei // Continental Philosophy Review. – 2012. – Vol. 45. – P. 189–212.

The paper presents comparative analysis of the original philosophical concept “Dichtung” of Heidegger's specific language system and its equivalent in Russian “поэзия”. The author comes to the conclusion that the use of the word “поэзия” in the Russian language when translating the Dichtung concept is justified only when clarifying Heidegger's philosophical notions with regard to the phenomenon of poetry as a language in its pure form.

Е. В. Шестакова
Минск, МГЛУ

ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СПОРТИВНЫХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

В данной статье рассматриваются особенности и стратегии перевода спортивных публицистических текстов с учетом их жанрово-стилистической специфики. На основе существующих классификаций жанров публицистического стиля анализируется частотность реализации того или иного жанра в области спортивной публицистики. В статье приводятся главные аспекты переводческой работы со спортивным текстом с учетом стилистических особенностей исходного материала. Также анализируются основные стилистические трансформации, наиболее часто применимые при работе над переводом спортивного текста.

Спортивный текст представляет собой разновидность публицистических текстов. Функциями такого текста являются информационная и воздействующая. Как пишет американский спортивный журналист и писатель Стив Уилстайн, «перед спортивным журналистом стоит задача описать событие, приложив свой энтузиазм и остроумие; вызвать у читателей смех, слёзы или гнев; развлечь или проинформировать; сообщить новость, о которой ещё никто не знает; описать игру, которую видели все; поделиться впечатлениями от той атмосферы, которая была на стадионе, на трибунах или в раздевалке; придать значимость событию и объективно оценить его» [1, с. 6]. Исходя из такой формулировки, можно сделать вывод, что спортивный публицистический дискурс – динамично развивающаяся система, призванная охватить целый спектр тематик и удовлетворить интересы широких слоев населения.

Структура спортивных публицистических текстов варьируется в зависимости от типа и жанра статьи. Жанровая специфика спортивного публицистического дискурса – это то, что отличает и зачастую определяет языковые особенности текста и стратегию перевода, которую следует избрать переводчику при работе со спортивным публицистическим текстом.

Большинство лингвистов и специалистов в области публицистики, среди которых И. Б. Голуб и А. А. Тертычный, выделяют следующие жанры публицистического стиля: информационные (заметка, репортаж, отчет, интервью, хроника, обозрение), аналитические (статья, корреспонденция, комментарий, рецензия, обзор) и художественно-публицистические (очерк, фельетон, памфлет) [2, с. 33; 3, с. 13]. В спортивной публицистике находят отражение практически все вышеперечисленные жанры, однако следует отметить, что, учитывая специфику данной сферы, особенности имеющихся источников информации – печати, радио и телевидения – сформировали систему, ориентированную на информационные жанры. Как отмечает в своих работах К. А. Алексеев, «заметка, корреспонденция, репортаж объективно

преобладают хотя бы потому, что спортивная журналистика по сути своей событийна» [4, с. 328], и так как главной целью таких текстов является прежде всего информирование читателей об актуальных событиях. Аналитические жанры также пользуются популярностью, так как спортивный журналист стремится рассуждать на актуальные темы и анализировать различные события в мире спорта с целью объяснения и выявления определенных тенденций и закономерностей.

Говоря о переводе спортивных публицистических текстов, жанрово-стилистический аспект при передаче таких материалов с английского языка на русский играет если не главную, то одну из определяющих ролей. Адекватный перевод текстов средств массовой информации, в особенности в спортивной сфере, невозможен без учета стилистической стороны оригинала.

Любая газетная, журнальная статья или статья из Интернета имеет более или менее ясно выраженную стилистическую окраску. Я. И. Рецкер в своей книге «Теория перевода и переводческая практика» справедливо отмечает, что переводчику публицистической статьи зачастую приходится делать выбор в пользу одной из двух стратегий: равняться на стиль оригинала и передавать стилистическое своеобразие текста (определяя для себя, какие средства при этом использовать) или же на общепринятый стиль отечественной прессы и пренебречь трудно передаваемыми стилистическими характеристиками [5, с. 130].

В первую очередь при выполнении перевода спортивной статьи нужно внимательно проанализировать ее назначение и ее целевую аудиторию. Если главной целью материала является информирование читателя и донесение до него определенной идеи, имеет смысл сделать упор на передачу основной мысли средствами, понятными русскоязычному читателю, поскольку в текстах, перегруженных стилистически окрашенными выражениями, существует риск запутать читателя конструкциями, объясняющими специфические выражения языка оригинала. В большинстве случаев они объясняются с помощью примечаний, которые только загромождают текст и препятствуют правильному восприятию основной идеи текста.

Второй аспект, который в большинстве случаев задает ориентир переводчику при выборе стратегии перевода с точки зрения стилистики, – это определение жанра спортивной статьи. Как уже говорилось выше, у каждого жанра спортивной публицистики свое назначение, что накладывает отпечаток на те лексические, грамматические, синтаксические и стилистические средства, в пользу которых делается выбор при выполнении перевода.

Еще одним аспектом, на который следует обратить внимание при переводе спортивного публицистического текста, является также сохранение индивидуального авторского стиля. Тот факт, что тексты, встречающиеся в средствах массовой информации, как справедливо утверждает И. С. Алексеева, являются частью глобального текста целого печатного или электрон-

ного издания, представляется важным при определении стратегии их перевода, так как у этого глобального текста есть свой единый стиль, своя идеология, своя тематическая направленность [6, с. 183]. Зачастую информационные сообщения о событиях в мире спорта публикуются без указания конкретного автора от имени всей редакции с целью сообщения новых сведений. Однако это не означает, что подобные тексты лишены авторских черт. В ряде случаев такие материалы могут показаться объективными, но на самом деле они так или иначе подаются под определенным углом, чтобы навязать читателю определенную позицию. В любом информационном сообщении, как пишет И. С. Алексеева, можно уловить, на чьей стороне автор.

Стилистические трудности перевода спортивных публицистических текстов прослеживаются как на уровне слова, так и текста. Рассматривая лексический аспект в контексте стилистики, первое, с чем сталкивается переводчик при работе со спортивным текстом, – это вычленение лексических единиц, которые и определяют стилистическую направленность материала. Однако лексический материал – это важная, но не всегда определяющая характеристика стиля.

Как подчеркивает Я. И. Рецкер, «характер стиля определяется всей совокупностью средств и их отношением к выражаемому содержанию, к идейно-художественному замыслу автора» [5, с. 135]. Применяя такой подход в контексте спортивной публицистики, можно заметить, что важнейшие преобразования и стилистические адаптации происходят на уровне текста. Как пишет Я. И. Рецкер, «даже когда в переводимом тексте встретится стилистически безэквивалентное выражение, не беда, если оно не будет передано равноценным образом». В этом случае важно передать мысль, которую хотел донести до читателя автор, а также тот эффект, который достигается периферийной лексикой, выразить эмоциональную или оценочную сторону экспрессии [Там же].

По словам Я. И. Рецкера, при переводе публицистики нередко возникает трудный вопрос: нужно ли передавать стилистическое своеобразие текста, и если да, то какие средства при этом использовать [Там же, с. 130]. В результате анализа англоязычных спортивных статей было выявлено, что при их переводе эффективнее всего используются следующие стилистические трансформации, также сформулированные Я. И. Рецкером:

1) экспрессивно-эмоциональная конкретизация/экспрессивное согласование – один из видов стилистических трансформаций, при котором выбор выразительного слова объясняется выразительностью соседнего слова или более широкого контекста [Там же, с. 135]:

The Midlanders went on to win 1-0 through Rondon's second-half strike [7]. – «Вест Бром» вырвал победу 1–0 благодаря голу Рондона во втором тайме.

Barca legend Xavi was then introduced for his swansong [8]. – Затем легенда «Барсы» Хави получил шанс в последний раз помочь своей команде.

Sums up Leicester's display lately [9]. – В этом вся игра «Лестера» за последнее время.

2) экспрессивно-прагматическая конкретизация сочетает в себе эмоциональную окраску с логической основой. Прагматическая основа конкретизации при переводе на русский язык требует законченности мысли, выраженной в подлиннике образными средствами [5, с. 137]:

I told Deschamps that he must take the best players to the European Championship but not that I want to return to the national team [10]. – Я сказал Дешаму, что он должен взять лучших футболистов на чемпионат Европы, но не говорил, что хочу вернуться в сборную.

It is my intention to continue until France 2016 and then leave [10]. – Я собираюсь продолжить работу со сборной во время чемпионата Европы, а затем покину свой пост.

Mahrez twists and turns on the edge of the box and then hits a shot [11]. – После череды обводок на линии штрафной Мареz наносит удар по воротам.

Из всего вышесказанного следует, что стилистический компонент при переводе спортивного публицистического текста играет не менее важную роль, по сравнению с лексическим и грамматическим, и требует от переводчика повышенного внимания и определенной языковой компетенции. Правильное определение жанра публицистического стиля также может значительно повлиять на выбор стратегии при переводе спортивного текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Wilstein, S. Sports Writing Handbook / S. Wilstein. – N.Y. : The Associated Press, 2002. – 185 p.*
2. *Голуб, И. Б. Русский язык и культура речи : учеб. пособие / И. Б. Голуб. – М. : Логос, 2003. – 432 с.*
3. *Тертычный, А. А. Жанры периодической печати : учеб. пособие / А. А. Тертычный. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Аспект Пресс, 2002. – 320 с.*
4. *Алексеев, К. А. Спортивная журналистика : учебник для магистров / К. А. Алексеев, С. Н. Ильченко. – М. : Юрайт, 2013. – 427 с.*
5. *Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. – М. : Междунар. отношения, 1974. – 216 с.*
6. *Алексеева, И. С. Введение в переводоведение : учеб. пособие для студ. филол. и лингвист. ф-тов. высш. учеб. заведений / И. С. Алексеева. – М. : Академия, 2004. – 352 с.*
7. *Preview: West Brom v Man Utd // ManUtd.com [Electronic resource]. – 2017. – Mode of access : <http://www.manutd.com/en/Fixtures-And-Results/Match-Reports/2016/Dec/Match-Preview-West-Bromwich-Albion-v-Manchester-United-Premier-League.aspx>. – Date of access : 15.11.2017.*

8. Juventus 1-3 Barcelona: Suarez, Rakitic & Neymar deliver Champions League glory // Goal.com [Electronic resource]. – 2017. Mode of access : <http://www.goal.com/en-gb/match/juventus-vs-barcelona/1700349/report>. – Date of access : 06.11.2017.
9. Leicester – Watford Live Commentary // Sky Sports [Electronic resource]. – 2017. – Mode of access : <http://www.skysports.com/football/leicester-vs-watford/live/356690>. – Date of access : 02.11.2017.
10. Bayern Munich's Franck Ribery rules out France return // Sky Sports [Electronic resource]. – 2017. – Mode of access : <http://www.skysports.com/football/news/12025/10283423/bayern-munichs-franck-ribery-rules-out-france-return>. – Date of access : 15.11.2017.
11. Head Coach Marco Silva spoke to the media following Saturday's 3-1 defeat at Stoke City // Hull City Tigers [Electronic resource]. – 2017. – Mode of access : <http://www.hullcitytigers.com/news/article/2016-17/post-match-reaction-with-marco-silva-3677405.aspx>. – Date of access : 15.11.2017.

The article focuses on genre and stylistic peculiarities that can be identified and should be taken into consideration while translating publicistic texts on sports.

МОДЕЛИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА

А. В. Бенедиктович
Минск, МГЛУ

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АБСТРАКТНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ АРГУМЕНТАЦИИ В МЕДИАДИСКУРСЕ НА АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматривается семантический и синтактико-стилистический потенциал абстрактных существительных в реализации стратегии аргументации в англо- и русскоязычных аналитических статьях. Выделены такие аспекты стратегии аргументации, как рациональное убеждение адресанта и воздействие на его эмоциональную сферу, установлена преобладающая роль последнего, а также выявлены сходства и различия в тенденциях употребления абстрактных существительных в двух языках.

В современном обществе наблюдается стремительное развитие информационного пространства: телевидения, радио, прессы, Интернета. И медиадискурс, несомненно, играет особую роль в формировании общественного и индивидуального сознания. В ряду средств массовой коммуникации значительное место занимает пресса [1; 2; 3].

Аналитическая статья является одним из жанров аналитической журналистики наряду с корреспонденцией, обзором, рецензией; комментарием; литературно-критической статьёй [4]. Аналитическая статья предназначена, прежде всего, для анализа актуальных, общественно-значимых процессов, ситуаций, явлений и управляющих ими закономерностей [Там же]. Осуществляя рационально-теоретическое описание проблемы, автор статьи реализует стратегию аргументации, выявляет взаимосвязи явлений, их причины, предлагает свои оценочные суждения, прогнозирует их развитие. При этом его конечной целью является трансформация картины мира адресата, убеждение в истинности выдвинутого тезиса и влияние на процесс принятия им решений [2].

Специфика аналитического дискурса, которому присущ анализ, рассуждение, установление различного рода логических отношений между явлениями, предопределяет широкое употребление высказываний с абстрактными существительными.

Материалом исследования послужили аналитические статьи из британских и белорусских русскоязычных периодических изданий «The Times», «The Telegraph», «СБ – Беларусь сегодня», «Рэспубліка».

Абстрактные существительные участвуют в реализации такой задачи аргументации, как *рациональное убеждение* читателя и *воздействие на его эмоциональную сферу* [5].

Высказывания с абстрактными существительными представляют фактологическую информацию о ситуации, событии, явлении: *The number of convictions increased because more cases were going through the system. Compared with the number of recorded allegations, however, the proportion of convictions halved in four years* (The Times, 13.03.2017); *Mitochondrial replacement therapy (misleadingly termed three-parent babies) is to be permitted by the Human Fertilisation and Embryology Authority* (The Times, 19.12.2016). *Планы создания транспортных коридоров будут конкурировать с российскими железными дорогами, соединяющими Европу и Азию. Все это, несомненно, приблизит Минск к новым центрам принятия решений, а стало быть, резко оживит экономику Беларуси* (СБ – Беларусь сегодня, 16.07.2015).

Рациональному убеждению читателя способствуют и использование в высказываниях с абстрактными существительными предикатов со значением действия, каузативного значения, фазисного значения, речевой деятельности: *In vitro fertilisation itself was invented in Manchester in 1978 by Robert Edwards and Patrick Steptoe; the first test-tube baby, Louise Brown, is British* (The Times, 19.12.2016); *Sales volumes at the upper end are sharply down. Buyers are reluctant to buy, sellers reluctant to cut prices. New housebuilders are feeling the effects too: Barratt last week said it was cutting its prices in inner London by up to 10 per cent. The paralysis is impacting other parts of the property market. Empty nesters are deterred from trading down* (The Times, 21.11.2016); *Radical chic nonsense caused Camus to fall out badly with his friend Jean-Paul Sartre when the latter got so confused about right and wrong that he refused to condemn the gulags* (The Times, 25.11.2016); *It is a pity that Dame Louise's review was not undertaken a decade or more ago, before the doctrine of political correctness forbade the establishment from talking about such matters* (The Times, 21.11.2016); *Donald Trump's assault on the basic assumptions of international relations continues* (The Telegraph, 13.12.2016).

Dame Louise sets out some initial thoughts on what might be done to promote opportunity and integration (The Times, 15.11.2016); *Пошумели, заявили о себе «шестидесятники». Все же «оттепель», растаяли не только политические завалы, но и души. Стихи, гитары у костра, романтика, но никак не популярные сегодня прагматизм и креативность. А вот дальше акценты прослеживаются с трудом* (СБ – Беларусь сегодня, 23.06.2015).

Рационально-логическое рассуждение представлено в связочных высказываниях со значением тождества и характеристики, с помощью которых автор описывает различного рода логические отношения или дает объективную характеристику явлению: *The campaign against them, though, is the work of people who want the world to look like their own Facebook page. People who have lost all confidence in challenging the ideas they abhor, and now just want them to go away* (The Times, 15.11.2016); *Speaking last week, Mark Zuckerberg said it was a "pretty crazy idea" that his site had swung the election. According to The New York Times, however, senior executives at the social media giant are worried that they might have done so, via "filter bubbles". <...> How,*

though, to correct that problem? First and foremost, the question is a political one (The Times, 15.11.2016); *Проходившие на минувшей неделе встречи лидеров БРИКС и ШОС по своей значимости и масштабам можно отнести к важнейшим внешнеполитическим мероприятиям мировой повестки дня* (СБ – Беларусь сегодня, 16.07.2015).

Как показало проведенное исследование соотношение в текстах аналитических статей рациональной аргументации и апелляции к эмоциональной сфере, взглядам и убеждениям адресата смещено в пользу последней.

Абстрактные существительные (АС) сопровождаются атрибутами оценочной семантики: *I have met some of the families suffering from the dreadful diseases it could cure* (The Times, 19.12.2016).

Автор использует АС оценочного значения: *Yet again, Britain is pioneering a biomedical innovation* (The Times, 19.12.2016); *Most of the recent worry over Lisas has centred over whether they could deter twenty and thirty-somethings from conventional pension saving. It's a "mis-selling scandal waiting to happen", according to Baroness Altmann, the former pensions minister. This may be a risk for a minority, but research from Hymans Robertson suggests most people interested in Lisas would continue to save in workplace pensions as well.*

Следует отметить, что в некоторых высказываниях объединяются чувства и разум, представляя некоторое логическое утверждение, автор одновременно создает и эмоциональный фон: *Populism is best defined as a revolt, led by an elite posing as tribunes of the people, against the old elite* (The Times, 25.11.2016); *In the pre-Brexit period, many commentators, including President Obama, the IMF, the Treasury and the Bank of England, predicted that a vote to leave would result in a recession* (The Times, 14.03.2017); *Если выразаться предельно просто, то сотрудничество с БРИКС и ШОС для Беларуси – это новые рынки сбыта, более глубокая вовлеченность в международные дела, масса иных дополнительных возможностей* (СБ – Беларусь сегодня, 16.07.2015).

Стремясь воздействовать на эмоциональную сферу аудитории, автор выражает свою точку зрения: *I also feel a twinge of old-fashioned national pride* или сообщает о положительных переживаниях третьих лиц: *About five million couples worldwide have now had the happy experience of overcoming infertility thanks to something that started here* (The Times, 19.12.2016).

Частотным способом выражения мнения является использование АС общесобытийного значения в позиции подлежащего: *The conventional wisdom is that her lead will then unwind in the second round of voting, as tactical redistribution of votes gives the Republican candidate a clear victory* (The Times, 25.11.2016); *The danger is that once Raqqa and Mosul are retaken, attention will wander. Instead, the West and its allies in the Middle East and North Africa should build on their coalition* (The Telegraph, 11.12.2016); *The irony is that although we know the solutions to our economic problems, we don't implement them* (The Telegraph, 10.12.2016); *Спору нет: выстраивание коллективной систе-*

мы региональной безопасности сегодня – задача актуальная. Но ШОС успешно решает и еще одну проблему. Причем весьма деликатную. Дело в том, что страны Центральной Азии воспринимают одностороннее влияние гигантов – России или Китая – с некоторым опасением. В ШОС же все участники – равноправные члены, а все вопросы решаются консенсусом (СБ – Беларусь сегодня, 16.07.2015).

В результате исследования синтактико-стилистических средств воздействия на эмоциональную сферу адресата было установлено, что наиболее употребительными в английском языке являются отрицательные предложения: *There is no good reason for facility time to be three and a half times higher in the public sector than in the private sector and it seems that transparency alone will not bring the bill down for taxpayers. This is why it was so disappointing to see plans to cap facility time kicked into the long grass for at least two years. More stringent reporting standards are really not enough* (The Times, 14.03.2017).

В русском языке наиболее частотными синтактико-стилистическими средствами являются вопросительное и отрицательное предложение: *Поколение полегло, но подняло планку отношения к жизни, стране, Родине на столь высокий уровень, что наследникам до нее расти еще и расти. Хорошо, пусть так, а поколение, которое выбрало в качестве цели поездки за туманом и за запахом тайги? Такие же идеалисты, не понимающие, что в жизни хорошо, а что плохо? Читая книги той поры, воспоминания многих живущих ныне, понимаешь: а ведь это было счастливое поколение. Разочарования более позднего периода здесь не в счет* (СБ – Беларусь сегодня, 23.06.2015).

Достаточно частотным приемом привлечения внимания читателя и апелляции к его эмоциям является использование автором однородных членов предложения: *Until very recently in our society, child marriage, bigamy, divorce at the will of the male partner, the imprisonment of wives at the will of their husband <...> and abortion on the grounds of the sex of the unborn child were unacceptable and indeed criminal offences* (The Telegraph, 12.12.2016). В данном случае концентрация абстрактных существительных с отрицательной оценочной коннотацией в одном фрагменте несет сильный эмоциональный заряд, который, очевидно, не оставит читателя равнодушным.

Потенциалом воздействия на эмоциональную сферу адресанта также обладают выявленные в ходе анализа параллельные конструкции: *When forecasts deteriorated, as they dramatically did in the autumns of 2011 and 2012, no games had to be played, no further spending cuts had to be announced* (The Telegraph, 10.12.2015), а также инверсия: *Nor did we have any challenge to supremacy of statute and common law from a rival legal system with its own courts such as that now represented by the network of Sharia law and courts* (The Telegraph, 12.12.2016).

Таким образом, проведенное исследование показало как черты сходства, так и различия в функциональном потенциале абстрактных существительных в реализации таких тактик аргументативной стратегии, как рацио-

нальное убеждение и воздействие на эмоциональную сферу. Общие черты присущи реализации рационального убеждения, отличия же касаются синтактико-стилистических средств реализации воздействия на эмоциональную сферу адресата медиадискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Добросклонская, Т. Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь : учеб. пособие / Т. Г. Добросклонская. – М. : Флинта ; Наука, 2008. – 263 с.
2. *Dobrosklonskaya, T.* Key trends in medialogistics / T. Dobrosklonskaya // Abstracts of the 7th Intern. Scientific Conf. “Linguistic, Educational and Intercultural Research 2017 (LEIC 2017)”, Vilnius, 12–13 Oct. 2017. – P. 41–42.
3. Язык средств массовой информации : учеб. пособие / Моск. гос. ун-т ; под ред. М. Н. Володиной. – М. : Альма Матер ; Акад. Проект, 2008. – 750 с.
4. *Тертычный, А. А.* Аналитическая журналистика: познавательно-психологический подход / А. А. Тертычный. – М. : Гендальф, 1998. – 255 с.
5. *Лавренко, Е. В.* Языковое воплощение коммуникативных стратегий в экономическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. В. Лавренко ; Минск. гос. лингвист. ун-т. – Минск, 2008. – 24 с.

The article deals with the semantic, syntactic and stylistic peculiarities of the use of abstract nouns in analytical articles in the English and Russian languages. Similarities and differences of the realization of their argumentative potential have been defined.

А. А. Вольвачева
Минск, МГЛУ

СПЕЦИФИКА ВЕРБАЛИЗАЦИИ ОТКРОВЕННОСТИ В РУССКОЙ И ФЛАМАНДСКОЙ КОММУНИКАТИВНЫХ КУЛЬТУРАХ

Данная статья представляет собой попытку анализа откровенности как феномена медийной коммуникации.

По мнению многих исследователей, откровенность – это способность человека выражать свое мнение, признавать свои ошибки не только перед кем-либо, но и также перед самим собой, открыто заявлять свою позицию относительно каких-либо вещей, не обращая внимания на мнения окружающих и общепринятые нормы [1].

Следует заметить, что понятие откровенности зачастую сравнивают с понятием искренности. Однако эти понятия имеют разные значения. Искренность – это способность говорить правду в любой ситуации, откровенность – состояние, в котором человек может довериться кому-либо; искренность – это, скорее, качество, черта характера (способность быть

честным в чувствах, честно выражать эмоции, не лицемерить), т.е. искренность часто не осознанна, тогда как откровенность – поступок, действие, на которое человек идет обдуманно.

Материалом исследования послужили 16 интервью со страниц интернет-версий популярных российских и фламандских изданий, таких как «Спорт экспресс», «Российская газета», «Sportmagazin», «Knack» (за 2009–2016 гг.), относящихся к русской (8) и фламандской (8) коммуникативным культурам и содержащих вербализацию откровенности. Соотношение участников интервью (в каждой коммуникативной культуре) было следующим: 4 интервью с известными спортсменами, 2 – с известными писателями, 2 – с известными исполнителями.

Анализ специфики реализации откровенности в медийной коммуникации продемонстрировал разнообразный характер откровенности, что обусловлено рядом факторов, а именно, внешними условиями и внутренним состоянием говорящего, степенью его искренности и доверительности. Степень откровенности в коммуникации может варьироваться от минимальной (*частичная откровенность*) до максимальной (*исповедальная откровенность*).

Нами были обозначены следующие культуроспецифичные аспекты вербализации откровенности в рамках интервью, относящихся к русской коммуникативной культуре.

1. Стремление установить личностный контакт (обращение к широкой аудитории): *«Но как бы ни вышло, я хочу, чтобы вы, мои болельщики, знали правду»* (Мария Шарапова).

2. Присутствие оправдательных реплик: *«Этот документ содержал тысячи слов, многие из них технические (термины) мелким шрифтом. Должна я была это изучить? Да. Но если вы видели этот документ, вы знаете, что я имею в виду»* (Мария Шарапова); *«Конечно, неправильно, что я так нецензурно начал выражаться. Когда чуть остыл, понял, что нельзя было так делать. Но в тот вечер я этого не понимал»* (Роман Павлюченко).

3. Присутствие эмотивной лексики: *триумф нашей сборной* (Елена Исинбаева); *этого кошмара* (Глеб Самойлов).

4. Эллиптические конструкции: *«И понеслось...»* (Роман Павлюченко).

5. Использование культурной доминанты «смысл жизни»: *«Но до тех пор, пока жив твой последний родственник, ты вроде как на плаву. А когда теряешь последнего, понимаешь, что тебе нужно жить – ты молод, успешен, ты должен жить дальше, но не понимаешь: зачем»; «У меня нет семьи, нет детей. Мне не на что расплескиваться. А теперь у меня нет даже родителей, осталась только профессия. И при таком раскладе несложно быть идейным человеком. Теперь уже я цепляюсь за нее, чтобы найти причины, чтобы продолжать жить»* (Земфира).

В целом различные речевые приемы, целью которых является провоцирование читателя на те или иные реакции (сочувствие, эмоциональная поддержка) (пункты 1, 2, также 5), вероятно, являются признаком коммуникативного коллективизма в русской лингвокультуре.

Анализ интервью, относящихся к фламандской коммуникативной культуре, позволил выявить:

1) использование культурной доминанты «независимость»: *«Окружающие должны предоставить мне определенную независимость, и я всегда вновь встану на ноги»* (Том Боонен);

2) подробные описания семейной жизни: *«Я сожалею, что не могу проводить больше времени со своей семьей. Не думаю, что деньги все покрывают»* (Жонатан Лежар).

3) использование повторов (в том числе семантических повторов) в оправдательной откровенности для подчеркивания своей правоты: *«...я ничего не делаю, это чистая ложь»*; *«работаю по пятнадцать часов в день – я не лгу»* (Дэниэль Ван Бюйтен).

4) повторение слов, выражающих отрицание: *«ничего не понял... никто не говорит по-английски... никто не здороваются»* (Жонатан Лежар).

Также в результате проведенного анализа были выявлены следующие закономерности: представители российской лингвокультуры значительно чаще прибегают к техникам оправдательной откровенности, а также при ответе на вопросы личного, интимного, или же неудобного характера значительно чаще прибегают к техникам ухода от ответа в отличие от представителей фламандской лингвокультуры: *«На самом деле трудно ответить на этот вопрос, да я был шестой, сейчас двадцатый, но в данный момент у меня другой план и другие цели»* (Александр Марков).

В интервью представителей фламандской лингвокультуры нашей выборки значительно чаще используются техники исповедальной откровенности, а также представители фламандской коммуникативной культуры более свободно делятся подробностями

ЛИТЕРАТУРА

1. *Наумова, М. М.* Откровенность в межличностной коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Волгоград. гос. соц-пед. ун-т. – Волгоград, 2015. – 25 с.

The article analyses verbalizing sincerity in Russian and Flemish communicative cultures.

Ю. Д. Гавронова
Смоленск, СмолГУ

ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ТРАДИЦИЙ И ОБЫЧАЕВ ПРАЗДНОВАНИЯ ПАСХИ В ГЕРМАНИИ И РОССИИ

Тезисы посвящены изучению реалий праздника Пасха в языковой картине русских и немцев. В статье рассматриваются роль языка в передаче культурных ценностей, история возникновения праздника Пасха, этимология названия праздника в русском и немецком языках, обычаи, традиции, символы и культурные реалии, реальные предметы

праздничной культуры и явления действительности (пасхальные яйца, пасхальный кулич, пасхальный пирог, пасхальное дерево, пасхальная свеча, пасхальные лилии или пасхальные колокольчики, пасхальный кролик или заяц, пасхальный костер, пасхальный венок). Проводятся параллели между русской и немецкой культурой, между православной, католической и протестантскими традициями.

Праздничная культура всегда накладывала отпечаток на «историческую память любого народа». Праздничные традиции, обряды, обычаи являются неотъемлемой частью этнической культуры каждого народа и передаются из поколения в поколение в течение многих веков. При этом, как отмечает Вильгельм фон Гумбольдт, связующим звеном между прошлым, настоящим и будущим является язык. Язык – это явление, определяющее «дух народа», его мировоззрение и отражающее характер этноса, его психический склад и образ мыслей, иными словами, весь комплекс интеллектуальных ценностей [1].

Особое место при изучении праздничной культуры занимают реалии быта: обычаи, традиции, праздники. Выясним теперь, что стоит за понятийной эквивалентностью реалий быта. Сопоставление русского и немецкого языков с учетом социокультурного компонента вскрывает глубины различий между тем, что стоит за словами этих языков, то есть между культурными представлениями о реальных предметах праздничной культуры и явлениях действительности и между самими предметами и явлениями. Пасха для немецкой культуры является самым важным весенним праздником. Поэтому начнем с этимологии понятия *Ostern*.

Пасха или Воскресение Христово – самый главный праздник христианской церкви. Считается, что немецкое название праздника произошло от имени богини весны и плодородия Остары, которой в древности поклонялись европейские народы и посвящали праздник в день весеннего равноденствия. Слово *Ostara* обозначало первоначально свет или сияние. Оно связано с названием древнегерманского месяца *остарун* [2, с. 193].

Христиане отмечают в этот день смерть и воскресение Христа. Согласно церковной традиции Пасха подвижный праздник и приходится на первое воскресенье после первого весеннего полнолуния. Ее отмечают в различные даты, в зависимости от изменяющегося дня весеннего полнолуния (между 22 марта и 25 апреля). Для вычисления дат празднования Пасхи составляются особые таблицы – пасхалии. Значимость Пасхи для немцев подтверждается тем фактом, что до 1310 г. она официально открывала в Германии год [3, с. 578].

Русское слово *пасха* представляет собой греческое видоизменение древнееврейского слова *pesah*, которое по традиции толковалось как ‘прохождение’ (в контексте событий исхода Израиля из Египта). Вероятно, данное название было заимствовано из более древнего пастушеского обычая празднования перехода с зимних пастбищ на летние. Расчет времени празднования Пасхи осуществляется по лунно-солнечному календарю.

Однако, у католиков и православных существует расхождение между исчислением дат Пасхи. Тем не менее день Воскресения Христова приходится на воскресенье [4].

Рассмотрим символы Пасхи в России и Германии. Наиболее известные символы православной и католической церкви – яйца и куличи. В России по традиции яйца должны быть красного цвета (для этого используют луковую шелуху). Яйца принято дарить друг другу или играть ими в биточки. Чье яйцо окажется крепче при ударе им об яйцо соперника, тот и победил. Пасхальный пирог символизирует тело Христа. Кулич принято выпекать из теста с добавлением изюма. На поверхности следует написать *XB*, что значит «Христос Воскрес». В Германии, напротив, люди сами яйца (*Ostereier*) никогда не красят: в супермаркетах они продаются в ассортименте. Очень любят Пасху дети, для них часто покупают шоколадные яйца («Киндер-сюрпризы»). Яйцо также считается элементом украшения пасхального дерева (*Osterbaum*, аналога данной реалии в русской культуре нет). Пасхальное дерево символизирует жизнь, поскольку весной деревья зеленеют, возрождаясь к новой жизни. Яркие пасхальные пироги (*Osterkuchen*) всегда разнообразны. Они вкусные и легкие – йогуртовые или со вкусом свежего сыра с добавлением сока лимона или яичного ликера. В христианстве также глубоко символична пасхальная свеча: ее благодатный огонь не гаснет сорок дней. Свет считается символом жизни. Пасхальная свеча символизирует победу воскресшего Иисуса Христа над смертью. В Германии на пасхальной свече (*Osterkerze*) могут быть изображены разные мотивы: вода, солнечные лучи, крест, ягненок или голубь. Свеча всегда белая, поскольку этот цвет является символом надежды и жизни [5].

У немецкой Пасхи есть еще несколько символов. Один из них – цветок нарцисс. Пасха ассоциируется у немцев с окончанием зимы и наступлением теплой весенней поры. Поэтому в каждом доме к Пасхе должен стоять букет нарциссов, одних из первых весенних цветов. Кроме того, для христиан нарцисс означает благородство и победу Иисуса Христа над смертью, поэтому считается цветком Пасхи. В России нарциссы называли «пасхальными лилиями», а в Германии – «пасхальными колокольчиками» [6].

Пасха в Германии не обходится без пасхального кролика или зайца (*Osterhase*). Данный символ (пасхальный заяц) был заимствован из древнегерманских культов. Заяц или Кролик были любимыми животными богини любви Афродиты (*Aphrodite*), а также германской богини земли (Холда – *Erdgöttin Holda*). Кролик, как и яйцо, ассоциируется с изобилием и плодovitостью. Пасхальный кролик – это символ удачи и богатства. Зайцы, каждую весну приносят богатое потомство, дарят жизнь. С давних времен существует поверье: если люди увидели маленьких зайчат, то зима подошла к концу. Считается, что пасхальный заяц приносит яйца только детям, которые хорошо себя ведут [5].

В Германии праздник начинается уже в пятницу. В этот день проводятся траурные мессы. В субботу везде разжигают костры (Osterfeuer). Это немного напоминает русскую Масленицу. Костер символизирует прощание с зимой, а также в нем «горят» все негативные эмоции и воспоминания. Он отгоняет злых духов [5].

Другой важный элемент немецкой Пасхи – это венок (*Osterkranz*) из цветов и распустившихся веток, символизирующий возрождение новой жизни. Его освещают в церкви, затем им традиционно украшают двери и окна домов в немецких городах [Там же].

Таким образом, реалии – уникальные явления социально-культурной самобытности народов, языковые единицы, обозначающие элемент отдельной культуры (который содержит бытовую, национальную, историческую или местную окраску), не имеющие своих эквивалентов в других культурах и языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панченко, В. А. Вильгельм фон Гумбольдт. Внутренняя форма языка как отражение самобытности этнической культуры [Электронный ресурс]. В. А. Панченко. – Режим доступа: https://lib.herzen.spb.ru/text/panchenko_124_396_401.pdf. – Дата доступа : 14.06.2017.
2. Смирнова, Т. Б. Этнография российских немцев / Т. Б. Смирнова. – М. : МСНК-пресс, 2012. – 316 с.
3. История и этнография немцев в Сибири. – Омск : Изд-во ОГИК музея, 2009. – 751 с.
4. Сахаров, П. Д. Пасха [Электронный ресурс] / П. Д. Сахаров. – Режим доступа : <http://www.gtn.lokos.net/zmk/trud6/oreshnikova/index.files/Page427.htm>. – Дата доступа : 13.06.2017.
5. Пасха в Германии: традиции праздника [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://fb.ru/article/181741/pasha-v-germanii-traditsii-prazdnika>. – Дата доступа : 11.07.2017.
6. Нарцисс, символика и значение [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://s30668802513.mirtesen.ru/blog/43251223490/Nartsiss,-simvolika-i-znachenie>. – Дата доступа : 12.07.2017.

The article is devoted to the study of Easter realities of the Germans and the Russians in the language picture of the world. The paper deals with customs, traditions and cultural realities, connected with Easter. Parallels are drawn between Russian and German culture, between Orthodox, Catholic and Protestant religions.

О. В. Глуховская
Минск, МГЛУ

АПЕЛЛЯЦИЯ К ЭМОЦИЯМ КАК ТАКТИКА УБЕЖДЕНИЯ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ НА АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Рассматриваются особенности реализации тактики убеждения апелляция к эмоциям в современном научно-популярном дискурсе на примере научно-популярных статей из белорусских и английских периодических изданий. Описана тактика убеждения апелляция к эмоциям, ее цели использования в научно-популярном дискурсе, определены языковые способы реализации этой тактики на основе обширного материала, выявлены особенности сходства/отличия языковой реализации тактики *апелляция* к эмоциям в английских и русских научно-популярных текстах.

Лингвистические исследования научно-популярного дискурса приобретают особую *актуальность* в настоящее время, так как с помощью этого типа дискурса широкая публика узнает о последних достижениях в области науки и техники и возможностях их практического применения. Научно-популярный дискурс обладает такими отличительными чертами, как популяризация результатов новых научных исследований, ориентация на массового адресата, принцип доступности и наглядности изложения. В связи с этим важной является проблема языковой репрезентации коммуникативных стратегий автора научно-популярного дискурса, в частности, тактики убеждения апелляция к эмоциям, с помощью которой осуществляется воздействие на сознание массовой аудитории путем доказательства новизны и практической важности результатов научных исследований.

Необходимо отметить, что фактическим материалом исследования послужили научно-популярные статьи из белорусских периодических изданий, таких как «СБ – Беларусь Советская», «Аргументы и факты в Беларуси», «Минск и Минчане», «Комсомольская правда в Беларуси», а также британских печатных изданий «The Guardian», «The Times», «The Independent», «The Daily Telegraph». Методом сплошной выборки были отобраны аргументативные блоки, которые впоследствии были проанализированы.

Научно-популярный дискурс является разновидностью научного дискурса [2]. Отличие определяются полностью иным составом участников. Научно-популярные статьи предназначены для широкой аудитории, включающей читателей с разной подготовкой. Целью научно-популярного дискурса считается распространение конкретных научных исследований и их результатов, ознакомление широкой публики с этими результатами.

Влияние на убеждения читателя происходит двумя способами: либо апеллируя к его логике, либо к его чувствам. Без каких-либо сомнений можно выдвинуть тезис о том, что сильные эмоции смогут подавить рацио-

нальное мышление. Не менее важно отметить, что апелляция к чувствам, эмоциям, настроению людей может вызвать более быстрый и непосредственный эффект, чем рациональное логическое мышление.

Апелляция к эмоциональной сфере читателя по своей природе является иррациональной аргументацией. Для ее реализации автор должен затрагивать глубокие личные ступени человеческой души через обращение к вечным ценностям, любви, добру, злу, памятным событиям, вере, традициям.

Цели использования тактики убеждения апелляция к эмоциям в научно-популярном дискурсе на английском и русском языках:

- 1) снижение критичности восприятия информации;
- 2) формирование эмоциональных представлений о действительности;
- 3) повышение убедительности информации;
- 4) внушение адресатам желаемых представлений, установок и идей [1].

Тактика убеждения апелляция к эмоциям позволяет эмоционально заразить читателя, внушить ему некоторые определенные заблуждения, но при этом убирает необходимость доказывать свою мысль.

Рассмотрим языковые способы реализации тактики апелляция к эмоциям.

1. Риторические вопросы. Основной задачей является расстановка в высказывании эмоциональных и смысловых акцентов. Они не несут особой информационной нагрузки, они применяются для усиления выразительности той или иной фразы, привлечения внимания, усиления впечатления, повышения эмоционального фона повествования, вовлечения аудитории в рассуждение и в некотором смысле заставляет читателя сделать свой собственный вывод:

- *Довожу до понимания, что кафе в повседневной жизни мне, в принципе, не нужно (по праздникам только и для редких, но приятных встреч с теми, кого давно не видела), и осмеливаюсь подумать – а вдруг не только мне?* («Аргументы и факты в Беларуси»);

- *А потом уж не до баловства. И как дальше будет? Ведь все меняется, так что же может подтолкнуть белорусов к традиции выходить из дома без всякого повода и праздничного настроения?* («Минск и минчане»);

- *Are we making the world a better place, or are we just making ourselves filthy rich?* («The Daily Telegraph»).

Использование риторических вопросов присуще как англоязычному, так и русскоязычному научно-популярному дискурсу. Но стоит отметить, что англоязычные научно-популярные статьи могут заканчиваться целым рядом риторических вопросов, как бы приглашая читателей продолжить обсуждение. Иногда автор прямо указывает на то, что вопрос риторический [2]:

- *Thinking ahead, he asks rhetorically, “Why don’t we have an all-tiltrotor force?”* («The Times»).

2. Персонализированная манера повествования. Благодаря этому способу у языковой реализации тактики апелляция к эмоциям появляется так называемая доверительная атмосфера между автором научно-популярной статьи и аудиторией читателей:

- *I don't know about you, but I feel that as a profession we're finally getting to grips with what we could and should be teaching in the name of writing skills* («The Guardian»).

3. Объединяющее местоимение *we*:

- *Союзниками бактерий, как ни парадоксально, выступают врачи, фармбизнес и даже мы сами* («Аргументы и факты в Беларуси»);

- *И, если этих витаминов не хватает, мы плохо спим, чувствуем себя загнанными, уставшими* («Комсомольская правда в Беларуси»);

- *...profession we're finally getting to grips with what we could and should be teaching in the name of writing skills* («The Guardian»).

4. Приписывание спорных утверждений неопределенным субъектам-авторитетам. Апелляция к множеству единомышленников – например, по критерию «профессия», «возраст». Апелляция к большинству или ко «всем», или, наоборот, к меньшинству:

- *Зоологам хорошо известно, что помимо иных замечательных качеств, совы умеют и плавать* («Советская Беларусь»);

- *According to a recent study, parents with four or more children have the most life satisfaction* («The Guardian»).

5. Контрастная подача и противопоставления:

- *Surfing or drowning? Designing lessons that include web materials.* («The Independent»);

- *Героизм обороняющихся всегда привлекал внимание писателей больше, чем героизм нападающих* («СБ – Беларусь Сегодня»).

6. Метафоризация, позволяющая создать в сознании реципиента яркие и запоминающиеся образы:

- *Аппендикс, или червеобразный отросток, по длине можно сравнить с мизинцем взрослого человека, по форме он напоминает червяка, а по толщине примерно с карандаш* («Комсомольская правда в Беларуси»);

- *Any deviation from that concept puts a studio at risk of having a movie that **bombs**, or in other words loses money* («The Times»).

Стоит отметить, что русскоязычные тексты более насыщены стилистическими литературными тропами.

7. Использование знаков препинания, связанных с выражением эмоционального отношения. Таковыми являются кавычки, многоточие перед каким-либо словом, восклицательный знак.

- *И вот уже Минск вполне себе пригоден для гедонистического времяпровождения. И это мой вклад! **Не молодец ли?!*** («Минск и минчане»);

- *Редкий день обходится без пациентов в полубморочном состоянии! Внезапно позеленевшие лица, закатывающиеся глаза и классическое «доктор, мне как-то совсем дурно!»* («Минск и минчане»).

8. Употребление манипулятивной и оценочной лексики:

- По мнению ученых, у **гомосексуалов** ключевые неврологические различия с **гетеросексуалами** формируются еще в утробе матери («Аргументы и факты в Беларуси»);

- *It can be **disheartening** at time when you are standing in front of an eight-plex movie theater location and you want to see a movie with a story* («The Times»).

9. Использование сравнительной и превосходной степени прилагательных:

- *The discussion is usually **more successful** when the teacher has clear goals and purposes in mind, both in the advance planning stage, and during the discussion* («The Times»).

10. Употребление разговорной лексики, что способствует сближению автора с аудиторией читателей, заставляет их поверить в то, что предлагаемая научно-популярная статья не так уж сложна и доступна для понимания:

- *This spells disaster for **inept** studio executives and their heads will roll. This is why they always try to cover their **behinds** with the safest investment, and that is why you will not see them taking any chances on something or someone that has not already been proven to make money* («The Times») (слова *inept*, *behinds* относятся исключительно к разговорной лексике, выражают яркую отрицательную оценку).

Англоязычный научно-популярный дискурс более толерантен к разговорным элементам и шуткам, нежели русский. Русскоязычные научно-популярные тексты часто выглядят сухими и ориентированными на донесение информации только научного характера, а англоязычные – на развлечение и распространение информации среди самой широкой аудитории.

Необходимо обратить внимание на важность эмоциональной стороны аргументативного процесса: «Вне зависимости от того, насколько логичны или рациональны ваши аргументы, если вы не в силах вызвать эмоции, вам будет сложно воздействовать на оппонента». Определенная эмоциональная основа, другими словами, положительный эмоциональный контакт, является обязательным условием логического воздействия [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Аронсон, Э. Эпоха пропаганды: механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление / Э. Аронсон, Э. Р. Пратканис. – СПб., Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 384 с.
2. Копыл, Д. А. Современный англоязычный научный дискурс: коммуникативно прагматический потенциал убеждения : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д. А. Копыл. – Ростов н/Д., 2013. – 26 с.
3. Москвин, В. П. Аргументативная риторика : теорет. курс для филологов. / В. П. Москвин – Ростов н/Д. : Феникс, 2008. – 365 с.

The article deals with language methods of implementing the persuasion strategy, appeal to emotions, and identification of some similarities and differences in English and Russian popular science texts.

Н. В. Егоров

Минск, МГЛУ

РАЗЪЯСНЕНИЕ КАК КОММУНИКАТИВНАЯ ТАКТИКА ИНФОРМИРОВАНИЯ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ НА АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье описываются пути реализации коммуникативной стратегии информирования в научно-популярном дискурсе на примере англо- и белорусскоязычных печатных изданий. С опорой на авторитетные источники автор статьи перечисляет коммуникативные тактики, использование которых повышает осведомленность массового читателя о современных научных достижениях. Особое внимание уделяется тактике разъяснения как важного инструмента, применяемого для обеспечения доступности излагаемого материала. Как указано в статье, тактика разъяснения вербализуется путем использования различного рода лексических и стилистических средств. В заключении статьи указано, что на основе проведенного анализа печатной прессы в рамках реализации стратегии информирования выявлены сходства, выразившиеся в применении схожих коммуникативных тактик.

Современные исследования данного типа дискурса приобрели особую актуальность, так как с его помощью широкая публика узнает о последних достижениях в области науки и техники и возможностях их практического применения. В подтверждение сказанного, российский ученый С. П. Капица писал: «На страницах [научно-популярного журнала «В мире науки»] активно обсуждаются наиболее актуальные проблемы современной науки, вопросы ее места и роли в современном мире, ответственности ученых за судьбы человечества, взаимодействия науки с обществом и государством. <...> Одна из наших основных задач – предоставление актуальной и достоверной научной информации, которую следует противопоставить мистическим и лженаучным представлениям» [3].

Научно-популярный дискурс как подтип научного дискурса имеет общую с последним коммуникативную цель – сообщить адресату информацию о новом научном знании. Вместе с тем он обладает такими отличительными чертами, как задача популяризации результатов новых научных исследований, ориентация на массового адресата, принцип доступности и наглядности изложения.

Под авторскими интенциями следует понимать типовые целеустановки, характерные для того или иного дискурсивного жанра (В. А. Салимовский, Т. В. Шмелева, Л. Р. Дускаева и др.) и организующие построение конкретного текста. Как известно, в модели научно-популярного жанра, как и любого

другого, есть одна или несколько главных интенций, которые определяют выбор автором коммуникативных стратегий и тактик, а также языковых средств их воплощения [1, с. 217].

Главными интенциями автора научно-популярного дискурса является сообщение о новых достижениях в той или иной области науки и доказательство их практического значения в доступной для массовой аудитории форме. Данные коммуникативные цели определяют как семантическую структуру исследуемого жанра, так и авторские коммуникативные стратегии. Как показал анализ научно-популярных статей из англо- и белорусскоязычной прессы, их интенциональность реализуется в дискурсе с помощью магистральных стратегий, а именно стратегий информирования и убеждения. Здесь же следует упомянуть о том, что обе стратегии подчинены так называемой гиперстратегии автора научно-популярного текста, т.е. популяризации научного знания.

Безусловно, в конкретном дискурсивном пространстве две названные стратегии тесно взаимодействуют и переплетаются, так как раскрытие сущности описываемого научного знания одновременно способствует и убеждению получателя информации в его значимости, а сам процесс его убеждения в важности описываемого научного события невозможно осуществить без конкретной информации о нем. Проведенный лингвистический анализ научно-популярных статей позволил выявить разные коммуникативные тактики и языковые средства, специфические в вербализации стратегии информирования.

Так, стратегия информирования реализуется прежде всего с помощью тактики размещения наиболее важной информации о научном знании в сильных позициях текста – заголовке (подзаголовке) и лиде (начале сообщения, простом и ясном высказывании, призванном привлечь внимание читателя) [1, с. 218].

Заголовок: *Watch the human genome fold itself in four dimensions*. Лид: *Each human cell nucleus is packed with 2 meters of DNA wrapped around 46 chromosomes like a jumble of spaghetti* (Science, 18.10.2017).

Заголовок: *Беларускія вучоныя стварылі новы матэрыял для 3D-прінтараў*. Лид: *Па словах дырэктара Інстытута хіміі новых матэрыялаў НАН РБ, айчынная распрацоўка заснавана на палімерах, вытворчасць якіх наладжана на нафтаперапрацоўчых прадпрыемствах...* (Звязда, 24.05.2017).

Следующей тактикой реализации стратегии информирования в научно-популярном дискурсе является описание сущности исследования [2, с. 28–35]:

Flooding from hurricanes will intensify with sea level rise, and <...> a once-in-500-years flood may occur once every 5 years by 2030, scientists report. The researchers used sediment cores from along the New Jersey shore to reconstruct flood events from 850 A.D. to modern times (Science, 23.10.2017);

Група даследчыкаў са Школы інжынерый і прыкладных навук <...> распрацавала новы тып сінтэтычных мяккіх цягліц, вырабляць якія можна з дапамогай тэхналогіі 3D-друку (Звязда, 30.09.2017).

Тактика разъяснения реализуется путем использования различных лексических средств. В своих исследованиях Л. А. Крюкова анализирует пояснительные конструкции, призванные повысить доступность изложения материала и, как результат, информированность читателя. Такого рода синтаксические структуры выражают отношения тождества между поясняемым и поясняющим компонентами в предложении, т.е. мы наблюдаем совпадение денотативного содержания поясняемого и поясняющего компонентов (в приводимых примерах поясняемый компонент выделяется подчеркиванием, а поясняющий – полужирным шрифтом) [2, с. 31–32]:

*Common toads are equipped with **bufadienolide, potent toxins that cause harm by accelerating and disrupting the heart's rhythms*** (Nature, 29.09.2017);

*Рэалізаваць свой праект ён мяркую за кошт **токенаў** – **электронных жэтонаў, якія замяняюць сапраўдныя фінансы і даюць права на ўваход у суполку*** (Звязда, 12.09.2016).

Коммуникативная задача такого пояснения заключается именно в разъяснении значения вводимого термина. При этом следует заметить, что поясняющий компонент обозначает родовое понятие по отношению к поясняемому.

Создавая научно-популярный текст, автору следует принимать во внимание возможный уровень фоновых знаний читателя-неспециалиста. С одной стороны, автор должен вводить термины для описания научного знания, а с другой – обеспечить доступность изложения, делая разъяснения новых понятий, не знакомых широкой аудитории. Для этих целей определение термина может быть представлено обособленным приложением, в котором дается его толкование на основе общеупотребительной лексики:

*Einstein published the first papers predicting the existence of gravitational waves – **ripples in the fabric of space-time** – almost a century ago* (Nature, 27.09.2017);

*Адным з галоўных атрыбутаў дзяржавы з'яўляецца манетная рэгалія – **выключнае права дзяржавы на эмісію грошай*** (Беларускі гістарычны часопіс, 10.07.2017).

Различного рода перефразировки и уточнения, вводимые с помощью таких слов и словосочетаний, как *in other words, for example, for instance; іншымі словамі, напрыклад*, также способствуют адекватному пониманию научного знания рядовым читателем:

For instance, machine-learning systems are adept at tasks that involve translating one set of inputs – say, images of skin lesions – into another set of outputs, such as cancer diagnoses (Nature, 18.10.2017);

Напрыклад, аднаўленне воднага шляху дапаможа скараціць шкодныя выкіды ад іншых відаў грузаперавозак – эмісія CO₂ ад унутранага воднага транспарту ў <...> 5 разоў меншая за грузавы аўтамабільны (Родная прырода, 17.09.2017).

Стилистические средства облегчают восприятие информации адресатом при разъяснении новых методов исследования и полученных резуль-

татов. Среди лексико-стилистических средств в обоих языках преобладают метафоры, позволяющие лучше понять новые идеи на основе обыденного знания:

*Right now, the Wolbachia method is the **gold standard** for ridding [South Pacific] islands of mosquitoes* (Nature, 01.08.2017);

Інакш кажучы, быў знойдзены «скарб ювеліра» – рамесніка, які збіраў абломкі вырабаў з каляровых металаў, каб потым зрабіць каштоўныя модныя рэчы (Беларуская думка, 19.10.2017).

Следует также отметить, что в англоязычном научно-популярном дискурсе чаще встречаются идиоматические выражения, призванные «облегчить» процесс восприятия читателем новой информации:

*To help speed up their search for the Higgs, ATLAS physicists used simulated data to train machine-learning algorithms **to tell wheat from chaff** — photons from impostors* (Nature, 19.10.2017).

Проведенный анализ научно-популярного дискурса печатных изданий англо- и белорусскоязычной прессы в рамках реализации стратегии информирования выявил ряд сходств, выразившихся в применении следующих тактик: размещение важной информации в заголовке и лиде, описание сущности исследования и разъяснение. Через пояснительные конструкции, обособленные приложения, различного рода перефразирования и уточнения, использование метафор и идиом авторы успешно применяют тактику разъяснения как один из путей повышения доступности изложения, распространения и в конечном итоге популяризации научного знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпилович, Т. П. Научно-популярный дискурс: авторские интенции и стратегии / Т. П. Карпилович // Материалы ежегодной науч. конф. преподавателей и аспирантов ун-та, Минск, 5–6 мая 2017 г. : в 4 ч. / Минск. гос. лингвист. ун-т ; отв. ред. А. М. Горлатов. – Минск, 2017. – Ч. 2. – С. 217–219.
2. Крюкова, Л. А. Пояснительные конструкции как средство достижения доступности в научно-учебном тексте / Л. А. Крюкова // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология / Минск. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: А. М. Горлатов (отв. ред) [и др.]. – Минск, 2008. – № 5 (36). – С. 28–35.
3. Научно-информационный журнал «В мире науки» – Scientific American [Электронный ресурс] // Международное партнерство распространения научных знаний. – Режим доступа : <https://sciam.ru/>. – Дата доступа : 24.10.2017.

The article focuses on the communicative strategy of informing and the ways of its implementation in English and Belarusian popular science discourse. Special attention is paid to the tactics of explanation as a major instrument of making a popular science text more comprehensible to the reader.

А. Э. Иванов
Минск, МГЛУ

КООПЕРАТИВНАЯ ТАКТИКА СОГЛАСИЯ В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

(на материале художественных фильмов на английском и русском языках)

В данной статье рассматривается проблема репрезентации стратегии кооперации различными тактиками в условиях обиходно-бытовой ситуации. Целью данной статьи является определение средств вербальной актуализации кооперативной тактики согласия, установление ее сходств и различий в кинодискурсе на английском и русском языках. В качестве материала исследования автором были отобраны англоязычные британские художественные фильмы и русскоязычные фильмы белорусского производства. На основании осуществленного анализа автор дает общую характеристику особенностям использования языковых средств для реализации кооперативной тактики согласия в англо- и русскоязычном дискурсе, приходят к выводу о том, что все средства как в английском, так и в русском языках способствуют осуществлению эффективной коммуникации, несмотря на различный их репертуар.

Неоднозначность современной ситуации в мире ставит перед обществом вопросы совершенствования межнационального взаимодействия, в частности, межкультурной коммуникации в международном пространстве, что предполагает использование эффективных коммуникативных стратегий и тактик.

Термины *коммуникативная стратегия* и *тактика* по-разному интерпретируются в научной литературе в зависимости от того, какой научный подход при этом применяется: психологический, прагмалингвистический, текстологический, социологический и т.п. Так, В. Б. Кашкин считает, что коммуникативная стратегия является неотъемлемой составляющей коммуникативного поведения, или интеракции коммуникантов, в которой комплекс различных вербальных и невербальных средств репрезентации используется для осуществления коммуникативной цели [1]; О. С. Иссерс в широком смысле понимает под стратегией «когнитивный план общения» [2, с. 65]; В. И. Максимов интерпретирует стратегию как процесс построения коммуникации, направленный на достижения долговременных результатов [3, с. 112]. Последний из исследователей также утверждает, что стратегия включает в себя планирование взаимодействия в зависимости от конкретной ситуации и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана. Тем не менее все исследователи сходятся в том, что коммуникативная стратегия обладает такими свойствами, как системность, целенаправленность и интерактивность, всегда соотносится с коммуникативной интенцией и реализуется посредством набора речевых тактик. Несмотря на то, что в ряде работ термины коммуникативная стратегия и тактика используются иногда неоднозначно, большинство зарубежных, российских и отечественных исследователей

данной проблематики считают, что тактика находится в иерархическом плане на более низком уровне по отношению к стратегии и более высоком по отношению к коммуникативному ходу, определяемому как «инструмент реализации той или иной тактики» [2, с. 98]. Приведенные выше научные данные позволяют представить соотношение понятий *коммуникативная стратегия*, *коммуникативная тактика* и *языковое выражение* в качестве составляющих одной цепи, или триады, в которой первый элемент является планом действий для достижения коммуникативной цели, второй компонент представляет собой конкретный способ достижения данной цели, а третий – языковая репрезентация. Современные принципы эффективной коммуникации требуют гармонизации общения и решение возникших проблем бесконфликтными путями не только в условиях международного пространства, но и в сфере обиходно-бытового общения, что с высокой степенью необходимости предполагает использование кооперативных стратегий и тактик. Г. П. Грайс рассматривает кооперацию как одну из универсальных конвенций общения, своего рода негласного правила коммуникации [4, с. 230]. Кооперативные стратегии представляют собой план действий, ориентированные «на достижение цели путем обоюдодоприемлемого взаимодействия» [5, с. 237]. Они противопоставляются деструктивным, или конфликтным, стратегиям и могут использоваться для осуществления кооперативных намерений (ситуация сотрудничества), для смягчения противостояния (ситуация конфликта), либо в коммуникации, целью которой не является воздействие (нейтральная ситуация) [5]. Стратегия кооперации предполагает наличие некоторого позитивного комплекса способов для ее реализации – тактик. Объектом данного исследования была выбрана кооперативная тактика согласия и ее репрезентация в вербальном и невербальном планах в диалогах коммуникантов равного статуса в обиходно-бытовых ситуациях.

Стоит также отметить, что Д. П. Гавра представляет коммуникативную стратегию как «схему коммуникативного поведения», которая наполняется комплексом вербальных и невербальных средств [6, с. 201]. Согласно данному определению материалом нашего исследования стали диалоги, отобранные из англо- и русскоязычных художественных фильмов, т.е. образцы кинодискурса. Под кинодискурсом понимается «связный текст, являющийся вербальным компонентом фильма, в совокупности с невербальными компонентами – аудиовизуальным рядом того или иного фильма и другими значимыми для смысловой завершенности фильма экстралингвистическими факторами», т.е. кинодискурс в целом и фильм в частности есть не что иное, как «креолизованное образование, обладающее свойствами целостности, связности, информативности, коммуникативно-прагматической направленности, медийности и созданное коллективно дифференцированным автором для просмотра реципиентом сообщения (кинозрителем)» [7, с. 32]. Из данного определения следует, что особенно интересным для исследования проблем, связанных с теорией коммуникации, является соотношение вер-

бальной и невербальной составляющей при реализации стратегии кооперации различными коммуникативными тактиками. Нельзя оставлять без внимания и положение о том, что кинодискурс как один из типов дискурса всегда является национально специфичным и отражает речевые коммуникативные образцы носителя того или иного языка, создавая у зрителя ощущения реального разговора и тем самым транслируя код реальности и культурный реализм [8]. Так, особый интерес для исследователя данной проблематики представляют различия и сходства осуществления коммуникативных стратегий и тактик представителями различных лингвокультур, в нашем материале это британская и белорусская культуры.

С целью выявления коммуникативных тактик, используемых для реализации стратегии кооперации, были отобраны 59 диалогов на русском языке из 8 художественных фильмов белорусского производства и 57 диалогов на английском языке из 8 британских художественных фильмов. Все отобранные фильмы были номинантами престижных кинопремий Британской и Американской киноакадемий: участники кинофестивалей в Торонто, Каннах, лауреаты Республиканских фестивалей белорусских фильмов, призеры Минского международного кинофестиваля «Лістапад». Основным жанром всех фильмов была драма/мелодрама. Коммуникативная тактика согласия была выбрана в качестве объекта анализа, так как для исследуемой выборки данная тактика является наиболее продуктивной. Количество английских диалогов, реализующих кооперативную тактику согласия, составило 19, или 32 % от общего количества соответственно. Количество диалогов на русском языке, воплощающих данную тактику, составило 17, или 26 % от общего количества соответственно.

В целом тактику согласия зачастую рассматривают как способ речевого воплощения положительной реакции адресата на мнение или волеизъявление адресанта. Данная кооперативная тактика может также использоваться для контроля за процессом восприятия [9]. Некоторыми исследователями также выделяются различные приемы осуществления коммуникативной тактики согласия, например, абсолютное и частичное подтверждение точки зрения адресанта, повтор реплики одного из коммуникантов, констатация и допущение правоты, информирование (готовность реагировать на поставленный вопрос) и интерпретация реплики адресанта и т.п. [10].

При анализе диалогов были выявлены следующие сходства в реализации кооперативной тактики согласия языковыми средствами в двух языках.

1. Лексемы и конструкции с различными модальными значениями. Ср.:

Coming for dinner tonight.

Of course. Dear, that's all right, we'll do just what you say.

‘Ну, дай ему Бог. Все равно хороший мужик.’

‘Это точно’.

2. Реплики, в разной степени повторяющие реплику-стимул. Ср.:

Why are you crying?

Ну я побежал?

Don't you know?

Беги-беги.

Yes, I know.

В английском языке кооперативная тактика согласия может также актуализироваться следующими средствами:

- репликами с отнесенностью к плану будущего времени:

You know that?

Yes

And so does Carl, think about it, for all our sakes. It's Christmas.

*Thank you, certainly, excellent, **will do**;*

- краткими ответами-согласиями (зачастую в сочетании с лексемой *yes*):

It was silly of us to look in each qualities that we never possessed.

Yes. Yes, it was;

- конструкции с глаголами речемыслительной деятельности:

Honestly, I'd have been much happier playing golf at Sandwich.

I suppose you're right.

В диалогах на русском языке были выявлены следующие средства выражения тактики согласия, отличные от английского языка:

- междометия *ага*, *угу* и т.п.:

Мама, я тебя очень прошу не бери ничего у Клавдии Ивановны.

Ну она же моя сестра.

Мама, пожалуйста, не бери у нее ничего. Договорились?

Ага;

- конструкции с краткой формой прилагательного *согласен*:

Как мама?

Я думаю, вырастешь даже лучше будешь.

Лучше не бывает.

Согласен;

- конструкции с устойчивыми выражениями:

– *Хороша твоя дочка, чертовка. Твоя кровь!*

– ***Да, чего не отнимешь, того не отнимешь.***

Следует отметить, что наиболее частотными средствами актуализации данной тактики в диалогах на английском языке стали различные лексемы и конструкции с модальными значениями – 47 %. Процентная выраженность всех остальных вышеперечисленных средств реализации согласия колеблется в диапазоне 6–12 % (1–2 случая).

Зачастую в диалогах как на русском, так и на английском языке можно наблюдать сочетание всех выше перечисленных средств, а также их многократное использование на протяжении всего диалога обоими коммуникантами.

Наиболее рекуррентными средствами реализации согласия в русском языке стали реплики, повторяющие реплики-стимулы с различной степенью развернутости – 37 %, на втором месте по употребляемости находятся различные конструкции, выражающие то или иное модальное значение – 21 %. Остальные средства актуализации данной тактики являются менее частотными и варьируются в диапазоне 5–10 % (1–2 случая).

Таким образом, в английском и русском языках средства репрезентации кооперативной тактики согласия распределены неодинаково. Отметим, что диалоги, образцы кинематографического дискурса, не могут в полной мере ассоциироваться со спонтанной речью носителей языка, т.е. с реальным процессом коммуникации, а представляют собой имитацию живой речи. Несмотря на тот факт, что актеры действовали согласно заданным ролевым образам, на выбор определенных средств языкового воплощения тактики согласия также влияла кинематографическая традиция Республики Беларусь и Великобритании, что нашло отражение, например, в большей развернутости реплик на русском языке, а также в их полном соответствии языковой норме (не зарегистрировано случаев использования инвективной, ненормативной лексики). Проведенное исследование позволяет нам утверждать, все средства реализации стратегии кооперации на примере тактики согласия способствуют эффективной коммуникации информантов как на русском, так и на английском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кашкин, В. Б.* Введение в теорию коммуникации : учеб. пособие / В. Б. Кашкин. – 5-е изд., стер. – М. : Флинта : Наука, 2014. – 224 с.
2. *Иссерс, О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – 2-е изд. – М. : УРСС, 2002. – 284 с.
3. *Максимов, В. И.* Русский язык и культура речи / В. И. Максимов. – М. : Гардарики, 2000. – 412 с.
4. *Грайс, Г. П.* Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – 1985. – Вып. 16. – С. 217–283.
5. *Радюк, А. В.* Кооперативные коммуникативные стратегии и тактики как средства гармонизации английского делового дискурса / А. В. Радюк // Вестн. МГИМО. – 2013. – № 1 (28). – С. 236–240.
6. *Гавра, Д. П.* Основы теории коммуникации : учеб. пособие для бакалавров и специалистов / Д. П. Гавра. – СПб. : Питер, 2011. – 288 с.
7. *Зарецкая, А. Н.* Особенности реализации подтекста в кинодискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. Н. Зарецкая. – Челябинск, 2010. – 180 с.
8. *Духовная, Т. В.* Структурные составляющие кинодискурса / Т. В. Духовная // Филологические науки. Вопросы теории и практики : в 2 ч. – 2015. – № 1 (43). – Ч. 1. – С. 64–66.
9. *Анохина, В. С.* Стратегии и тактики коммуникативного поведения в малой социальной группе (семье) / В. С. Анохина // Вестн. Ставропол. гос. ун-та. Филологические науки. – 2008. – № 56. – С. 64–71.

10. Горшкова, Е. И. Коммуникативные тактики согласия в интернет-коммуникации (на примере блогов) / Е. И. Горшкова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. – № 3 (32). – С. 107–112.

The article is devoted to the study of the linguistic peculiarities typical of the technique of agreement used by speakers following the strategy of cooperation. The research is based on the comparative analysis of the English and Russian cinematographic discourses.

Е. П. Маяк
Минск, МГЛУ

КОНАТИВНО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ СТРАТЕГИЯ В МЕДИЙНОМ ТЕКСТЕ: КОНТРАСТИВНЫЙ АСПЕКТ

Анализируются речевые привычки авторов статей британских и российских журналов по скрытой конативно-ориентированной стратегии. Идентифицируется речевой портрет автора на основании автоматизированного и неосознаваемого выбора им речевых сигналов.

Проблема исследования речи авторов в последнее время становится центральной для многих наук, изучающих речь с учетом «человеческого фактора». Выбор говорящим оптимального варианта высказывания является одной из ведущих задач при реализации речевых действий и актуализации речевого поведения коммуникантов. Разделяют два вида выбора: продуманный, намеренный и неосознаваемый, автоматизированный [1, с. 26–27]. Именно наличие этих видов выбора стало отправной точкой для выделения двух направлений прагмалингвистического исследования: функциональной и скрытой прагмалингвистики. В скрытой прагмалингвистике автоматизированный выбор всегда остается неосознаваемым для участников общения. Они машинально актуализируют речевые единицы грамматических и текстуальных категорий. Когда речевое поведение индивидуума автоматизировано и немотивированно здесь и сейчас для самого отправителя текста, тогда можно говорить о его привычном действии, или о его речевой привычке.

Термин *привычка* заимствован из психологии, где он трактуется как модель действия, которая при неоднократном повторении становится автоматизированной и фиксированной [2]. Изначально *привычка* относилась только к двигательным и физическим процессам человека. Затем она стала включать в себя процессы восприятия (перцептивность), познания (когнитивность) и выражения эмоций (аффективность). В некоторых работах по языкознанию можно встретить понятие *языковая привычка*. Это «бессознательные индикаторы», которые относятся к важным чертам личности человека [3]. Для нашего исследования термин *речевая привычка* является более точным по сравнению с *языковая привычка*, поскольку любая привычка проявляется в действии ее носителя, т.е. речи, которая, по мысли

Ф. де Соссюра, является источником развития языка, а язык – лишь продукт развития речи [4]. Именно поэтому в исследовании мы обращаем внимание на переменные употребляемые единицы речи как элементы открытой системы, в частности те элементы, которые массово и многократно актуализируются адресантом в речи, и появление которых обусловлено речевыми привычками участников интеракции.

Научная статья посвящена исследованию речевых привычек британских и русских журналистов. Цель работы – диагностировать речевой портрет авторов на основании интерпретации выбранных ими характерных речевых сигналов организации текста в определенной ситуации. Объект исследования – речевое поведение журналистов; предметом являются их речевые привычки, на основании которых авторы на неосознаваемом уровне выбирают определенные, актуальные для них здесь и сейчас, элементы акцентированного/неакцентированного высказывания. Эмпирическим материалом послужили тексты статей журналистов английского информационно-политического журнала «The Spectator» и российского общественно-политического журнала «Огонек» (2016–2017).

Речевая привычка понимается нами как автоматический, неосознаваемый выбор адресантом форм грамматических и текстуальных категорий. Такое индивидуально-автоматизированное речевое поведение связано с реализацией потребностей говорящего или пишущего здесь и сейчас. Удачным примером речевой привычки является «автоматическое письмо». Феномен «автоматического письма» заключается в том, что индивид, пребывая в состоянии гипноза или транса, продолжает писать осмысленный текст, не контролируя движения своей руки. Этот процесс является результатом неосознаваемой деятельности отправителя текста, то есть результатом проявления его речевой привычки [5].

Помимо взаимосвязи речевой привычки с психическим автоматизмом, она также может быть связана с удовлетворением определенной потребности человека. Например, Ч. Дарвин связывал привычку с удовлетворением. Он считал, что, если двигательные процессы, которые полезны для удовлетворения какого-то ощущения, «повторяются часто, то они становятся... привычными» [6, с. 289]. Можно предположить, что журналист, описывая определенные факты, автоматически делает выбор в пользу тех лексико-грамматико-синтактико-текстуальных категорий, которые удовлетворяют его потребностям в передаче правдивой информации, в ее гласности, точности, броскости, новизне и т.п. [7]. Этот выбор со временем становится для журналиста привычным, автоматическим и неосознаваемым. Такой выбор можно назвать «речевой привычкой» автора.

Понятие речевой привычки при анализе языковой личности помогает установить идиостиль и идиолект автора, описать его речевой имидж, а также составить и проинтерпретировать его речевой портрет.

В речевом портрете автора всегда скрыта его речевая привычка выбора, которая реализуется при актуализации ряда речевых конативно-ориентированных стратегий, в том числе и речевой конативно-ориентированной стратегии «Акцентуация автором элементов речевого события» (далее «Акцентуация»).

Конативно-ориентированная стратегия в прагмалингвистике относится к текстуальной категории и призвана регулировать интерактивные отношения адресанта и адресата. Эта стратегия, с одной стороны, актуализирует определенное речевое поведение автора, с другой, она регулирует поведение читателя. Не следует смешивать понятия конативности и коннотации. Общее между ними – указание на конкретную особенность явления, а различие состоит в длительности существования и проявления этой особенности. Коннотация – свойство, постоянно присущее объекту, а конативность – переменная особенность, присущая данному конкретному объекту здесь и сейчас. Интересно диалектичное проявление соотношения конативности и речевой привычки. Если речевая привычка выработана в результате многократного речепотребления элемента и присуща человеку постоянно, то реализуется она конативно – здесь и сейчас, то есть с учетом ситуации.

Рассмотрим конативно-ориентированную стратегию «Акцентуации» подробнее. Эта стратегия представлена в виде двух планов: акцентирования (не норма) и неакцентирования речи (норма) [8, с. 148]. Под нормой понимается нечто установившееся, не выделяющееся из массы, то есть правило. С нарушением правила приходит исключение – не норма. Актуализация данных планов формируется в речевую привычку участника коммуникации в результате его частого выбора соответствующих элементов высказывания. Например, объективацию адресантом плана акцентирования можно обнаружить при выборе автором следующих компонентов высказывания:

а) форм повелительного наклонения, используя которые адресант реализует акцентированную речь: *Давай теперь, ползай!*;

б) при постановке придаточного предложения перед главным, что может быть продиктовано его смысловой важностью: *Чтобы не отстать от новомодного тренда, достаточно читать...; Когда «найди дуру» прозвучало раз в двадцатый, он в ярости хлопнул дверью...;*

в) модели вопросительного предложения, на которую не предполагается ответ, так называемый риторический вопрос: *Уж не для нее ли устроено это все – в полном соответствии с рецептом культового фильма?, What happened on 13 August 1961? Was any propaganda present? Иногда на риторический вопрос отвечает сам журналист: And what happened? Nothing.*

г) инверсии: *Сомнения Мирославы на Украине разделяют многие. Pregnant ran the mother the marathon.*

Приведенный иллюстративный материал показывает, что автор придает разным элементам высказывания разную степень важности и соответственно организует текст. В данном случае построение реплики определяется принципом приоритетных стратегий, выявленном в работе М. Б. Бергельсон и А. Е. Кибрика [9]. Согласно этому принципу приоритета одним элементам текста автор придает большую важность, и помещает их интуитивно на престижное место в высказывании, а другие элементы автор считает менее важными и помещает их в менее престижные места. Поэтому можно считать акцентированную выделенность элементов высказывания актуализацией их высокой степени важности в составе высказывания.

Текст каждой статьи автора был разбит нами на малые синтаксические группы [1, с. 34]. Методом модифицированного контент-анализа [10] было проанализировано 1083 малых синтаксических групп по скрытой конативно-ориентированной стратегии «Акцентуация» и составлены речевые портреты авторов-журналистов.

Абсолютные показатели многих российских журналистов по плану «Акцентирования» составляют 83,9 %, а по плану «Неакцентирования» – всего 16,1 %. Интерпретируя эти факты, можно с уверенностью сказать, что речь российских автора является самой активной и высоко акцентированной. Она – ярко выражена, категорична, что говорит о решительности и уверенности адресанта. Самый низкий план категоричности 60,7 %, что свидетельствует об осторожности журналиста в высказываниях. Процентный показатель выбора автора определенного плана можно использовать для идентификации его личностных черт в составе речевого портрета. Анализ показал, что все российские журналисты, статьи которых были проанализированы, неосознанно, автоматически выбирают категоричные формы изложения как наиболее эффективные при воздействии на читателя. Используя речевые сигналы (единицы грамматических и текстуальных категорий) плана акцентированной речи, адресанты демонстрируют тем самым уверенное речевое поведение.

Обратимся к речевому поведению британских авторов текстов журнала «The Spectator». Полученные в ходе анализа материала данные наглядно показывают, что в речи англоязычных журналистов доминантным также является план «Акцентирования» (67 %), что подтверждает их акцентированную, уверенную речь. В случаях, когда этот показатель является низким, автор текста характеризуется скромностью и осторожностью в своих высказываниях. Небольшая разница показателей по плану «Акцентирования» (58,2 %) и по плану «Неакцентирования» (41,8 %) свидетельствует о приближенности к речевому нормативу при доминантном значении плана «Акцентирования». Речь британских журналистов не высоко акцентированная, имеются также некатегоричные высказывания, что характерно больше для неуверенного речевого поведения.

Сопоставление выявленных данных показало, что значения плана «Акцентирования» и у российских, и у британских журналистов выше, чем значения «Неакцентирования». Но показатели речевой привычки русскоязычных авторов по плану «Акцентирования» выше (72,7 %), чем показатели речевой привычки их англоязычных коллег (58,2 %). Это значит, что речь российских журналистов является более активной, категоричной, уверенной и акцентированной, чем речь британских специалистов.

Следует отметить, что существуют также способы составления речевого портрета по критерию других конативно-ориентированных стратегий, которые могут быть дополнены эмотивно-ориентированными. Сделанные выводы касаются не только обследованного материала, но могут быть также экстраполированы на журналистскую практику в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Матвеева, Г. Г.* Основы прагмалингвистики / Г. Г. Матвеева, А. В. Ленец, Е. И. Петрова. – М. : Флинта: Наука, 2013. – 232 с.
2. Привычка [Электронный ресурс] // Оксфордский словарь. – Режим доступа : <http://www.mediasprut.ru/privichka.shtml>. – Дата доступа : 01.10.2017.
3. *Сепир, Э.* Общие проблемы языка [Электронный ресурс] / Э. Сепир. // Избранные труды по языкознанию и культурологии. – Режим доступа : www.classes.ru/.../source/worddocuments/_8.htm. – Дата доступа : 01.10.2017.
4. *Соссюр, Ф. де.* Курс общей лингвистики [Электронный ресурс] / Ф. де Соссюр // Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. – Режим доступа : http://tlf.narod.ru/school/saussur_cours_de_linguistique_general.htm. – Дата доступа : 01.10.2017.
5. Французская поэзия конца XIX – начала XX в. Сюрреализм [Электронный ресурс] // Зарубежная литература XX века / под ред. Л. Г. Андреева. – Режим доступа : <http://www.infoliolib.info/philol/andreev/3.html>. – Дата доступа : 01.10.2017.
6. *Дарвин, Ч.* Выражение эмоций у человека и животных / Ч. Дарвин // Хрестоматия по психологии / под ред. А. В. Петровского. – М., 1977. – С. 289–297.
7. *Солганик, Г. Я.* Стилистика текста : учеб. пособие [Электронный ресурс] / Г. Я. Солганик – М. : Флинта : Наука, 1997. – Режим доступа : <http://bookre.org/reader?file=529519>. – Дата доступа : 01.10.2017.
8. *Тактарова, А. В.* Эффективность речевого поведения журналиста / А. В. Тактарова // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. Филология. – 2013. – № 4. – С. 146–154.
9. *Бергельсон, М. Б.* Прагматический «Принцип приоритета» и его отражение в грамматике языка [Электронный ресурс] / М. Б. Бергельсон, А. Е. Кибрик // Сер. лит. и яз. – 1981. – Т. 40, № 4. – Режим доступа : <http://feb-web.ru/feb/izvest/1981/04/814-343.htm>. – Дата доступа : 02.10.2017.

10. *Матвеева, Г. Г.* Особенности контент-анализа при обработке данных объективного прагмалингвистического эксперимента в рамках скрытой прагмалингвистики / Г. Г. Матвеева // *Язык. Дискурс. Текст.* – Ростов н/Д. : Изд-во РГПУ, 2004. – Ч. 2. – С. 125–129.

The article analyzes the British and Russian journalists' verbal practices according to conative-oriented strategy. Author's verbal image is identified based on automatized and unconscious choice of the speech.

О. А. Павлюкович

Пинск, ПолесГУ

БЕЛАРУСЬ В ЗЕРКАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

(на материале Британского национального корпуса
и Национального корпуса русского языка)

Существует много разновидностей корпусов. Национальный корпус представляет данный язык на определенном этапе его существования и во всем многообразии жанров, стилей, территориальных и социальных вариантов и т.п. Цель языкового корпуса состоит в том, чтобы предоставить факты, которые могут быть использованы для доказательства отдельных теорий и положений. С развитием вычислительной техники, которая в состоянии работать с огромным количеством лингвистической информации, стало возможным базировать лингвистическое суждение на чем-то намного большем и гораздо более существенном, чем личный опыт и интуиция исследователя. Поэтому для анализа представлений о Беларуси в нашем исследовании мы использовали материалы Британского национального корпуса и Национального корпуса русского языка. Нами были рассмотрены варианты названий Республики Беларусь, встречающиеся в английском и русском языках, их частотность и сочетаемость, а также контексты для *белорусский, белорусы, белорус/ка*.

Современная Беларусь – динамично развивающаяся страна, открытая для всего мира. Однако для многих иностранных граждан наша страна по-прежнему остается страной-загадкой, страной-легендой. Представления о стране, т.е. ее имидж – сложный симбиоз, сумма большого количества переменных. Имидж Беларуси состоит из множества составляющих: исторического наследия, спортивных достижений, экспортной составляющей, политических действий, ментальности нации. В интернет-опросе в ноябре 2010 года белорусы высказались, что имидж страны включает в себя природу (так думают 27 % из 9529 опрошенных), мнение внешнего мира (19 %), граждан страны (9 %). Белорусы в большинстве своем считают, что Беларусь – это транзитная страна (51 % из 4538 участников опроса), интеллектуальная (33 %) и туристическая (10 %) страна [1]. Но это, как осознают сегодня себя жители страны, а какой воспринимают Беларусь за ее пределами – сказать сложно.

Нами было проведено сопоставительное исследование вербального отражения представлений о Беларуси в английском и русском языках. Цель работы заключается в выявлении, описании и интерпретации представлений о Беларуси британцев и россиян.

В соответствии с поставленной целью были выдвинуты следующие задачи:

1) изучить возможности лингвистических национальных (генеральных) корпусов в исследовании представлений о Беларуси через контексты употреблений, синтагматические и парадигматические отношения;

2) отобрать для анализа лексические единицы, репрезентирующие Беларусь как ключевые для получения корпусных данных;

3) провести сопоставление представлений британцев и россиян о Беларуси.

Объект исследования – представления о Беларуси, локализующиеся в сознании представителей британцев и россиян. Предмет изучения – отражение представлений о Беларуси в английском и русском языках. Материал исследования представляет собой контексты, содержащие ключевые для данного исследования лексические единицы, в Британском национальном корпусе (BNC) и Национальном корпусе русского языка (НКРЯ).

Для нашего исследования на базе основного корпуса русского языка нами был создан специальный подкорпус. В целях сравнения и сопоставления по хронологическому принципу был задан временной период с 1989 по 1993 год, так как он соответствует временному периоду текстов, включенных в BNC. Подкорпус составил 2 055 документов общим объемом 936 768 предложений, 10 371 345 слов. Для поиска были отобраны следующие единицы:

- 1) *Беларусь, Республика Беларусь, Белорусь*;
- 2) *Белоруссия, Беларуссия, Белорусия, Беларусия*;
- 3) *Белорашиа, Беларашиа*;
- 4) *белорусы, бульбаши, беларусский, белорусский*.

Ненормативное написание отобранных единиц встречалось нами в Интернете: переписка по электронной почте, всевозможные чаты, форумы, общедоступные электронные дневники (так называемые блоги) и т.п.

Мы осуществляли поиск слов не только в начальной форме, но и примеры этого слова во всех его формах с помощью лексико-грамматического поиска НКРЯ.

Были получены следующие результаты: *Беларусь (Беларуси)* – 17 документов, 50 вхождений; *Республика Беларусь (Республики Республику/Республике Беларусь)* – 2 документа, 8 вхождений; *Белорусь* – нет результатов; *Белоруссия (Белоруссии, Беларуссией, Беларуссию)* – 37 документов, 78 вхождений; *Беларуссия* – нет результатов; *Беларусия* – нет результатов; *Белорусия* – нет результатов; *Белорашиа* – нет результатов; *Беларашиа* – нет результатов; *белорусы (белорус, белорусов, белоруса, белорусах, белорусам)* –

21 документ, 29 вхождений; *бульбаши* – нет результатов; *беларусский* – нет результатов; *белорусский* (*белорусского, белорусских, белорусском, белорусской, белорусским, белорусские*) – 38 документов, 98 вхождений.

Стереотипное представление о том, что Беларусь – это страна голубых рек и озер не подтвердилось. Не позиционируют россияне белорусов и как «бульбашей». Не встретили мы также каких-либо упоминаний о том, что белорусы толерантные и терпимые люди.

Для того чтобы проследить динамику представлений о Беларуси, мы решили привлечь тексты другого, более позднего хронологического периода. Для этого мы воспользовались возможностями газетного корпуса НКРЯ, в котором представлены статьи из средств массовой информации 1990–2000-х годов.

Появились новые отличные от формы написания: *Белорусь* (1 документ, 1 вхождение), *Беларуссия* (8 документов, 9 вхождений), *Беларусия* (1 документ, 1 вхождение). Большое количество названий говорит о том, что Республика Беларусь достаточно молодое государство.

Одним из важных составляющих имиджа страны является восприятие внешним миром экспортной продукции страны. Так, некоторые белорусские товары уже имеют позиции сформировавшихся брендов. Например, в НКРЯ встречается словосочетание *трактор «Беларусь»*.

Кроме этого, в нашем исследовании мы рассмотрели, какие варианты названия *Беларусь* (*белорусский*) встречаются в английском языке, через контекст употребления, синтагматические и парадигматические отношения, попытались увидеть представления британцев о Беларуси, белорусах и белорусском, нашедшие отражение в текстах BNC. Используя возможности бесплатного поиска в Британском национальном Корпусе, который позволяет получить до 50 случайно отобранных случаев употребления искомого слова, мы осуществили поиск следующих вариантов написания:

1) *Belarus, Byelarus, Byelorus, Belorus, Bjelarus, Bjelorus, Byelorussia, Belorussia, Belarussia, Byelarussia;*

2) *Belorussian, Byelorussian, Byelarussian, Belarussian, Belarusian, Belorussian, Belarusjan, Belarusjen, Belorusjan, Belorusjen;*

3) *Belorussians, Byelorussians, Byelarussians, Belarussians, Belarusians, Belorussians, Belarusjans, Belarusjens, Belorusjans, Belorusjens.*

Полученные результаты были следующими:

1) *Belarus* – 25 выдач; *Byelarus* – 99 выдач; *Byelorus* – 3 выдачи; *Belorus* – 0 выдач; *Bjelarus* – 0 выдач; *Bjelorus* – 0 выдач; *Byelorussia* – 64 выдачи; *Belorussia* – 77 выдач; *Belarussia* – 0 выдач; *Byelarussia* – 0 выдач.

2) *Belorussian* – 46 выдач; *Byelorussian* – 36 выдач; *Byelarussian* – 6 выдач; *Belarussian* – 5 выдач; *Belarusian* – 0 выдач; *Belorussian* – 0 выдач; *Belarusjan* – 0 выдач; *Belarusjen* – 0 выдач; *Belorusjan* – 0 выдач; *Belorusjen* – 0 выдач;

3) *Belorussians* – 10 выдач, *Byelorussians* – 5 выдач, *Byelarussians* – 1 выдача, *Belarussians* – 0 выдач, *Belarusians* – 0 выдач, *Belorusians* – 0 выдач, *Belarusjans* – 0 выдач, *Belarusjens* – 0 выдач, *Belorusjans* – 0 выдач, *Belorusjens* – 0 выдач.

Необходимо отметить, что нормативным написанием для *Беларусь* (*Республика Беларусь*) с 1990 года является *Belarus (the Republic of Belarus)*. Однако, с учетом хронологии представленных в BNC текстов, мы встретили такие варианты, как *Byelarus*, *Byelorus*, *Byelorussia* и *Belorussia*. Причем *Byelarus* является наиболее употребительным. Для *белорусский* мы получили – *Belorussian*, *Byelorussian*, *Byelarussian* и *Belarussian*; для «белорусы» – *Belorussians*, *Byelorussians*, *Byelarussians*.

Национальные корпуса – это такой информационный мир, где «сходятся все дороги». Вещаем ли мы на телевидении или на радио, публикуем что-либо в газете или размещаем тексты документов, все это оказывается в корпусе и становится частью некоего массива информации. Именно поэтому, на наш взгляд, целесообразно было использование НКРЯ и BNC для выявления представлений о нашей стране у британцев и россиян.

В рамках данного исследования был создан специальный подкорпус на базе основного корпуса НКРЯ, послуживший текстовой и инструментальной основой для выявления особенностей восприятия Республики Беларусь россиянами. По результатам проведенной работы можно говорить о том, что в русском языке временного периода 1989–1993 гг. употребляется название *Беларусь* и *Белоруссия*. В текстах СМИ более позднего периода встречаются такие названия, как *Белорусь*, *Беларуссия*, *Белорусия*, *Беларусия*. Беларусь в сознании россиян хронологического периода 1989–1993 гг. – это:

- 1) участница Второй мировой войны;
- 2) страна, на территории которой велась активная партизанская борьба во время Второй мировой войны;
- 3) страна, пострадавшая от Чернобыльской катастрофы;
- 4) страна-побратим, близкая культура;
- 5) страна, входящая в состав СНГ.

С течением времени представления россиян о Беларуси значительно изменились. Так, в СМИ 1990–2000-х годов Беларусь выступает как:

- 1) страна-побратим;
- 2) союзное государство с Россией;
- 3) страна, входящая в состав СНГ;
- 4) транзитная страна;
- 5) государство, которое конфликтовало с Россией по нефтегазовым вопросам;
- 6) страна, начавшая строительство атомной электростанции;
- 7) страна, пострадавшая от Чернобыльской аварии;
- 8) одна из бывших советских республик;
- 9) страна, выпускающая трактор «Беларусь».

В корпусе современных СМИ было встречено гораздо меньше контекстов, связанных с Чернобыльской катастрофой. На первый план выходят совершенно новые реалии: экономический союз с Россией, транзит нефти и газа по территории Республики Беларусь, вопросы экспорта нефти и газа, начавшееся строительство атомной электростанции, производство тракторов. Россияне считают Беларусь братской республикой, надежным экономическим и политическим союзником.

В английском языке рассмотренного нами периода за нашей страной закреплены названия *Byelarus*, *Byelorus*, *Belorussia*, *Byelorussia*, *Belarus*, причем *Byelarus*, *Belorussia* и *Byelorussia* являются приоритетными. Название *the Republic of Belarus* встретилось лишь раз. По результатам анализа контекстов BNC Беларусь – это:

- 1) страна, на территории которой есть ядерный арсенал;
- 2) арена нескольких войн, страна, пострадавшая от войн;
- 3) страна, пострадавшая от Чернобыльской катастрофы;
- 4) страна с консервативным правлением, строго придерживающаяся своего законодательства;
- 5) одна из бывших советских республик, ставшая независимым государством.

Таким образом, можно сделать вывод, что и россияне, и британцы позиционируют Беларусь как арену боевых действий и как жертву Чернобыльской катастрофы. Однако британцы не соотносят Республику Беларусь с территорией, на которой велись активные партизанские действия. Беларусь выступает в сознании британцев и россиян как одна из бывших советских республик, ставшая независимым государством. Но британцы, в свою очередь, подчеркивают консервативную модель правления в нашей стране.

Республика Беларусь – молодое государство, поэтому в русском и английском языках есть несколько названий страны: *Республика Беларусь*, *Беларусь*, *Белоруссия*, *Byelarus*, *Byelorus*, *Byelorussia*, *Belorussia*, *Belarus*, *the Republic of Belarus*.

Как показали результаты исследования, представление внутри страны отличается от представлений о республике среди иностранных граждан. Например, белорусы позиционируют себя как толерантный и терпимый народ, однако мы не встретили контекстов подтверждающих, что британцы и россияне считают также.

Поскольку в эпоху глобализации не только транснациональные корпорации, но и страны давно включились в конкурентную борьбу по созданию и эффективному поддержанию своего собственного имиджа, осознание того, как видят нас иностранные граждане просто необходимо. Формирование позитивного образа Беларуси становится в последние годы одной из важнейших задач внешней политики. Не отказываясь от апелляции к историческому опыту, необходимо позиционировать Беларусь как мощное и современное, динамично развивающееся государство.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Потупа, А. С.* Масс-медиа, фабрики мысли, власть [Электронный ресурс] / А. С. Потупа. – 2002. – Режим доступа : http://www.baj.unibel.by/Abajaur/abajur16_18/a16_17.htm. – Дата доступа : 22.03.2016.

Corpus offers a high degree of reliability and validity to the research. Using corpus linguistics methods and its tools in the following comparative research the author analyzes how the image of Belarus in English and Russian differs.

О. В. Сидоревич-Стахнова

Минск, БГУ

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ ВЕЖЛИВОСТИ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена проблеме отношения исторически сложившихся средств вежливости испанского языка к современному языковому сознанию. Рассматриваются факты, связанные с проблемой демократизации вербальных основ общения, а также анализируется частота использования традиционных средств вежливости в современном испанском языке. Делается вывод о том, что сохранение в современном испанском языке средств вежливости, ориентированных на традиции социальной элиты, вступает в противоречие с интересами значительной части общества, что ведет к сокращению использования этих средств в речи многочисленных социальных групп.

В современном испанском языке лексические средства выражения вежливости в существенной своей части отмечены признаками социально-элитарного общения былых исторических периодов. В языковом сознании они до сих пор неотделимы от понятия превосходства одних групп общества над другими и, следовательно, от понятия более высокого социально-культурного престижа. Отсюда во многих случаях высокая степень асимметричности средств вежливости и их нацеленность на дистанцирование партнеров по общению. Эта особенность испанских средств вежливости хорошо видна при сравнении с соответствующими фактами других языков, например, французского.

Симптоматично, что в испанском языке ключевое слово *cortesía* 'вежливость' связывается с исторически исходной внутренней формой «королевско-феодалного двора». Казалось бы, такую же картину мы наблюдаем во французском языке, где этимологическое соответствие *courtoisie* 'утонченная вежливость' демонстрирует близкое семантическое движение. Но между этими двумя формами есть принципиальное различие: французский язык в качестве ключевого слова для своей лексической системы вежливости предпочел *politesse* 'вежливость' < букв. 'отполирован-

ность', т. е. слово, которое ориентируется не на идею социально престижного пространства, а на представление о субъективно-оценочном свойстве индивида (без его обязательной отнесенности к какому-либо социальному пространству). Очевидно, что у французского *politesse* потенциал «демократического» использования шире, чем у испанского *cortesía*.

Можно сослаться на франц. *chevalier* 'рыцарь', также показывающее, что французский язык уклонился от схемы развития социально престижного значения обращения по примеру исп. *caballero* (= *señor*).

Но еще более убедительным с этой точки зрения представляется соотношение исп. *señor* 'господин' и фр. *monsieur* 'господин'.

Фр. *monsieur* этимологически и функционально достаточно легко отождествляется с исп. *señor* (с учетом притяжательного детерминатива *mon* и исходной номинативной формы *senior* вместо аккумулятивной для *señor* [1, p. 1330]). В содержательном отношении оно прошло во многом такой же путь, что и исп. *señor*. Но в современном использовании эти слова резко различаются. Подчеркнем, что для *monsieur* одним из главных значений является «**Titre donné aux hommes de toute condition**» [2, p. 1108] (выделено нами. – О. С.-С.) 'Титул, применяемый к мужчинам любого положения'. В то же время, как мы видели выше, *señor* имеет в своем употреблении довольно сильные социопрагматические ограничения, как и многие другие нормативные средства вежливости испанского языка.

Все это говорит о том, что в современной Испании исторически сложившаяся система средств выражения вежливости вступила в противоречие с потребностями общения демократической части общества [3].

Реакцией на эту ситуацию стали различные процессы, формы которых сегодня лишь намечаются. Говорить о характере этих процессов, в силу их неопределившейся стабильности и известной хаотичности, можно лишь в плане тенденций [3].

Рассмотрим в качестве иллюстрации факты, связанные с проблемой ослабления исторически обусловленных нормативных средств вежливости под воздействием факторов демократизации. Показательным с этой точки зрения является частотный аспект распределения традиционных, социально и культурно признанных средств вежливости во всем массиве исследуемых текстов.

В. И. Карасик подчеркивает, что важнейшим объективным показателем актуальности той или иной сферы для носителей определенной культуры является детализация ее наименований, вариативность обозначения, иначе говоря, номинативная плотность для данного участка действительности [4, с. 3–42]. Исходя из этого тезиса, мы полагаем: чем выше частотность какого-либо элемента относительно других элементов данного семантического ряда, тем шире его функциональные возможности в рамках единого для них текстового пространства. В таблице представлены частотные характеристики традиционных средств вежливости, полученные в результате

анализа текстов 518 драматических произведений на испанском языке XX–XXI вв. (в качестве материала для анализа использовались электронные ресурсы виртуальной библиотеки «Biblioteca virtual Miguel de Cervantes» – <http://www.cervantesvirtual.com>).

Частотные характеристики традиционных средств вежливости
в современном испанском языке

№ п/п	Слово ¹	Частота	Количество текстов	Количество текстов, %
1	usted	10 050	333	64,29
2	señor	4820	363	70,08
3	señora	2301	277	53,47
4	don	2115	216	41,70
5	doña	698	111	21,43
6	señorita	654	154	29,73
7	compañero	618	211	40,73
8	caballero	586	154	29,73
9	dama	379	101	19,50
10	señorito	217	58	11,20
11	camarada	98	41	7,92

Условимся, что указанный в таблице перечень слов характеризуется тремя зонами абсолютной частотности. Его нижняя зона соответствует части перечня, заключенной между величинами 0 и 599 на столбике «Частота», а средняя – между 600 и 700. Верхняя зона располагается между показателями 2 100 и 10 100. Обращают на себя внимание несколько моментов, связанных с представленными на рисунке данными.

Четыре единицы – *usted*, *señor*, *señora*, *don*, соответствующие критериям верхней зоны частотности, показывают на материале одного и того же массива текстов общую частоту в объеме 19 286 единиц. Это значит, что указанные четыре слова почти в шесть раз превосходят по абсолютной частоте остальные, вместе взятые элементы перечня.

Пояснения требует гендерный аспект рассматриваемых фактов. В тех случаях, когда имеют место парные связки слов по гендерному основанию

¹ Словоформы, обычно выделяемые по признакам единственного или множественного числа, в данном перечне согласно лексикографической традиции, включаются в состав соответствующего слова. Словоформы, связанные с выражением гендерных различий, указываются как отдельные слова.

(*señor/señora, don/doña, caballero/dama*), более частотной оказывается форма мужского рода. Полагаем, что причина такого положения вещей находится в сфере реальных гендерных отношений в обществе. Исключением является пара *señori/señorita*, в которой и по частоте употреблений (соответственно 217 и 654) и по числу текстов (соответственно 58 и 154) форма женского рода примерно в три раза превышает аналогичные показатели по форме мужского рода. Это можно объяснить тем, что некоторые употребления *señorito* перекрываются более широкими функциональными возможностями формы *señor*.

Социопрагматические особенности *señorito/señorita* подчеркиваются при сравнении с их французскими функционально-семантическими аналогами. Как свидетельствует Т. Ю. Загрязкина, форма мужского рода *damoisel* (обращение к неженатому молодому человеку) выпала из употребления еще в период старофранцузского языка. Что же касается (*ma*)*demoiselle*, то в соответствии с правительственным циркуляром 2012 г. эта форма подлежит изъятию из официальной – устной и письменной – сферы общения на французском языке [5, с. 59–64].

Симптоматичными являются данные, отражающие распределение частотных характеристик по текстам драматических произведений. На 20 609 страницах 518 драматических произведений не обнаруживается элементов, которые были бы представлены во всех обследованных текстах. Это вполне объяснимо в отношении таких единиц, как *compañero* и тем более *camarada*, использование которых в значительной мере мотивируется специфическими условиями общения в политически ангажированной среде. Отсюда понятно, что *compañero* обнаружено лишь в 211 текстах из 518 (41 %), а *camarada* – всего в 41 тексте (8 %).

Но и единицы верхней зоны частотности дают, казалось бы, неожиданный результат. Примечательно, даже такие единицы, как *señor* и *señora*, показывают тенденцию к резкому ограничению числа текстов, в которых они используются.

В настоящее время вербальная сфера вежливости испанского языка испытывает значительные изменения, мотивированные эволюционными процессами в обществе. Эти изменения вызваны противоречиями между исторически сложившейся, ориентированной на социальную элиту системой выражения вежливости, с одной стороны, и стремлением к демократизации общения, с другой стороны. Все более широкое распространение получает обращение на «ты» (*tuteo*) среди различных социальных групп, в том числе преподавателей высшей и средней школы во время их общения с молодежью. Естественным следствием этого оказывается ослабление функциональных позиций *usted* – местоименной формы, воспринимаемой со времен Золотого века в качестве одного из самых ярких элементов испанской вербальной вежливости.

Сохранение в современном испанском языке средств вежливости, ориентированных на традиции социальной элиты, вступает в противоречие с интересами значительной части общества. Для многочисленных социальных групп оказываются чуждыми формы общения, которые отмечены признаками дистанцирования одних слоев общества от других.

Таким образом, исторически сложившаяся система средств выражения вежливости испанского языка в некоторых своих элементах оказывается неспособной удовлетворить потребности общения демократической части общества, социально-политическое влияние которой в стране идет по нарастающей линии и воздействие которой на языковое состояние усиливается.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Buck, C. D.* A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages: a contribution to the history of ideas / C. D. Buck. – Chicago : The Univ. of Chicago Press, 1949. – 1515 p.
2. *Robert, P.* Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française / P. Robert. – Paris : Dict. le Robert, 1943. – 1971 p.
3. *Blas Arroyo, J. L.* Tú y Usted: dos pronombres de cortesía en el español actual. Datos de una comunidad peninsular [Recurso electrónico] / J. L. Blas Arroyo // E.L.U.A : estudios de lingüística. – 1994–1995. – № 10. – Modo de acceso : http://rua.ua.es/dspace/bitstream/10045/6380/1/ELUA_10_02.pdf. – Fecha de acceso : 12.09.2014.
4. *Арутюнова, Н. Д.* Истоки, проблемы и категории прагматики / Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. – М., 1985. – Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. – С. 3–42.
5. *Авина, Н. Ю.* О некоторых региональных особенностях современного речевого общения / Н. Ю. Авина // Изв. Рос. акад. наук. Сер. лит. и яз. – 2013. – Т. 72, № 2. – С. 59–64.

The article is dedicated to the problem of correlation between historically formed means of politeness in the Spanish language and modern language consciousness. The facts related to the democratization of verbal basis of communication are treated. Also the frequency of the use of traditional polite means in modern Spanish is analyzed.

Т. Ю. Щепачёва
Минск, МГЛУ

ДИСКУРСИВНЫЕ ФОРМУЛЫ В КОНФЛИКТНОМ ДИАЛОГИЧЕСКОМ ОБЩЕНИИ НА АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье рассматриваются различные подходы к определению понятия дискурсивных формул. Основываясь на широкой интерпретации понятия дискурсивных формул, в рамках которого к ним относят общие модели речевого поведения в конкрет-

ной ситуации, автор проводит сопоставительный анализ конфликтных диалогических ситуаций на материале англо- и русскоязычных кинофильмов, выделяет формулы, общие для обеих лингвокультур, описывает особенности языкового воплощения наиболее употребительных формул.

В соответствии с одним из современных научных определений дискурс представляет собой «интерактивную деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения» [1]. Видовая классификация дискурса осуществляется с учетом наличия у них определенных признаков. Одним из них является использование коммуникантами специфических дискурсивных формул – устойчивых речевых оборотов, свойственных общению в рамках соответствующего социального института.

Согласно социолингвистической классификации В. И. Карасика [1], в которой дискурс рассматривается как общение людей с точки зрения их принадлежности к той или иной социальной группе, выделяют два основных типа дискурса: *институциональный* и *персональный* (личностно-ориентированный). Специфика институционального дискурса представлена трафаретностью и клишированностью – использованием высказываний жесткой структуры, которые с высокой степенью обязательности употребляются говорящими в сфере институционального вербального взаимодействия. Персональному дискурсу, напротив, свойственны спонтанность, ярко выраженная субъективность, нарушение логики, структурная оформленность высказываний, а также значительная ситуативная зависимость.

Материалом настоящего исследования послужили отобранные из художественных кинофильмов диалогические ситуации персонального конфликтного дискурса, набор вербальных инструментов которого крайне индивидуален и недоступен коммуникантам, не принадлежащим к целевой социальной группе. В этой связи выделение дискурсивных формул как стандартных образцов словоупотребления, типовых словосочетаний и синтаксических конструкций, которые могли бы определить специфику конфликтного дискурса, является неосуществимым на практике. Вместе с тем при рассмотрении понятия дискурсивной формулы в более широком смысле под ней следует понимать общие модели речевого поведения в конкретной ситуации.

Таким образом, результатом сопоставительного анализа стало выявление ряда общих дискурсивных формул, или моделей поведения, характерных для конфликтных ситуаций в англо- и русскоязычных лингвокультурах. Наиболее распространенной коммуникативной моделью, свойственной обоим языковым дискурсам, является *взаимная конфронтация*, которая выражается в обоюдной неприязни, критике, возмущении, обмене

упреками и обвинениями. Ситуации, в которых стороны не склонны уступать друг другу, составили 44 % в англоязычном дискурсе и 41 % в русскоязычном. Вторую по частотности модель представляет *конфронтация-дистанцирование* (23 и 32 % соответственно), где один из коммуникантов уклоняется от участия в конфликте с помощью таких тактик, как *смена темы, ложное (вынужденное) согласие, уступка* и т.д. Модель *конфронтация-кооперация* использовалась представителями двух лингвокультур реже других моделей (17 и 22 %). Особенность англоязычного кинодискурса заключается в более частом использовании модели *смешанного типа*, чем в русскоязычном (14 против 4 %), что предполагает переход коммуниканта от одной стратегии к другой, например, от конфронтации к дистанцированию или от дистанцирования к кооперации. Наиболее редкой в англо- и русскоязычном дискурсах является модель дистанцирования как имплицитная форма конфликта (2 и 1 % соответственно), где один из коммуникантов придерживается стратегии дистанцирования. В данной ситуации определить наличие конфликта помогает анализ контекста и экстралингвистических факторов, которые указывают на отсутствие взаимопонимания между коммуникантами.

Конфронтационная стратегия реализуется большим набором тактик и широким спектром языковых средств их репрезентации. Сопоставление конфликтных ситуаций также позволило выявить такие тактики, как *возмущение-упрек, давление, отказ, оскорбление, ирония, угроза, намек, обвинение, прерывание, возражение, недоверие* и «*инвективная тактика*». Наиболее употребительными в англо- и русскоязычном кинодискурсах оказались тактики возмущения-упрека, давления и отказа.

Тактика возмущения-упрека имеет гибридную природу, поскольку возмущение и упрек тесно взаимосвязаны: они обладают схожим характером языкового воплощения, часто будучи взаимодополняющими. Смысл анализируемых высказываний является имплицитным и в значительной степени зависит от коммуникативной ситуации, содержащей множество почти неуловимых контекстных сигналов, в результате чего четкое разграничение данных тактик может быть дискуссионным. Их разграничение, с одной стороны, возможно при глубоком контекстуальном анализе, с другой – полное обособление таких тактик невозможно в силу того, что их общей характеристикой является негативное отношение коммуниканта к собеседнику или окружающей действительности.

Тактика упрека-возмущения – одна из самых распространенных и экспрессивных тактик (61 % в английском языке и 70 % – в русском), реализующих стратегию конфронтации. Средствами ее вербализации являются: стилистически сниженная и бранная лексика, экспрессивные усилители (*always* ‘всегда’, *never* ‘никогда’, *all* ‘все’, *absolutely* ‘абсолютно’, *every time* ‘каждый раз’; *что за, да, что, нет, ну, так, же, ужас, ну и, вот*

что, даже, просто), междометия (*My God!* ‘Господи!’, *Oh!* ‘Ох!’, *Jesus Christ!* ‘Боже мой!’; *Надо же!*, *Все!*, *Господи!*, *Ах!*, *Фу!*, *К черту!*), преувеличение (*10,000 times* ‘10,000 раз’; *a thousand times* ‘тысячу раз’; *весь двор, 33 работы*), восклицательные предложения (полные или эллиптические), вопросы-переспросы, лексический повтор и инверсия; отличительной чертой англоязычного дискурса является активное использование междометий и инвективной лексики, которая не приемлема для русскоязычного кинодискурса. В русскоязычном материале отмечены такие маркеры, как фразеологические обороты, риторический вопрос, повествовательный вопрос, или самовопрос, и цитирование коммуникантом своего собеседника.

Тактика давлени я рассматривается как коммуникативное воздействие одного коммуниканта на другого для достижения поставленной цели. В англоязычном дискурсе коммуниканты используют тактику давления в 23 диалогах из 57 (40 %), в русскоязычном – в 34 из 71 (47 %). Ее общими маркерами являются перформативные глаголы требования, запрета, отказа (*I demand you do something!* ‘Я требую, чтобы вы что-нибудь сделали!’; *Now I refuse... refuse to be incarcerated in this semi-private room!* ‘Я отказываюсь находиться в заточении в этой двухместной палате!’; *Я запрещаю тебе общаться с этим Ромой!*), императивные и условные предложения, а также вопросительные предложения, уточняющие понимание сказанного типа *Do you understand?* ‘Ты понимаешь?’; *Ты меня слышишь?*. Особенностью англоязычного дискурса является использование модальных глаголов и полного или частичного повтора адресантом собственной реплики. В отличие от английского, в русском языке императивные высказывания могут быть представлены не только формами глаголов в повелительном наклонении, но и глаголами в форме изъявительного наклонения 3-го лица единственного числа в прошедшем времени и 2-го лица единственного числа в настоящем или будущем времени: *Ты сейчас вернешься и извинишься за свое хамское поведение!*; *Значит, так! Сейчас ты собираешь все окурки, бутылки, проветриваешь комнату!*; *Значит так! взяла животное и вынесла в чисто поле и вернулась!*.

Тактика отк аза подразумевает отрицательный ответ на просьбу, требование или предложение собеседника. Отказ получил реализацию в 15 из 57 (26 %) диалогах на английском языке и 16 из 71 (23 %) диалогах на русском языке. Общими языковыми средствами реализации этой тактики являются коммуникативы *нет/но* и глаголы с отрицательной частицей *ne/not*. Русскоязычный дискурс отличается от англоязычного более редким употреблением коммуникатива *нет*.

Таким образом, на основе анализа дискурсивных формул и языковых средств их реализации в конфликтных ситуациях в кинодискурсе на английском и русском языках выявлен ряд сходств в поведении ком-

муникантов. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что отмеченные сходства в большей степени обусловлены психоэмоциональными особенностями и морально-нравственными качествами личностей коммуникантов, чем принадлежностью к одной из двух языковых культур. Характер результатов исследования во многом предопределен особенностями персонального дискурса, которому свойственны повышенный уровень искренности, частое нарушение принципов вежливости, кооперации, конфликтность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Карасик, В. И.* О типах дискурса / В. И. Карасик // *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс* : сб. науч. тр. – Волгоград : Перемена, 2000 (а). – С. 5–20.

The article is devoted to the study of discourse formulas typical of communicative behavior in conflict situations. The research is based on the comparative analysis of the English and Russian cinematographic discourse.

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В КОМПАРАТИВНОЙ ПАРАДИГМЕ

Д. А. Букаев
Минск, МГЛУ

АЛЛИТЕРАЦИЯ В НЕМЕЦКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРАДИЦИЯХ

В статье анализируется явление аллитерации на основе определений, характерных для немецкой и белорусской литературных традиций и отражающих наиболее важные особенности ее употребления в рамках данных национальных литератур. Учет как лингвистических, так и литературных особенностей употребления аллитерации позволяет лучше понять ее характер и причины наблюдающихся различий в трактовке данного явления и его роли в литературной традиции. Рассматриваются истоки этого феномена и его роль в контексте истории развития национальных литератур, приводятся примеры употребления аллитерации в известных произведениях.

Аллитерация, будучи одним из наиболее древних стилистических и ритмических средств, известных человечеству, наблюдается в самых разных национальных литературах. Однако традиции, связанные с ее употреблением существенно разнятся в разных культурах. Рассмотрим использование аллитерации в немецкой и белорусской литературе.

Главные особенности употребления явлений в рамках литературных традиций обычно закреплены в определении, которым пользуются носители конкретного языка. Так, немецкий ученый Б. Мённингхоф определяет аллитерацию как «повторение одинаковых анлаутов (опорных согласных) в следующих друг за другом, либо синтаксически связанных словах» [1, S. 15]. В литературоведении такая трактовка обычно рассматривается как узкое понимание аллитерации. При этом он отмечает, что данное определение относится как к прозаическим, так и поэтическим текстам. Если же обратиться к истории литературы, то первый зафиксированный случай употребления аллитерации относится к VII в. и зафиксирован в «Песни о Хильдебранде». Эта поэма на древневерхне-немецком языке включает в себя множество примеров аллитерации: *Hiltibrant enti Hadubrant untar herium tuet*. Древнегерманская поэзия отличалась от современной в первую очередь тем, что она строилась на тоническом принципе стихосложения. Также важным фактором является то, что ударение в древнегерманском падало на первый слог, что способствовало употреблению аллитерации для связывания значимых слов и созданию определенной ритмической структуры. Данная традиция занимала главенствующее положение до XI в., когда ее заменила заимствованная из романских языков силлаботоническая версификация в сочетании с конечной рифмой. С этого времени до XVIII в. случаи употребления аллитерации были спорадическими. В XVIII в. в Германии формируется литературное движение «Буря и натиск», которое можно

рассматривать как проторомантизм, что обусловлено в первую очередь интересом к устному народному творчеству. В устной народной традиции, в отличие от официальной литературной, аллитерация сохраняла свое значение, что в частности зафиксировано в многочисленных немецких поговорках. Благодаря «Буре и натиску» аллитерация вернулась в литературную традицию, и в качестве примера можно привести произведение И. Гёте «Der Erlkönig»: *Meine Mutter hat manch gülden Gewand*. До настоящего времени в немецкой литературе аллитерация остается распространенным стилистическим и ритмическим явлением.

В белорусской литературной традиции понимание данного явления отличается от немецкого. Известный белорусский литературовед В. Рагойша дает следующее определение аллитерации: «**Алітэрацыя** (ад лац. ad – да, пры і littera – літара) – прадвызначанае пэўнымі мастацкімі задачамі паўтарэнне ў вершаванай мове аднолькавых або падобных зычных гукаў» [2, с. 309]. В данном случае мы имеем уже широкое понимание аллитерации, не привязывающее ее к определенной позиции в слове. Такое определение обусловлено историческим развитием белорусского языка. В отличие от немецкого, процесс развития славянских языков в целом и восточнославянских в частности привел к разному расположению ударения. В случае восточнославянских языков к XIII в. сформировалось свободное ударение, что, безусловно, повлияло на употребление аллитерации. Она в белорусской литературной традиции не привязана к определенной позиции в слове, однако это не повлияло на ее роль как связующего элемента семантически связанных слов, в первую очередь, в устном народном творчестве.

В XIX в. начала формироваться современная литературная традиция, основанная, в отличие от немецкой, главным образом, на устном народном творчестве, что не могло не отразиться на употреблении характерных для нее явлений. Поскольку аллитерация широко встречается в устном народном творчестве, она перешла и в официальную литературную традицию. Стоит также отметить, что аллитерация играет важную роль своеобразной визуализации, например, в поэме «Новая Зямля» Я. Коласа она используется для передачи шумов во время грозы: *А дождж шуміць, а дождж гудзе / І бліжай-бліжай ён ідзе*. М. Богданович называл аллитерацию одним из наиболее тонких средств поэтического воздействия. В литературной традиции XX в. она занимает подчиненное положение, что не мешает ей время от времени становиться в определенных произведениях одним из основных средств художественного воздействия. Примером такого употребления служит стихотворение Р. Бородулина «Матылёк», состоящее из 66 слов (включая 15 рабочих), и котором в 58 словах повторяется звук л: *Лілею млявы плёс люляе, З-над злежанных аблок здалёк, ляціць віхлясты і бялявы, пнялёстак лёгкі – матылёк*. Также в 1975 г. поэт Р. Крушина впервые в современной белорусской литературе применяет такую разновидность аллитерации, как тавтограмма, – метод построения стиха, который предполагает использование исключительно слов, начинающихся на одну и ту же букву.

Впервые данное явление встречается в стихотворении «Спевы Сняжынак»: *Смута́к смяко́тны./ Слухаю́ спевы́ смяжы́нак./ Стогне́ сухотны́/ Сі́лы суглі́нак.* Под влиянием русской литературной традиции в советский период употребление аллитерации в основном ограничивалось поэзией. Многие известные писатели, в частности М. Горький, не рекомендовали использовать аллитерацию в прозе, если она не необходима для звукоподражания. В данной роли аллитерация изредка встречается в белорусской прозе, например, у З. Бядули в произведении «У шалашы»: *Ад дажджу тады шуршаў шалаш, нібы мышы скраблі.*

Анализ особенностей употребления аллитерации в немецкой и белорусской литературных традициях показал, что лингвистические и стилистические факторы сформировали различные подходы к данному явлению. Немецкая литературная традиция, хоть и рассматривает аллитерацию в более узком ее значении, предполагает ее употребление в гораздо большем количестве текстов, в то время как белорусская литературная традиция, допуская более широкое понимание аллитерации, сужает ее использование поэтическими текстами и звукоподражанием в прозе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Burdorf, D. Metzler Lexikon Literatur. Begriffe und Definitionen / D. Burdorf, C. Fasbender (Hgg). – 3. völlig neu bearb. Aufl. – Stuttgart; Weimar, 2007. – 845 S.*
2. Гукапіс. Паэтычны слоўнік / В. Рагойша. – 3-е выд., дапрац. і дапоўн. – Мінск.: Белнавука, 2004. – 576 с.

This article is dedicated to the analysis of alliteration within the traditions of German and Belarusian literature. It gives an overview of the definitions of this phenomenon within the appointed national literatures and uses examples from notable German and Belarusian literary pieces to illustrate the differences.

Е. А. Дорош
Минск, МГЛУ

ОБРАЗНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТА «ВОЙНА» В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ (на материале произведений Г. Бёлля)

В статье рассматриваются особенности репрезентации концепта «война» в немецкой лингвокультуре и приводятся результаты сопоставительного анализа образных средств его выражения в немецком и русском языках на материале произведений немецкого писателя Генриха Бёлля. Методом сплошной выборки из немецкого текста романа «Где ты был, Адам?» был сформирован корпус языкового материала для сопоставительного анализа и рассмотрены основные лексико-грамматические и стилистические средства выражения концепта «война». Его описание и раскрытие представляется нам как выявление максимально полного набора характерных признаков и было смоделировано при помощи построения фреймовой модели.

Исследование концепта «война» на материале произведений Г. Бёлля является актуальным, поскольку в его романах он дополняется новыми смыслами – писатель обращается к проблематике, связанной с нравственными и психологическими последствиями войны, с необходимостью ее осмысления, за счет чего расширяется ассоциативный ряд актуального слоя данного концепта [1, с. 6]. В настоящее время можно говорить о наличии у немцев комплекса вины за преступления, совершенные фашистами. В связи с этим, поскольку война переживалась и осмысливалась всей нацией, есть необходимость рассмотреть войну в качестве концепта культуры и провести сопоставительный анализ средств его выражения в текстах оригинала и русского варианта перевода.

Нами был проведен сопоставительный анализ лексико-грамматических и стилистических средств выражения концепта «война» на материале произведения «Wo warst du, Adam?» [3] и его перевода на русский язык Н. С. Португаловым «Где ты был Адам»? [2]. Для более четкой организации и удобства восприятия знаний о данном концепте мы использовали прием построения фрейма. Фреймовая структура семантического поля концепта «война» представлена понятиями, которые непосредственно ассоциируются с войной. Мы выделили три базовых понятия: «участники войны», «военные действия», «вооруженные силы, вооружение» (рис. 1).

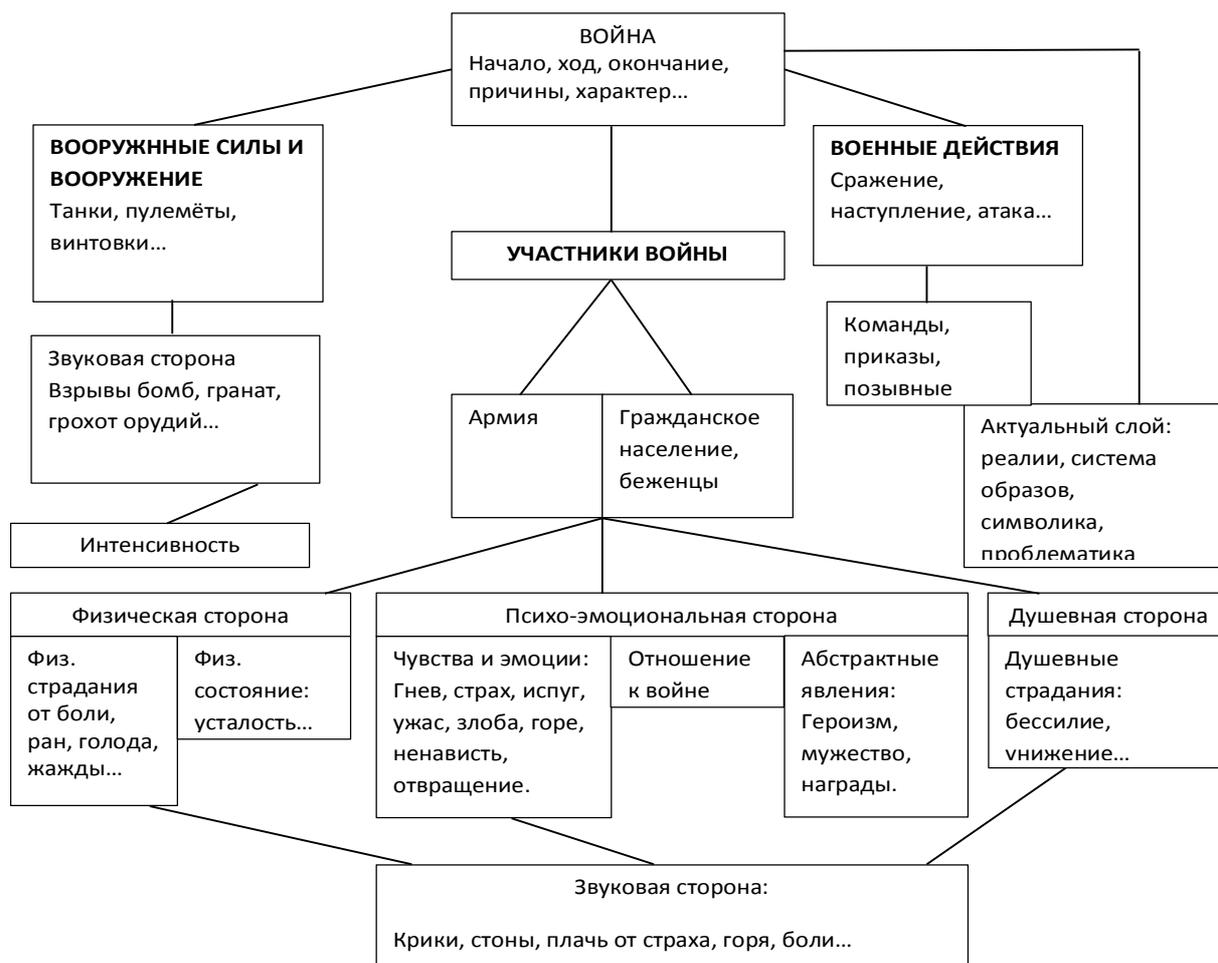

Рис. 1. Фреймовая структура семантического поля концепта «война».

Концепт «война» может быть представлен некими фреймами, выражающими субъектно-объектные отношения, которые, в свою очередь, могут быть переданы разными средствами. В лексике – это эмоционально окрашенные слова, просторечие, архаизмы, историзмы, неологизмы [4, с. 54]. Всего для анализа методом сплошной выборки нами было выбрано 136 лексем.

По результатам проведенного сопоставительного анализа было установлено, что в русском тексте лексика более выразительна и убедительна – большинство слов оригинала, обладающих только денотативным значением, при переводе приобретает эмоционально-экспрессивную окраску и заменяется разговорной, просторечной лексикой, словами в переносном значении.

«*Abfahren*», *sagte der Fahrer* [3, S. 40]. – «Сматываться (прост.)», *буркнул водитель* [2, с. 45]

Используемая же в оригинале разговорная и просторечная лексика в русском варианте перевода также сохраняется в данных пластах. Употребляя разговорную лексику, Г. Бёлль раскрывает тему орденов как вещей совершенно бессмысленных, отражает пренебрежительное отношение солдат к наградам как символу отваги и доблести. Редкий крест, высшую награду, солдаты называют *Schmuck* ‘украшение’, *Gemüse* ‘ботва’.

Der Oberst hatte Gemüse am Hals [3, S. 5]. – *На шею полковника красовалась «ботва»* [2, с. 7].

Большим потенциалом для выражения концепта «война» обладают также синтаксические средства, среди которых в рамках исследования нами было проанализировано 200 случаев использования различных стилистических приемов и стилистически немаркированных средств. Были выявлены интересные особенности перевода, связанные с транспозицией типов предложений, – переводчик употребляет вместо нейтральных повествовательно-восклицательные и побудительно-восклицательные предложения, что позволяет создать более яркие образы и усилить динамику действия:

«*Marsch*», *rief Muck*, «*Marsch ohne Tritt marsch*» [3, S. 134]. – *Шагом марш! Шагом марш! Идти вольно!* [2, с. 146];

«*Aufstehen*», *rief der Leutnant vorn*, «*weiter*» [3, S. 84]. – *Перебежка! – заорал лейтенант. – Вперёд!* [2, с. 94].

Кроме того, весьма показательно, что для передачи прямой речи в оригинале используются исключительно глаголы нейтральной стилистической окраски *sagen* ‘говорить’, *rufen* ‘звать’, *schreien* ‘кричать’, однако в русском варианте перевода они имеют целые ряды экспрессивных синонимов из слов разговорной, просторечной лексики, глаголов в переносном значении, различающихся по степени эмоционального напряжения. Используя такие слова, переводчик придает прямой речи разные оттенки: неодобрительные, пренебрежительные, презрительные, уничижительные, что помогает лучше охарактеризовать героев и их отношение к происходящему.

Der Posten schrie: «Schneller – Schneller» [3, s. 109]. – *Часовой рывкнул: – Быстрее пошевеливайся!* [2, с. 1];

«Umlegen», schrie er [3, S. 111]. – *Расстрелять! – заорал офицер.* [2, с. 122];

Otten rannte durch den Flur und schrie: «Nachkommando antreten!» [3, S. 3]. – *Оттен побежал по коридору, крича во всё горло: «Группа прикрытия, строиться!»* [2, с. 36];

«Feinhals», schrie der Spieß [5, S. 67]. – *Файнхальс! – надрывался каптенармус* [2, с. 77].

Что касается стилистических средств выражения концепта «война», то нами было выявлено 110 случаев употребления тропов. Количественный анализ показал, что преобладающими тропами являются эпитеты (рис. 2).

Рис. 2. Использование тропов для выражения концепта «война», количество.

В романе Г. Бёлля эпитеты помогают создать образ, показать духовное состояние и физические страдания персонажей. В основном эпитеты несут отрицательную оценку. Наивысшую частотность в тексте оригинала имеет слово *müde* ‘усталый’, однако оно получает большую экспрессивную окраску в тексте русского перевода за счет наличия синонимов, которые различаются по степени эмоционального напряжения:

Der Offizier war müde, gleichgültig fast, er tat alles mechanisch [3, S. 78]. – *На лице его лежала печать усталости, и он делал свое дело с безразличием машины* [2, с. 8];

Schröder und Plorin gingen müde auf eine Baracke zu, die hinter dem Wachturm stand [3, S. 98]. – *Шредер и Плорин, едва волоча ноги, прошли к бараку, стоявшему позади сторожевой башни* [2, с. 108];

Drei Stunde später lag er müde irgendwo auf magerem Steppengras und sah einer Gestalt nach, die im grauen Dunkel davonkroch [3, S. 10]. – *Часа три спустя, совершенно обессилев, он лежал где-то в выгоревшей степной траве и тупо смотрел вслед человеку, уползавшему в серую мглу* [2, с. 12].

Одним из существенных аспектов, который мы учитывали при построении фреймовой модели, является восприятие войны человеком через его сенсорные ощущения. Звуки, связанные с техническими средствами уничтожения, были наиболее значимыми. Они несли с собой ранения, смерть, контузии, разрушения и поэтому сопровождались наиболее глубокими

эмоциональными переживаниями. Именно эти звуки вызывали чувство страха: переводчик усиливает воздействие на читателя за счет замены нейтральных конструкций образными метафорами:

Der Mann erschrak, er hatte noch nie Schießen gehört, und er hatte Angst [3, S. 80]. – *Человек услышал первые выстрелы. Он испугался, его сковал страх* [2, с. 90];

Er hatte wieder dieser feine, fast heitere, spröde Klack gehört, und er hatte Angst [3, S. 84]. – *Он сжался в комок, услышав опять этот характерный, тонкий, даже веселый посвист* [2, с. 94].

Таким образом, подробный анализ образных средств выражения концепта «война» в русском и немецком языках на материалах романа Г. Бёлля показал, что в русском варианте перевода многие тропы получают большую эмоционально-экспрессивную окраску. Устаревшие слова, историзмы и неологизмы находят широкое применение в романе Г. Бёлля. При этом многие из них при переводе на русский язык просто транслитерируются. Особенностью передачи всех стилистических приемов является то, что они не всегда сохраняются при переводе. Прослеживается наибольшая частотность употребления асиндетической связи, контактного повтора, парантезы, присоединений. Также наблюдаются синтаксические выразительные средства – объем и длина предложения, прямая и не собственно прямая речь, особый порядок слов в предложении. Ведущим стилистическим средством выражения концепта «война» в романе Г. Бёлля являются тропы с преобладанием эпитетов. В тексте оригинала все эпитеты, в основном, имеют отрицательную, негативную оценку, которая сохраняется и в тексте перевода. Также достаточно часто используются метафора и метонимия, однако в русском варианте перевода значительно больше случаев употребления слов в переносном значении. Исследование концепта «война» и образных средств его выражения позволяет выявить художественные, идейные и моральные особенности творчества писателя, помогает шире и глубже раскрыть существующие представления о военной проблематике и проследить воссоздание стилистического эффекта текста оригинала в русском варианте перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авраменко, Ю. И. Идея бессмысленности войны в романе Генриха Бёлля «Где ты был, Адам?»: взгляд реалиста XX века / Ю. И. Авраменко // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. – Челябинск: ЧелГУ, 2010. – Вып. 46. – С. 5–8.
2. Бёлль, Г. Где ты был Адам? / Г. Бёлль; пер. с нем. Н. Португалова, М. Гимпелевич // Избранное: пер. с нем. / сост. Н. Н. Бунина. – М. : Правда, 1987. – С. 3 – 166.
3. Böll, H. Wo warst du Adam? / H. Böll. – Leipzig: Verl. Philipp Reclam jun, 1967. – 179 S.

4. *Бабушкин, А. П.* Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления / П. А. Бабушкин // *Методологические проблемы когнитивной лингвистики* / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: ВорГУ, 2001. – С. 52 – 57.

The current article deals with the problem of representation of the concept «war» in german linguoculture on the material of H. Böll's poem «Where were you, Adam?». The paper analyzes lexical, grammatical and stylistical features of expression of this concept.

Л. В. Первушина
Минск, МГЛУ

ПОИСК ИДЕНТИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-ЭМИГРАНТОВ США

В данной статье определяется актуальность и значимость проблемы поиска идентичности в современном мире, выявляются различные виды «самости» – соотнесения человека с определенной социальной, гендерной, этнической и национальной группой или общностью в глобализованном культурном пространстве, рассматриваются альтернативные, контрастирующие модели вхождения личности в новое мультикультурное, многонациональное и полиязыковое американское общество. Выявляются особенности литературного воплощения фиксированной идентичности, сопротивляющейся процессам культурной, этнической и национальной ассимиляции, представленной в ностальгической мировоззренческой модели авторов. Анализируются специфические черты гибридной/транскультурной идентичности, основанной на космополитической модели мировосприятия писателей, которая проявляет себя в их экспериментальном, интеллектуальном игровом творчестве. Данные писатели включаются в межкультурную коммуникацию, преодолевают межэтнические барьеры и создают переключки между разными странами Старого и Нового Света.

В конце XX – начале XXI в. проблема поиска идентичности, приобретающая исключительную остроту и значимость, находится в центре внимания писателей, а также литературоведов, философов, культурологов. Идентичность каждой личности складывается в ходе индивидуального развития и «является результатом психологических процессов социализации, идентификации, личностной интеграции и т.п.» [1, с. 238]. Однако важно осмыслить особенности этапов этого процесса, раскрыть внутреннее содержание «позитивной» или «негативной» идентичности в условиях глобализации, урбанизации, электронной (e-culture) и цифровой культур (digital culture). Большой интерес представляет проявление идентичности в процессах расслоения многонационального американского общества по полу, возрасту, рабочему статусу, по предпочтениям и принадлежности к различным организациям, культурам и субкультурам, а также к молодежным группам и группировкам. Анализируются процессы изменения идентичности в многоуровневом потребительском обществе, частью которого стали псевдокультура «гламура» и массовая культура в ее негативном проявлении. И конечно, большое

значение приобретает трансформация идентичности в результате интенсивных процессов миграции, эмиграции, иммиграции, когда «культурное разнообразие превратилось в разнообразные формы культурного самовыражения» [2, с. 34], а идентичность стала важным индикатором, выявляющим степень вхождения писателя-эмигранта в новое мультикультурное и полиязыковое общество США. Непрерывный процесс становления идентичности позволяет анализировать особенности ассимиляции, культурной и социальной адаптации и собственно американизации различных национальных, этнических и культурных сообществ.

Известно, что эмиграция представляет собой один из наиболее важных культурно-исторических феноменов XX – начала XXI века, определяющих развитие регионов, стран, локальных цивилизаций и человечества в целом. Будучи историко-культурным и социально-политическим явлением, эмиграция складывалась на протяжении тысячелетий в режиме возрастания от единичных случаев к массовым процессам, завершившись в двадцатом столетии созданием нового антропологического типа – *эмигрантского человека* (“*homo emigranticus*”) [3, с. 81], с новой сложной и меняющейся культурной идентичностью.

Этнические славянские литературы (белорусская, русская, украинская, польская, сербская, чешская, и др.) в американской культуре формируют особую территорию, значимую для теоретического осмысления ряда философских, литературоведческих и лингвистических вопросов. В них так или иначе отражается поведение как отдельных личностей, так и групп, сообществ, осмысливаются исторические процессы, способствующие формированию новых культурных идентичностей. Творчество писателей-эмигрантов, принадлежащих к различным этническим славянским литературам в США, демонстрирует различные модели вхождения личности в новое мультикультурное общество, раскрывает варианты решения онтологического вопроса отношения к родине и чужбине («свой» – «чужой»). В произведениях, созданных в «другой» культурной среде, где превалируют законы, нормы и ценности, радикально отличные от традиций родной страны, выявляются специфика самоидентификации человека, особенности отражения национального самосознания и нового мироощущения личности. Художественное творчество славянских писателей-эмигрантов в многонациональном и полиязычном пространстве Америки представлено как на родных языках, так и на английском.

Современные литературные произведения отражают разнообразные соотнесения конкретного человека с определенной группой или общностью, т.е. разные виды *личностной идентичности* (*personal identity*): *локальная идентичность* (*local identity*), *групповая идентичность* (*group identity*), *коллективная идентичность* (*collective identity*), *социальная идентичность* (*social identity*), *гендерная идентичность* (*gender identity*), *национальная и этническая идентичность* (*national and ethnic identity*), *фиксированная идентичность* (*fixed identity*), *би-этническая* (*bi-ethnic*

identity), гибкая, меняющаяся адаптивная идентичность (*flexible identity*); гибридная идентичность (*hybrid identity*), составная идентичность (*composite identity*), децентрированная фрагментированная идентичность (*decentered fragmented identity*), идентичность национального/этнического меньшинства, подавляемая доминирующей культурой (*repressed identity*), языковая идентичность (*language identity*) и т.д. Многостороннее проявление «самости» человека позволяет исследовать этническую специфику внутри мультикультурного/транскультурного контекста и находить идентифицирующие признаки принадлежности к определенному групповому и культурному сообществу.

Идентичность, сопротивляющаяся процессам ассимиляции, стремящаяся к сохранению аутентичной культуры, более всего представлена в произведениях восточнославянских и южнославянских авторов. Она находит свое воплощение в *ностальгической модели* [4], при которой произведения сохраняют отчетливый национальный колорит и образы родной страны, содержат определенное отчуждение от культуры новой страны проживания и неприятие многих ценностных установок общества, принявшего их. Такая идентичность очевидна в творчестве белорусских писателей-эмигрантов последних десятилетий XX века – Н. Арсеньевой, М. Седнёва, Ю. Витьбича, А. Берёзки, А. Саковича, Я. Золака, В. Клишевича, А. Адамовича, Р. Крушины, Я. Юхновца и др. Их художественное наследие отличается белорусоцентричностью, в нем очевидно противостояние процессам культурной адаптации и поглощению личности транснациональным, американским «правильным котлом». Моделирование действительности и раскрытие внутреннего мира человека в произведениях названных писателей осуществляется на основе четко выраженных бинарных оппозиций «свой» – «чужой», «Родина» – «чужбина», «дом» – «изгнание», которые выявляют этнокультуре, индивидуальные, психологические, языковые особенности авторов, подчеркивают принадлежность к культуре страны происхождения и свидетельствует об их конкретной национальности. Эти писатели практически не пишут о стране, принявшей их, стремясь «к поиску собственной отличности и специфичности» [5, с. 300]. В процессах межкультурной коммуникации, при неизбежных контактах с доминирующей и другими культурами США, в творчестве белорусских писателей весьма заметна тенденция к сохранению своей этнической самоидентификации – монокультуры и использованию монолингвизма. Их произведения мало переводятся на английский язык и являются довольно закрытой территорией для восприятия американскими исследователями и широкой читательской аудиторией. Лишь К. Акула (А. Качан), В. Глыбинный (Сядура) и А. Адамович немного писали по-английски, «однако не более того» [6]. Отсутствие духовной потребности стать авторами-билингвами и выразить себя на языке принявшей их страны объясняется стремлением к сохранению родной культуры и ее определенной «консервацией», а также авторскими установ-

ками писать о своей родине для своих соотечественников и белорусской диаспоры. Их творчество демонстрирует глубокую ностальгию, интенсивное присутствие образов родной культуры в реалиях принимающей страны, сохранение своего языка как элемента национальной идентичности, через которую осуществляется репрезентация национального и духовного наследия своего народа.

Особая б и - э т н и ч е с к а я идентичность, также основанная на ностальгической модели мировосприятия, раскрывается в творчестве Джордже Николича (George Nikolich) – известного поэта-эмигранта сербского происхождения – автора девяти сборников поэзии, интервью и эссе. В коммуникативных процессах адаптации, ассимиляции и американизации, которым подвергаются эмигранты, Дж. Николич демонстрирует идентичность, в которой не только не теряется, но и значительно расширяется и укрепляется связь с Сербией. Очевидны высокая степень сохранения аутентичной культуры и своего национального своеобразия, глубокая ностальгия по родной стране, четкая избирательность – разграничение «своего» и «чужого» на пересечении разных культурных координат. По мнению известного слависта Беларуси, академика И. А. Чароты, писательский талант Дж. Николича признан не только в кругу авторов-эмигрантов, но и в системе координат национальной американской литературы: его поэтическое творчество удостоено премии Академии Американских поэтов (1977), включено в антологии американской поэзии, переводится на разные языки мира. Перу автора принадлежит известная книга «Three Slavic Poets» («Три славянских поэта», 1973), включающая произведения известных и влиятельных писателей-эмигрантов И. Бродского, Т. Карповича, а также стихи самого Дж. Николича. Книга «Key to Dreams According to Djordjic», («Ключ к мечтам, по Джордже», 1978) опубликована на английском языке в переводе Чарльза Симича – известного американского писателя сербского происхождения. Дж. Николич является значимой литературной и общественной фигурой в поликультурном, мультиязыковом и многонациональном обществе США. Будучи Президентом Сербской Национальной Библиотеки, основанной его родителями в Чикаго в 1971 г., а также членом ПЕН-центров различных стран, Дж. Николич активно направляет свои усилия на репрезентацию Старого Света в Новом Свете [7, с. 9]. Его литературные искания не только сохраняют унаследованную культуру – национальное духовное богатство Сербии, но и оказывают образовательное, информационное и аксиологическое влияние на культуру Америки, распространяя знания об истории, традициях, обычаях родной страны этого писателя.

Идентичность, основанная на ностальгической модели, наблюдается и в творчестве известных польских писателей-эмигрантов последних десятилетий XX века Т. Карповича, Д. Моствин, Э. Редлинского (влиятельного представителя «деревенской прозы») и З. Мержиньской, произведения которых знаменуют «расцвет польскоязычной литературы в Америке» [8,

р. 1752]. Многие работы данных авторов были переведены на английский язык, а по роману Э. Редлинского «Крысосоляки» («Szczyropolacy/Rat-Poles»), опубликованному в Польше в 1994 г., был поставлен фильм-трагикомедия «Счастливого Нью-Йорка!» («Szczesliwego Nowego Jorku/ Merry Christmas and Happy New York», 1997). Позже Э. Редлинский и З. Мержиньская вернулись на родину.

Известно, что в произведениях писателей-эмигрантов, идентичность которых построена на бинарной оппозиции «свой–чужой», «мировоззрение индивидуального человека или культура определенного народа представлены через литературное воссоздание прошлого, обращение к мифам, фольклору, сказкам или легендам, а также через передачу личного опыта и культурных ценностей семьи, но не через образы мультикультурного общества и адаптацию идентичности в культуру американского мейнстрима» [9, р. 1046]. Действительно, в творчестве вышеупомянутых авторов, воспроизводятся реалии национального уклада жизни, открываются ценности славянской культуры. Героями глубоко автобиографических произведений становятся близкие и родные авторов, а смысловой основой произведений, вокруг которой выстраиваются другие символы, концепты, образы и мифологемы, является образ-архетип Дома – особая трансцендентальная структура. В центре внимания авторов находится восстановление истории народа, значимость культуры своего этноса, важность семьи и рода, сакральность родины, места рождения. А идейно-эстетическим и художественно-образным центром картины мира является образ Родины, который становится философским, мировоззренческим и эстетическим центром, объединяющим все лингвистические и экстралингвистические компоненты литературных произведений.

Другая идентичность – гибкая, меняющаяся, много-составная, сложная – представлена в произведениях ряда современных славянских писателей-эмигрантов США, чье творчество основано на *космополитической* культурной и мировоззренческой модели, характерной для влиятельных писателей-эмигрантов Д. Галич Барр, С. Тешича, И. Пекарковой, И. Шкворецкого, а также для известных авторов-эмигрантов второго поколения в США – С. Дубека, Г. Гилднер, С. Ша, П. Хампл и др. Их литературные опыты отмечены экспериментализмом, интеллектуальной игрой с читателем, многожанровой составляющей, пародийно-ироническим переосмыслением современного глобализованного высокотехнологичного супериндустриального общества, а также вербальной репрезентацией научного знания. Для них типично *многоуровневое присутствие различных культур и интенсивных переключек между ними*, что свидетельствует о воплощении в них *гибридной*, т.е. «транскультурной идентичности, включающей осознание личности, сформировавшейся между двумя культурами и совмещающей в себе принадлежность к нескольким социально-культурным группам» [10, с. 124]. Литературный опыт этих писателей

демонстрирует трансформацию, когда «на смену стабильной, “тяжелой, твердой” идентичности, свойственной модерну, приходит нестабильная, легкая, жидкая идентичность постмодерной культуры» [11, с. 18].

С одной стороны, национальная, глубоко генетически детерминированная культурно-историческая память является имманентным свойством творческих поисков этих авторов, с другой – их подвижная, гибкая, многосоставная идентичность позволяет взаимодействовать с иными культурами и обладает свойством трансцендентальности, выхода за пределы двух пространств – национального и американского. Для названных авторов и их героев характерны высокая степень адаптивности к разным сообществам, стремление к познанию жизни разных народов и интегрированность в мировую цивилизацию. Они активно реагируют на ускоряющиеся изменения современного высокотехнологического общества, часто путешествуют, перемещаются по миру, включаются в процесс межкультурной коммуникации. На основании знакомства с иными культурами авторы обогащают свою идентичность новыми субъективными переживаниями, расширением знаний, активизацией способностей. Так, например, Д. Галич Барр осмысливает культурное, национальное и этническое многообразие Восточной, Южной и Центральной Европы, Азии, Африки, Северной и Южной Америки; С. Тешич создает переключки между сербской (балканской), русской и американской культурами; а И. Пекаркова устанавливает параллели между чешским, русским, американским, франкоговорящим миром и миром пуэрториканцев. Герои С. Дубека, Г. Гилднер, С. Ша, П. Хампл имеют возможность развивать свою идентичность и в Старом, и в Новом Свете, что подтверждает имеющую место тенденцию в современной культуре, когда «иммиграция более не эквивалентна ассимиляции, ее результатом становится жизнь не только в двойном, но и многомерном пространстве» [12, с. 105], что формирует новые аспекты идентичности и субъективности индивидуума.

Рассмотрение культурной и литературной идентичности в творчестве славянских писателей-эмигрантов США в контексте взаимодействия культур на современном этапе акцентирует особую философскую, социокультурную и эстетическую сферу – *интеркультурализм*, который «обозначает тесное взаимодействие между различными нациями и этносами» [2, с. 34]. Важнейшей становится и такая философская и литературоведческая категория, как *транскультурализм*, которая раскрывает степень адаптивности личности, преодоление межэтнических барьеров, способность человека проявлять свой творческий потенциал в разных культурах. И интеркультурализм, и транскультурализм выявляют специфическое воздействие различных этнокультурных, национальных и групповых особенностей (этнодифференцирующих признаков) на формирование личности автора/героя в условиях новой многонациональной и поликультурной среды проживания, объясняют конструирование субъективности личности и появление сложной гибридной/бтранскультурной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Николаев, В. Г.* Идентичность / В. Г. Николаев // *Культурология, XX век: энцикл.* – СПб. : Университетская книга. – 1998. – Т. 1. – С. 238–239.
2. *Разлогов, К. Э.* Метаморфозы идентичности / К. Э. Разлогов // *Вопр. философии.* – 2015 – №7. – С. 28–40.
3. *Демидова, О. Р.* Эмиграция как проблема философии культуры / О. Р. Демидова // *Вестн. Ленинград. гос. ун-та им. Пушкина. Сер. : Философия.* – 2015. – С. 74–81.
4. *Борев, Ю. Б.* Глобализация и культура / Ю.Б. Борев // *Академические тетради [Электронный ресурс].* – Режим доступа : <http://independentacademy.net/science/Tetradi/14/borev.html>. – 2014. – Вып. №. 14. – Дата доступа : 15.05.2017.
5. *Абушенко, В. Л.* Идентичность / В. Л. Абушенко // *Постмодернизм: энцикл.* – Минск : Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – Р. 297– 302.
6. *Сінькова, Л.* Творчасць Янкі Юхнаўца ў асэнсаванні айчынных і замежных беларусістаў / Л. Сінькова // *Гісторыя і тэорыя беларускай літаратуры: публікацыі, 15 марта 2015 г. [Электронный ресурс].* – Режим доступа : lsinkova.by/творчасць-янкi-юхнаўца-ў-асэнсаваннi. – Дата доступа: 9.08.2017.
7. *Чарота, І.* Спасціжэнне таямніц / І. Чарота // *Таямніца часу: выбранае : зб. вершаў / Дж. Нікаліч ; укл., прадм., камент. І. Чароты : пер. з серб. : І. Чарота, Л. Рублеўская, В. Шніп.* – Мінск : Белпрінт, 2013. – С. 3–12.
8. *Majewski, K.* Polish American Literature in Polish / K. Majewski // *The Greenwood Encyclopedia of Multicultural American Literature / ed. E. S. Nelson.* – V. IV. – P. 1749 –1753.
9. *Mehta, P.* Identity /P. Mehta // *The Greenwood Encyclopedia of Multicultural American Literature / ed. E. S. Nelson.* – V. IV. – P. 1043–1047.
10. *Словарь терминов межкультурной коммуникации И. Жукова / редкол.: М. Г. Лебедевко [и др.].* – М. : Изд-во Флинта, 2013. – 632 с.
11. *Емелин, В. А.* Деформация хронотопа в условиях социокультурного ускорения / В. А. Емелин, А. Ш. Тхостов // *Вопр. философии.* – 2015.– № 2. – С. 14 – 25.
12. *Holmgren, B.* Those Unsettling Slavs, or Theres No Place Like Home / B. Holmgren // *Changing Representations of Minorities, East and West.* – Honolulu, Hawaii: Univ. of Hawaii, 1996. – No. 11 : Selected Essays. – P. 98–110.

The article deals with the representation of identity in the creative work of contemporary Slavic émigré writers in the multicultural and multilingual American society. Two different worldview models are presented. The characteristic features of a fixed identity which resists cultural, ethnic and language assimilation are analyzed. The peculiarities of a hybrid/transnational identity based on the interconnections between the Old and the New World are revealed.

Е. А. Реутов
Киев, КНЛУ

ТЕКСТ И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ: СУФИЙСКАЯ ПОЭМА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ ИНДУИЗМА

В статье проанализированы некоторые аспекты взаимного влияния двух основных религиозно-культурных традиций, столетиями сосуществовавших и конкурировавших на субконтиненте Индостан, – мусульманской и индуистской. На материале широко известной в Индии поэмы «Падмавати» средневекового автора Малика Мухаммада Джаяси (1495?–1542?) рассматривается пример того, как традиционная терминология и символика индуизма используются с целью проповеди мусульманских (суфийских) идей и убеждений. В индийском литературоведении имя создателя поэмы включают в число наиболее значительных авторов «золотого века» поэзии хинди. Однако его творчество относительно мало исследовалось как западными, так и советскими индологами. Причиной этого, вероятно, стала сложность и неоднозначность образного ряда поэмы, по поводу которого и сегодня существуют расхождения во взглядах самих индийских ученых. Охарактеризовав основной сюжет произведения, отображающий непростой путь человеческой души к познанию Истины, где каждый из главных персонажей символизирует определенное понятие традиционной индийской философии, автор статьи предлагает собственную интерпретацию аллегорического содержания поэмы.

Специфика региона Южной Азии, то есть субконтинента Индостан, состоит в том, что современное лицо этой цивилизации сформировалось на стыке двух культур и двух основных типов религиозного сознания. Ислам в Индии, столетиями оставаясь религией правящей верхушки, продолжал сосуществовать с многочисленными местными формами верований, философскими направлениями и духовными практиками. Завоеватели, принесшие на субконтинент собственные языки, традиции и мировоззрение, всё больше ассимилировались, а их культура и обычаи всё больше приобретали индийскую окраску. Формируется тот неповторимый синтез и колорит, который сейчас называется могольским, делийским или индо-мусульманским стилем. Этот стиль наблюдается практически во всех жанрах индийского искусства – архитектуре и скульптуре, музыке и танцах, живописи, поэзии, а также в традициях и быту (нормах поведения и этикета, манере одеваться, способах приготовления пищи, обрядах, ритуалах, праздниках и т.д.).

Одним из таких людей, благодаря которым отчасти и сформировался упомянутый синтез, является Малик Мухаммад Джаяси. Его самая известная поэма «Падмавати», рассматриваемая индийскими филологами как выдающееся произведение хрестоматийного характера, была заново открыта для широкой читательской аудитории в первой половине XX века трудами «отца» современной школы индийского научного литературоведения, Рамчандром Шуклой (1884–1941). В поэме предпринята блестящая попытка объединить традиционные местные представления, мифологические образы и понятия классической индийской (индуистской) религиозно-философской мысли с суфийской (суфизм – мистико-аскетическое направление в исламе)

символикой и мировосприятием. Полного перевода данного произведения на русский язык (исключение составляют несколько переведенных в разное время разрозненных коротких отрывков) на сегодня не существует. Между тем «Падмавати» является уникальным памятником, позволяющим взглянуть на исламский мистицизм через призму феномена индо-мусульманского социокультурного синтеза. Можно сказать, что поэма Джаяси по-прежнему открывает широкое поле для ее прочтения и интерпретации как в духе индуистской, так и суфийской доктрины. Хотелось бы привести некоторые собственные соображения, возникшие при знакомстве с поэмой, прокомментировав, по возможности, темные места в ее аллегорическом содержании.

Основной сюжет поэмы, отчасти построенный на действительных исторических событиях и приукрашенный фантазией автора, повествует о жизни, любви и гибели правителя могущественного раджастанского княжества Читтор, раджи Ратансена, и заключается в следующем. Узнав от попугая по имени Хираман об удивительной красоте принцессы Цейлона (Шри-Ланки), Падмавати, раджа Ратансен, охваченный непреодолимой страстью, решает жениться на ней. Он оставляет свою первую жену – убитую горем царицу Нагмати, отправляясь на Цейлон в одежде аскета-йога шиваистского направления *натх-пантх*. Преодолевая на своем пути многочисленные препятствия при помощи индусских богов Шивы и его супруги Парвати, Ратансен в конце концов попадает на Цейлон и добивается того, чтобы отец Падмавати отдал за него свою дочь. После этого, несмотря на уговоры Гандхарвасена, отца Падмавати, Ратансен возвращается в родной Читтор, где живет вместе с обеими царицами. Однако счастье уже отворачивается от него. Случается так, что он изгоняет из своего царства некоего брахмана и черного мага по имени Рагхав Четан, который, добравшись до Дели, рассказывает султану Ала-уд-дину про невиданную красоту Падмавати. Ала-уд-дин, ослепленный страстью, идет на Читтор войной, однако ему удается лишь обманом захватить в плен Ратансена и вывезти его в Дели. Планы завладеть Падмавати не осуществлены. Наоборот, военачальники Ратансена, Гора и Бадала, освобождают своего царя из плена благодаря собственному мужеству, а также изобретательности и мудрости Падмавати. Но после возвращения в Читтор Ратансен узнает, что соседний раджа Девпал пытался через посредницу совратить Падмавати. Ратансен вызывает искусителя на поединок, убивает его, но и сам гибнет от смертельной раны. Обе царицы, Падмавати и Нагмати, восходят на костер, сжигающий тело мужа, совершая индусский обряд самосожжения вдовы – *самти*. Султан Дели Ала-уд-дин, вновь напавший на Читтор, застаёт там лишь пепел этого погребального костра.

Первая попытка толкования аллегорического содержания поэмы была предпринята в начале XX столетия вышеупомянутым Р. Шуклой и на протяжении длительного времени эта трактовка оставалась господствующей среди индийских филологов. *Ачарья* (учитель) Шукла, а вслед за ним и другие индийские исследователи утверждают, что образ раджи Ратансена –

это символ индивидуальной души (*атма*) в религиозно-философской терминологии индуизма, которая стремится соединиться с Вселенской Душой (*параматма*), символом которой является образ Падмавати [1, с. 6]. Такое стремление, хоть и сформулированное в иных терминах, характерно также и для суфийской идеологии, выразителем которой, как признает Р. Шукла, был Джаяси.

Однако для того, чтобы проиллюстрировать известную идею индуизма о слиянии *атмы* с *параматмой*, то есть индивидуальной души с Абсолютом, первой части поэмы, заканчивающейся воссоединением Ратансена и Падмавати на Цейлоне (Шри-Ланке), было бы вполне достаточно. Точно так же и с точки зрения суфийской доктрины, после длительного и тяжелого пути преодоления всех трудностей под руководством наставника – *тира* (в нашем случае это, как выясняется – попугай Хираман) душа адепта (Ратансен) достигает единения с Вечной Возлюбленной (Падмавати), что и должна символизировать женитьба на Шри-Ланке, которая символизирует сердце. Однако Джаяси умышленно расширяет и усложняет сюжет, вводит в него новые персонажи. Единение Ратансена с Падмавати (свадьба на Шри-Ланке) не становится финалом поэмы и символом достижения желанной цели, а лишь одним из этапов на пути развития сюжета. Джаяси изображает дальнейшие отношения героев в супружеской жизни, проблемы, связанные с попытками Ала-уд-дина и Девпала завладеть Падмавати, коварство Рагхава Четана, преданность и мужество Горы и Бадалы и многое другое. Видимо, замысел автора, его аллегорическая система сложнее и глубже, поэтому он сам частично разъясняет ее в конце своего произведения:

*Tan Chitaur, man raja kinha. Hiya Singhal, budhi Padmini chinha.
Guru sua jei panth dekhava. Binu guru jagat ko nirgun pava?
Nagmati ye duniya-dhandha. Bancha soi, na ehi chin bandha.
Raghav dut soi seitanu. Maya Alaudin sultanu.
Prem katha ehi vicharahu. Bujhi lehu jo bujhei parahu.*

*Читтор – тело, разум сделал раджей.
Цейлон – сердце, Падмавати изобразил (как) Высшее Знание.
Попугай – гуру, указывающий путь.
Без гуру кто познает беспредельность света?
Нагмати – заботы этого мира.
Тот, кто достиг освобождения, не связан подобным
беспокойством.
Вестник Рагхав словно шайтан. "Майя" – Ала-уд-дин султан.
Так поразмышляй над любовной историей.
Собравшись с мыслями – пойми [1, р. 89].*

Итак, Ратансен – Душа или Разум (слово *ман*, использованное в комментариях Джаяси, неоднозначно). Отказавшись от телесных наслаждений (Читтор – тело) и мирских забот (царица Нагмати), преодолев при помощи

пира/гуру – наставника (попугай Хираман советует Ратансену, как лучше преодолеть ту или иную преграду на пути к Падмавати) собственные слабости и несовершенства (переполненное приключениями путешествие), он достигает глубины сердца (Шри-Ланка), где обретает Божественную Мудрость, или Истинное, Высшее Знание (Падмавати), про возможность обладания которым он слышал от Учителя. Вернувшись после такого подвижничества к мирским заботам и телесным наслаждениям (возвращение Ратансена в родной Читтор к своей первой супруге Нагмати), подвижник вынужден вступить в борьбу с иллюзией – *майей* (султан Ала-уд-дин), которая намеревается удержать его в оковах, лишив обретенной истинной мудрости (попытки Ала-уд-дина завладеть Падмавати). Пособниками *майи* становятся некие демонические силы (вестник Рагхав Четан – *шайтан*). Овладев на некоторое время Ратансеном (которого Ала-уд-дин забирает в плен), они всё же не в состоянии удержать его, поскольку путь к освобождению ему указывает божественная мудрость (по тексту поэмы Ратансен освобождается из плена благодаря хитростям, изобретенным Падмавати). Поэма, главный герой которой находится на пути постижения и достижения Абсолюта, приближается к развязке, однако почему он гибнет на этом пути? Что символизирует такая бессмысленная смерть, для чего она понадобилась автору произведения, в символике которого, судя по всему, нет места случайности? Символом какой силы становится, в конце концов, этот соседний раджа Девпал, который при внимательном рассмотрении образного ряда поэмы фактически ставит последнюю точку в истории всех поисков, любви и страданий ее основных героев?

Возникает множество вопросов, на которые авторитетные исследователи индийской средневековой литературы не дают ответа. Почему ускользает высшая цель – итог всех стремлений и желаний души адепта, где же Истина, Бог, Абсолют? Что-то мешает окончательному освобождению души, что-то такое, что помимо Ала-уд-дина стремится отнять у Ратансена любимую Падмавати, перечеркнув все его прежние достижения. И это, как мы видим, соседний раджа Девпал, который в мирской жизни, в первом плане поэмы занимает положение, равняющееся положению самого Ратансена. Он такой же самый раджа, и царство его граничит с царством Ратансена. Он словно тень самого Ратансена, а если пойти дальше в наших догадках и размышлениях, он и есть то, что сейчас называется индивидуальное ложное «я», или «эго» (понятие *ахам* в индуистской терминологии¹), сражаясь с которым раджа Ратансен в конце концов и побеждает по тексту поэмы.

Если принять такое допущение, то и гибель Ратансена после одержанной победы, и его смерть в финале поэмы уже не выглядят чем-то случайным, необъяснимым и логически необоснованным. Ведь только после

¹ Соответствием данному понятию в традициях суфизма можно, видимо, считать термин *нафс* как определение души в ее низменной, эгоистической ипостаси.

победы над собственной индивидуальностью, полного отречения от нее и преодоления собственного «эго» (*ахам/нафс*), этого ложного, полного темных страстей «я», становится возможным достижение высшей цели. Лишь теперь, после окончательной победы над самим собой, Ратансен переступает ту последнюю грань, которая отделяет его от Мировой Души. *Атма* соединяется с *параматмой* (при прочтении в духе индуистской доктрины), выскользнув в последний момент из лап *майи*, а сюжет поэмы приобретает законченность и стройность. Подвижник-суфий растворяется в состоянии *фана* (араб. *фана* 'уничтожение, исчезновение', т.е. полное отречение от собственной индивидуальности, умерщвление и растворение ее в Божестве), а вместе с ним сгорают мирские заботы и привязанности (царица Нагмати) и даже Высшее Знание или Высшая Мудрость (Падмавати), исполнившая свою миссию – подвести искателя Истины к последней грани заветной цели. Нагмати и Падмавати пылают с Ратансеном в огне погребального костра, символизирующем переход души в вечность, а *майя-шайтан*, уже в который раз пытаясь лишить царя божественной премудрости (последнее нападение Ала-уд-дина и захват Читтора), застаёт лишь безжизненное тело (всё раджпутское население Читтора совершает *джухар*¹) и пепел этого погребального костра. Подводя итог, остается лишь привести существующую в суфизме теорию трех главных этапов постижения истины, которая, по всей видимости, и отображена в сюжете «Падмавати»². После этого проблема аллегорического толкования основного содержания поэмы и ее принадлежности к суфийской традиции может быть окончательно решенной.

Совершенствование духа (*рух* мусульман или *ман* индуистов, то есть образ Ратансена) в суфийской поэзии часто принято метафорически изображать как полет мотылька к пламени свечи. Это так называемый «путь уверенного постижения». Первый этап на этом пути – этап «уверенного знания» (*ильм аль-йакин*) достигается, когда адепт-мотылек слышит описание пламени (вспоминается описание внешности Падмавати попугаем Хираманом, символом учителя, в первой части поэмы). Услышав такое описание, Ратансен, по тексту поэмы, теряет сознание. На этом этапе происходит

¹ Раджпутский обычай убивать или сжигать в костре своих жен, детей и кончать самоубийством, чтоб не попасть в плен.

² Теологическое обоснование «трехступенчатого пути мистического постижения» основывается на коранических *аятах* 69:51, 102:5.102:7, где появляются эти термины, и встречается уже в сочинениях классиков суфизма, например «Послании о суфийской науке» аль-Кушайри. Кроме того, в примечаниях Ильшата Р. Насырова к переводам избранных глав трактата Абу Хамида аль-Газали «Возрождение наук о вере» автор пишет следующее: «*Айн аль-йакин*» (букв. *око достоверности*) – видение достоверности, результат суфийского проникновения (*кашф*) в сокровенный, невидимый мир, второй уровень познания (первый – *ильм аль-йакин*, достоверное знание; второй – *айн аль-йакин*, видение (око) достоверности; третий – *хакк аль-йакин*, истина достоверности)'. См.: Аль-Кушайри. Ар-Рисала аль-кушайрийа фи 'ильм ат-тасаввуф. Бейрут: Дар аль-джиль, [б. д.]. С. 85.

теоретическое усвоение доктрины Пути (*тариката*). Второй этап «уверенного видения» (*айн аль-йакин*) достигается, когда адепт видит пламя собственными глазами. Этот этап нарабатывается в процессе суфийской практики. В нашем случае к этому этапу можно отнести практически всё основное содержание поэмы, начиная от преодоления препятствий на пути к Высшей Мудрости или Знанию (принцесса Падмавати) и заканчивая борьбой с султаном Ала-уд-дином (символом иллюзии, похищающей истину) и освобождением из плена. Все эти события можно символически воспринимать как элементы суфийской практики, постепенного духовного возмужания героя. На третьем, последнем этапе «совершенной уверенности» (*хакк аль-йакин*) мотылек сгорает в пламени путем аннигиляции собственного «я», достигая состояния *фана* и растворяясь в Вечной Истине (Аллах) [2, с. 81].

Несомненно, что Джаяси пытался примирить и объединить в своем творчестве всё то, что в обычной, мирской жизни часто превращалось во взаимное неприятие и вражду, – духовные достижения обеих общин в религиозно-мистической и философской сферах. Индеец по рождению и мусульманин по вере, поэт испытал влияние обеих традиций и был хорошо знаком с различными течениями и направлениями индийской (индуистской) религиозно-философской мысли. Будучи человеком широких взглядов, он смог проиллюстрировать собственные убеждения, воспользовавшись практически всем набором понятий индуизма. Вложив суфийское содержание в целиком индийскую форму, автор поэмы объединил при написании «Падмавати» обе традиции как в сюжетно-композиционном плане, так и в выборе поэтического строя для своего произведения. Напрашивается вывод, что творчество Малика Мухаммада Джаяси, который, безусловно, является выдающимся представителем суфийского направления в истории индийской литературы, абсолютно не обязательно рассматривать в русле какой-либо одной (мусульманской либо индуистской) культурной традиции. Точно так же, как и собственно суфизм, приобретающий в последние годы все большую популярность в западном мире, привлекателен не узкоконфессиональной ориентированностью, а как противоречивый в своей многогранности феномен мировой культуры, в основе которого – искреннее стремление к Вечному и Абсолютному.

ЛИТЕРАТУРА

1. रामचन्द्र शुक्ल. जायसी ग्रंथावली. – आग्रा: हरीश प्रकाशन मन्दिर, 1996. – 217 पृ. *Shukla, R. Jaaysi granthavali: Padmavat : Text with Notes / R. Shukla. – Agra: Harish prakashan mandir, 1996. – 217 p.*
2. Суворова, А. А. Индийская любовная поэма (маснави) / А. А. Суворова; Ин-т востоковедения РАН. – М.: Наука, 1992. – 229 с.

The article discusses the symbolism of *Padmavat*, the poem of Malik Muhammad Jaaysi, an Indian author of the sixteenth century C.E., which is a good example of the usage of the language of religious and philosophical terminology of Hinduism to disseminate Sufi teachings. After analyzing the main plot of the poem, the author offers his own interpretation of its allegorical content.

Е. А. Романовская, М. С. Змачинская
Минск, МГЛУ

СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА КВАЗИТЕРМИНОВ И КВАЗИРЕАЛИЙ НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЖ.К.РОУЛИНГ «ГАРРИ ПОТТЕР»

Произведения жанра фэнтези вызывают большой интерес с точки зрения лингвистики и переводоведения в силу наличия большого количества авторских новообразований, разновидностью которых являются квазилексемы. Классификация квазитерминов и квазиреалий по степени их мотивированности может определять выбор стратегии перевода. Согласно данной классификации, квазилексемы подразделяются на ксенонимы (квазиреалии первого порядка, не нуждающиеся в трансформации); полионимы, обладающие прозрачной или затемненной внутренней формой и играющие важную роль для создания атмосферы фэнтези (квазиреалии второго и третьего порядков); идионимы–квазиреалии четвертого порядка, отсутствующие в оригинальном тексте и являющиеся непосредственным изобретением переводчика. При переводе единиц безэквивалентной лексики, в том числе квазилексем, переводчику в каждом отдельном случае необходимо принимать решение, каким способом он воспользуется.

Жанр фэнтези – относительно новое и перспективное явление в художественной литературе, предоставляющее широкое пространство для творчества. Произведения отличаются наличием особенно выстроенного сюжета, что, безусловно, требует особого подхода к их переводу. Писатели, работающие в этом жанре, представляют читателю совершенно новый, иной и полностью вымышленный мир, имеющий свои собственные фантастические реалии [4].

Еще одна особенность жанра фэнтези в том, что в книгах не только люди или человекоподобные персонажи обладают душой или просто живут, но и всё, что создано в авторском мире, наделено свойствами, характерными для человека. Это значит, что жизнь и действия героев неотъемлемо связаны с жизнью природы. Предметы фактически живут своей жизнью, и это напрямую или косвенно отражается на жизни героев. В фэнтези леса, деревья и магические существа действительно помогают или же мешают в пути, как, например, фестралы, кентавры или гремучая ива в серии романов о Гарри Поттере [5].

Перевод литературы жанра фэнтези – сложный многогранный процесс, который предполагает наличие у переводчика, во-первых, языковой грамотности и богатого лексического запаса как переводимого, так и переводящего

языков; во-вторых, творческой интуиции и обладания определенным стилем художественного перевода, так как ему необходимо фактически создавать новый текст [1; 3].

Одной из наиболее актуальных проблем перевода художественных текстов является перевод безэквивалентной лексики и реалий, не имеющих эквивалентов среди лексических единиц другого языка. Особый интерес вызывает передача *квазитерминов* и *квазиреалий* как специфических безэквивалентных лексических единиц. *К в а з и т е р м и н ы* представляют собой термины, которые не существуют в реальности, но в рамках произведения обозначают какое-либо явление и объект вымышленного мира, в то время как *к в а з и р е а л и и* – это обычные понятия, которые приобретают иное значение в данном жанре [2]. Для передачи квазитерминов и квазиреалий используются общие приемы перевода безэквивалентной лексики, и единой стратегии не существует, однако их классификация по степени мотивированности может определять выбор способа перевода. В зависимости от того, насколько ясной внутренней формой обладает квазитермин или квазиреалия, можно выделить следующие их типы: ксенонимы, или квазиреалии первого порядка, полионимы, или квазиреалии второго и третьего порядков; квазиреалии четвертого порядка.

Лингвистические изыскания являются главной движущей силой трудов Дж. Роулинг и представляют безграничный материал для лингвистического и переводоведческого исследования. Для более удобного анализа приемов перевода можно разделить квазитермины и квазиреалии романа «Гарри Поттер» на 4 большие группы в зависимости от их значения: *имена героев, реалии мира природы, реалии общественной жизни, бытовые реалии*.

Прозвища некоторых героев можно отнести к квазиреалиям первого порядка, не нуждающимся в трансформации. Соответственно, для передачи имен героев переводчики использовали в основном метод *транскрипции* и *транслитерации*: *Draco Malfoy* – Драко Малфой, *Minerva McGonagall* – Минерва Макгонагалл, *Albus Dumbledore* – Альбус Дамблдор, *Hermione Granger* – Гермиона Грейнджер, *Ron Weasley* – Рон Уизли/Висли, *Harry Potter* – Гарри Поттер, *Sirius Black* – Сириус Блэк, *Argus Filch* – Аргус Филч, *Cormac McLaggen* – Кормак Маклагген, *Angelina Johnson* – Анджелина Джонсон, *Colin Creevey* – Колин Криви, *Vincent Crabbe* – Винсент Крэбб, *Gregory Goyle* – Грегори Гойл, *Pansy Parkinson* – Пэнси Паркинсон, *Terry Boot* – Терри Бут, *Cho Chang* – Чжоу Чанг, *Marietta Edgecombe* – Мариэтта Эджком.

Для достижения художественной выразительности переводчики при передаче прозвищ героев избирают метод *калькирования*. Например, говорящую фамилию профессора *Sprout* (от англ. *Sprout* ‘побег, росток’) Ю. Мачкасов перевел как *профессор Пророст*, М. Спивак – *профессор Спаржелла*, «Росмэн» – *профессор Стебель*. Можно сказать, что, помимо кальки, был использован прием родовидовой замены (*росток* – *стебель*, *росток* – *спаржа*).

Рассмотрим вторую и третью группы квазитерминов и квазиреалий. Приемы перевода квазиреалии мира природы во многом совпадают с приемами передачи прозвищ. Например, *транскрипцией* и *транслитерацией* переданы следующие названия растений и животных: *Aragog* – Арагог (огромный черный паук), *Basilisk* – Василиск (гигантская змея), *Manticore* – мантикора (чудовище), *Aconite* – аконит (растение), *Thestral* – Фестрал, *Acromantula* – Акрмантул (паук), *Hippogriff* – Гиппогриф, *Centaur* – Кентавр

Переводчики также прибегают к методу калькирования или совмещают калькирование и функциональные аналоги/приближенный перевод (наиболее близкие по значению слова переводящего языка, однако они могут быть употреблены, как правило, только в данном контексте):

Glumbumble – Грюмошмель (*glum* ‘угрюмый’, *bumblebee* ‘шмель’), *Fire Crab* – Огненный краб, *Bicorn* – двурог, *Fluffy* – Пушок, *Lionfish* – рыба-лев, *Skele-Gro* – костерост (использован аналог + калька); *Devil’s snare* – сети дьявола (народный перевод, калька), *лапа дьявола* (аналог, М. Спивак), *дьявольские силки* (калька, «Росмэн»).

Бытовые квазиреалии являются наиболее широко представленными в произведении. Сюда можно отнести названия предметов одежды, обуви, денежных знаков, еды: *Bertie Bott’s Every Flavour Beans* – Бобы Берти Ботт всех вкусов (калька, народный перевод), *Драже разных вкусов Берти Боттс* (калька + аналог, «Росмэн»), *Ogden’s Old Firewhisky* – огненное виски Огдена («Росмэн»), *Огден Олд Огневиски* (М. Спивак), *Broomstick Servicing Kit* – набор для техобслуживания метел (М. Спивак), *набор по уходу за метлой* («Росмэн»); *liquorice wand* – лакричная палочка, *Топ-Tongue Toffee* – Ириски-гиперязычки.

Названия зелий, заклинаний, волшебных предметов передаются путем калькирования и создания неологизмов: *Howler* – Вопилка (М. Спивак), *Громовещатель* (неологизм, «Росмэн»), *Hair-raising potion* – Дыбоволосое зелье, *Волосодыбельное зелье* (калька); *Invisibility cloak* – мантия-невидимка (калька); *Time-Turner* – Маховик времени (аналог).

К четвертой группе стоит отнести квазитермины и квазиреалии общественной жизни. Это в первую очередь общественные организации, названия пособий, факультетов, специфических для мира магии понятий: *International Federation of Warlocks* – Международная федерация колдунов (калька), *Improper Use of Magic Office* – отдел неправомочного использования колдовства (калька); «*Beginners’ Guide to Transfiguration*» – Пособие по трансфигурации для начинающих (калька + транскрипция), «*Превращения. Руководство для начинающих*» (калька); *Potions (class)* – зельваренье (неологизм); *Defence against the Dark Arts* – Защита от темных сил (калька), *темные искусства*.

Проанализировав приемы перевода квазилексем в серии романов о Гарри Поттере, используемые М. Спивак, издательством «Росмэн», а также народными переводчиками, мы пришли к следующим выводам.

1. Метод транскрипции и транслитерации применялся переводчиками для передачи квазитерминов и реалий первого порядка, так как они не влияют на создание специфической атмосферы художественного произведения. В эту группу попали, в основном, имена героев, некоторые названия животных и растений.

2. Метод калькирования и приближенный перевод применялся к полионимам, так как их внутренняя форма мотивирована и они участвуют в создании атмосферы волшебства. В группу полионимов попадают большинство «говорящих» фамилий героев и квазитопонимы. В некоторых случаях переводчики прибегали к родо-видовой замене, генерализации, компенсации, ввиду различий структур переводящего и переводимого языков.

3. Авторские неологизмы создавались переводчиками при передаче полионимов, а также квазитерминов и квазиреалий четвертого порядка. К ним можно отнести квазитермины и реалии общественной жизни, некоторые квазитопонимы и бытовые квазитермины и реалии. К изобретению новых слов переводчики часто обращались для достижения определенного воздействия на читателя, которого невозможно было бы достичь, используя другие методы перевода (например, для сохранения аллитерации, рифмы).

Во всех случаях раскрытию семантического содержания квазиреалий помогает контекст.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванов, А. О.* Безэквивалентная лексика / А. О. Иванов. – СПб: Типография Изд-ва Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2006. – 200 с.
2. *Соскина, С. Н.* Квазилексеммы научной фантастики как особый вид художественных окказионализмов / С. Н. Соскина // Структура текста и семантика языковых единиц. – Калининград, 2001. – С. 196–203.
3. *Федоров, А. В.* Основы общей теории перевода: учеб. пособие / А. В. Федоров. – М.: ООО Издат. Дом ФИЛОЛОГИЯ ТРИ, 2002. – 416 с.
4. Фэнтези – определение жанра и его различия // Fantasy Earth Portal [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа : <http://fantasy-earth.ru/view.php?page=public&a=fantasy>. – Дата доступа : 24.04.2017.
5. Harry Potter Series by J. K. Rowling // Library [Electronic resource]. – 2015. – Mode of access : <http://www.readbooksvampire.com>. – Date of access : 10.02.2017 – 19.05.2017.

Works by J. K. Rowling provide a wide range of material for linguistic and translational research. To make the analysis of translation strategies more convenient the quazi-terms and quazi-realias in the novel *Harry Potter* can be subdivided into four groups based on their meaning: characters' names, nature realias, social life elements and everyday things.

A. O. Trigubovich

Minsk, MSLU

LEXEMES DENOTING CULTURE-SPECIFIC ELEMENTS
IN ENGLISH-LANGUAGE FICTION AND WAYS OF RENDERING
BY MEANS OF THE RUSSIAN LANGUAGE

(Based on the Novel *Pushkin and the Queen of Spades* by A. Randall)

В статье освещены вопросы определения, классификации и перевода реалий, функционирующих в англоязычном художественном дискурсе, на материале романа Э. Рэндалл «Пушкин и Пиковая Дама». Установлено, что в научной литературе нет единого определения термина *реалия*. Лексемы, номинирующие реалии, являются неотъемлемой частью любой культуры и, соответственно, художественных произведений, относящихся к определенной культуре. Была предложена тематическая классификация реалий, а также возможные способы их перевода средствами русского языка.

To begin with, it must be stated that there is no clear-cut definition of the vocabulary comprising cultural aspects pertaining to individual countries and their cultural heritage. In non-fiction literature, this vocabulary is normally referred to as background vocabulary, culturally-marked words, country-specific words, culture-specific elements or items, etc. Sometimes, these lexemes are defined as a special means of expression implying the former generally name various objects, items, phenomena, etc., pertaining to the life, culture and peculiarities of social development of a particular country without yet being familiar to the representatives of other cultures.

P. Newmark introduces the notion of a “cultural word” [1, p. 96] which the readership is unlikely to understand, and the translation strategies for this kind of concept depend on the particular text-type, requirements of the readership and importance of the cultural word in the text. M. Baker refers to such cultural words as “culture-specific items” conceding they may express a concept which is totally unknown in the target culture. She points out that the concept in question may be “abstract or concrete, it may relate to a religious belief, a social custom, or even a type of food” [2, p. 21]. C. Nord uses the term “cultureme” to refer to these culture specific items. He defines cultureme as “a cultural phenomenon that is present in culture X but not present (in the same way) in culture Y” [3, p. 34]. Y. Gambier also refers to such concepts as “culture-specific references” and asserts that they connote different aspects of life: “Culture-specific references connoting different aspects of everyday life such as education, politics, history, art, institutions, legal systems, units of measurement, place names, foods and drinks, sports and national pastimes, as experienced in different countries and nations of the world” [4, p. 159].

What must be kept in mind is that such words do not normally have exact rendering equivalents in languages other than the original one and have to be approached individually by fiction translators. Cultural translation is one in which

additions are made which cannot be directly derived from the original wording. Thus, these additions might take the form of ideas culturally foreign to the source language or elements which are simply inserted to provide necessary background information.

Indeed, one of the most difficult problems while translating fiction texts consists in the proper way of rendering differences between cultures. People of a given culture look at things from their own perspective. However, in the case of similar cultures the conditions are not the same: when the cultures are similar, there is less difficulty in translating. This is because both languages will probably have terms that are more or less equivalent for the various aspects of the culture. When the cultures are very different, it is often difficult to find equivalent lexical items.

Thus, a translator who uses a cultural approach is simply recognizing that every language contains elements which are derived from its culture, that every text is anchored in a specific culture, and that conventions of text production and reception vary from culture to culture. Awareness of such issues can at times make it more appropriate to think of translation as a process which occurs between cultures rather than simply between languages. Most “cultural words”, according to P. Newmark, “are easy to detect since they are associated with a particular language and cannot be literally translated. There are cases where literal translation would distort the meaning and thus the translation may include an appropriate descriptive-functional equivalent” [1, p. 95].

The novel under consideration is *Pushkin and the Queen of Spades* written by Alice Randall, a contemporary American novelist [5]. The novel elucidates the life of Windsor Armstrong, an African-American literature professor whose son is about to marry a Russian lap dancer. The interesting fact about the novel is that it contains a number of both American and Russian culture-specific elements with the story set in both the countries. In this article, I would like to pinpoint American cultureemes used by the author and suggest the ways of rendering them by means of the Russian language.

Hence, according to their subject-matter, culture-specific items in the novel can be divided into the following groups.

1. Proper names: *Marvin Gaye*, *John Harvard*, ‘*Wu-Tang Klan*’, *Robert Diggs*, etc.

2. Place names: *Brentwood*, *Broadway*, *Cleveland Park*, *Connecticut Avenue*, *the Cumberland*, etc.

3. Items pertaining to the US cultural heritage: *Batman*, “*Bewitched*”, “*Breathing*”, “*Closet Freak*”, “*Happy Home*”, *Harvard’s Widener Library*, “*Kubla Khan*”, etc.

4. Items pertaining to the social and political development of the US: *Afro-Russianness*, *the CIA*, *Communist Club*, *Episcopal Boys’ School*, *the FBI*, etc.

5. Items relating to Americans’ every-day life: *beanpole*, *blazer*, *blubberbubble*, *boogie*, *broad*, *brownie*, *clique*, etc.

The suggested ways of rendering such vocabulary go as follows.

1. The method of transcription, sometimes combined with that of transliteration, can be used while translating proper names and place names (it must be noted, however, that at times it is recommended to make some additional remarks in footnotes for readers to better understand the essence of the lexical unit in question): *Marvin Gaye* – ‘Марвин Гэй (1939–1984, американский музыкант, стоявший у истоков современного ритм-энд-блюза)’, *John Harvard* – ‘Джон Гарвард (1607–1638, английский миссионер, в честь которого назван Гарвардский университет)’, *Cleveland Park* – ‘Кливленд-Парк (район г. Вашингтона)’, etc.;

2. Word for word translation, or the method of semantic borrowings, can be employed in the following cases: *NFL* – ‘НФЛ (Национальная футбольная лига)’, *World’s Fair* – ‘Всемирная выставка’, “*The Top of the Flame*” – ‘кафе «На вершине пламени»’, etc.

3. The method of providing functional equivalents can be resorted to when translating the following lexemes: *Prohibition* – ‘«Сухой закон» в США в 1920–1933 гг.’, *hillbilly* – ‘деревенщина’, *Ferris wheel* – ‘колесо обозрения’, etc.

4. The method of transformation is often used when translating the titles of books, songs, movies, some organizations, etc. Sometimes, if the translator considers it necessary, additional remarks can be provided: “*Bewitched*” – ‘«Моя жена меня приворожила» (американская комедия положений, транслировавшаяся на канале ABC с 1964 по 1972 гг.)’, “*Closet Freak*” – ‘«Притворно-нормальный» (песня американского рэп-исполнителя Си-Ло)’, “*Make it Clap*” – ‘«Давай же хлопать» (песня американского рэп-исполнителя Басты Раймз)’, etc.;

5. The method of substituting subnotions for generic notions is also popular: “*Cutty Sark*” – ‘виски’, “*Now and Later*” – ‘жевательные конфеты’, “*Jim Beam*” – ‘бурбон’, etc.;

6. Descriptive translation is used if all the methods mentioned above prove abortive: *negritude* – ‘самосознание африканских народов’, *niggerati* – ‘ироничное название группы афроамериканских художников и других деятелей искусства периода «Гарлемского Возрождения» (1920-е гг.)’, *graduation gown* – ‘мантия, предназначенная для церемонии вручения дипломов’, *snagger* – ‘уверенная походка’, etc.

It seems possible to conclude by reiterating that words containing cultural aspects always represent a challenge for a fiction translator. Nonetheless, the conflict of cultures can be coped with provided the translator is a competent specialist aware of the ways culture-specific elements can and should be rendered by means of the target language and capable of making the right choice of the latter depending on the context and target readership.

REFERENCES

1. *Newmark, P. A. Textbook of Translation / P. Newmark.* – N.Y.; London: Prentice-Hall, 1988. – 292 p.
2. *Baker, M. In Other Words: A Coursebook on Translation / M. Baker.* – London N.Y.: Routledge, 1992. – 332 p.
3. *Nord, C. Translating as a Purposeful Activity: Functionalist Approaches Explained / C. Nord.* – Manchester: St. Jerome, 1997. – 154 p.
4. *Gambier, Y. Doubts and Directions in Translation Studies / Y. Gambier.* – The Netherlands: John Benjamins, 2007. – 362 p.
5. *Randall, A. Pushkin and the Queen of Spades / A. Randall.* – N.Y.: Houghton Mifflin Company, 2004. – 282 p.

The article deals with the issue of culture-specific elements functioning in English-language fiction as well as their classification and the ways of rendering by means of the Russian language.

КОНТРАСТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

О. В. Аношина
Минск, МГЛУ

ОРГАНИЗАЦИЯ КОНТРОЛИРУЕМОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В РАМКАХ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «ПРАКТИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА»

В статье изложены принципы организации контролируемой самостоятельной работы по дисциплине «Практическая грамматика» на втором курсе переводческого факультета, предполагающие разделение студентов на две группы согласно результатам теста распределения учащихся по уровню знаний, учет самостоятельной работы в рейтинге, зависимость оценки самостоятельной работы от выполнения ее в заданные сроки и в заданном объеме, вовлечение студента в планирование и контроль необходимого объема самостоятельной работы. Представлены отрабатываемые самостоятельно темы, типы заданий, критерии оценки. Освещены преимущества включенных в самостоятельную работу электронных упражнений, рассмотрены их эффективность, мотивационная значимость и преемственность с итоговыми электронными тестами в рамках дисциплин «Практическая грамматика» и «Функциональная грамматика».

В условиях сокращения сроков обучения и постепенного перехода к всё большему объему самостоятельной работы студентов в учебном плане ее организация представляет собой одну из приоритетных задач преподавателя. Контролируемая самостоятельная работа входит в рейтинг успеваемости, следовательно, должны быть прописаны ее объемы, формы и методы контроля выполнения, а также то, каким образом она будет оцениваться.

Самостоятельная работа по дисциплине «Практическая грамматика» на втором курсе переводческого факультета включает в себя электронные упражнения на повторение времен, артиклей, модальных глаголов и сослагательного наклонения. При этом приоритетную роль играет повторение времен, так как это тема первого курса и на втором курсе на нее отведено лишь 4 аудиторных часа. Артикли, модальные глаголы и сослагательное наклонение изучаются на втором курсе, поэтому самостоятельная работа по этим темам носит вспомогательный характер. К ней студенты прибегают, в основном, в случае пропуска занятий по причине болезни. Аудиторных часов, индивидуального консультирования и домашних заданий, как правило, достаточно, чтобы усвоить эти темы. Тем не менее выработанная при изучении первого блока (повторение видо-временных форм) привычка положительным образом влияет на выполнение этих упражнений даже хорошо успевающими студентами.

Самостоятельная работа по видо-временным формам представляет собой 6-недельный курс, включающий повторение настоящего времени, прошедшего времени, перфектных времен, будущего времени, страдательного

залога и согласования времен [1]. В процессе ее организации приходится решать ряд задач как методического, так и технического, а также психологического плана.

Первая сложность, с которой сталкивается преподаватель при организации самостоятельной работы по дисциплине «Практическая грамматика» на втором курсе, это определение уровня подготовки студентов, наличие пробелов в знаниях по пройденным темам и, как следствие, определение ее необходимого объема. С поставленной задачей помогает справиться тест распределения учащихся по уровню знаний (placement test), проводимый на первом или втором (после краткого повторения) занятии. Согласно результатам тестирования студенты делятся на 2 группы: те, у кого отметка за тест составила 7 и выше, и те, у кого отметка ниже 7. Объем самостоятельной работы первой группы, показавшей высокий результат, ограничен выполнением электронных упражнений, разработанных преподавателями кафедры, которые обязательны для всех, полностью соответствуют программе по дисциплине, включают в себя задания как открытого, так и закрытого типа (согласно классификации А. Н. Майорова, М. Б. Челышковой и др.), итоговый тест [2, с. 83–88]. Задания открытого типа предполагают множественный выбор (от трех до десяти альтернатив), при этом в первых упражнениях по теме в левой части экрана размещено правило, что облегчает повторение и повышает эффективность усвоения материала. В упражнения также встроены пояснения и подсказки, помогающие понять, почему ответ неверен, и прийти к правильному варианту. Существуют задания-дополнения, когда студенту необходимо дописать в предложении необходимую видо-временную форму. Задания открытого типа наиболее полно представлены для самостоятельной работы по теме «Артикль».

К преимуществам заданий закрытого типа относится их высокая надежность в связи с исключением фактора субъективизма, исключение опечаток и низкой вероятностью угадывания ответов [2, с. 98–99]. Стоит отметить, что к помощи преподавателя студенты прибегали именно при выполнении заданий открытого типа, когда ошибки в правописании не позволяли системе засчитать ответ за правильный.

Студентам второй группы требуется большее количество тренировочных упражнений. Их самостоятельная работа предполагает 2 этапа: работа с пособиями из списка дополнительной литературы по дисциплине и выполнение электронных упражнений. Составленные для каждой недели папки включают в себя упражнения с ключами к ним, выполняя которые, студенты сами принимают решение о необходимом объеме данного вида упражнений. После выполнения необходимого на их взгляд объема заданий из дополнительных пособий студенты второй подгруппы переходят к электронным упражнениям.

Контроль за выполнением обязательной самостоятельной работы осуществляется с использованием современных технологий. У студентов есть возможность показать принт-скрины выполненных упражнений после

занятия или прислать их на почту преподавателя, через соцсети. При этом они обязаны укладываться в заданные сроки, так как оценка самостоятельной работы осуществляется по 2 критериям: сроки и объем. В случае предоставления принт-скрина выполненных электронных упражнений и фото выполненных и проверенных по ключам упражнений (только для второй группы студентов) до конца каждой из шести недель, а также выполнения всех электронных и минимально трех упражнений из дополнительных пособий (для студентов второй группы) выставляется наивысшая оценка. Если студент не уложился в сроки или сделал работу не в полном объеме, оценка снижается.

Контроль за выполнением самостоятельной работы включает в себя и индивидуальное консультирование студентов во внеаудиторное время, как после занятий, так и в режиме он-лайн, с использованием соцсетей и электронной почты.

Контролируемая самостоятельная работа помогает студентам повысить эффективность усвоения материала, развивает навык самостоятельной работы, самоконтроль, учит планировать и распределять свое время, повышает мотивацию, помогает осуществить переход от контролируемой преподавателем к контролируемой самим студентом самостоятельной работе.

Немаловажен также и объективный характер оценки, полученной студентом в ходе выполнения упражнений для самостоятельной работы. При традиционном выставлении оценки, особенно в случае неудовлетворительной, всегда остается вероятность ее восприятия студентом как субъективного мнения преподавателя о нем [3, с. 26].

Организованная подобным образом самостоятельная работа позволяет учитывать психологические особенности студентов. О результатах проделанной работы знает только преподаватель и сам студент, при этом обучающийся выполняет задания честно, так как критерий правильности ответов не учитывается при оценивании. Он самостоятельно выбирает время выполнения упражнений, так как нет никакого ограничения доступа кроме наличия подключения к Интернету. Студенты положительно отзываються об организованной подобным образом самостоятельной работе. Успешное выполнение электронных упражнений для самостоятельной работы в дальнейшем позволяет переходить к итоговому тестированию по темам в рамках дисциплины «Практическая грамматика», а также «Функциональная грамматика».

В организации контролируемой самостоятельной работы по дисциплине «Практическая грамматика» реализованы следующие ключевые моменты: предварительное тестирование, разделение по уровням согласно результатам предварительного тестирования, контроль сроков и объема выполненной самостоятельной работы, учет самостоятельной работы в рейтинге, наличие обратной связи, сопровождение студентов на всех этапах работы, постепенный переход от определяемой и контролируемой преподавателем к контролируемой самим студентом самостоятельной работе по

разработанным в соответствии с программой преподавателями кафедры теории и практики английского языка электронным упражнениям, итоговое тестирование.

Контролируемая самостоятельная работа показывает высокую эффективность, повышает мотивацию студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Переводческий факультет. Трухан Анна Николаевна. Времена в активном и пассивном залоге [Electronic resource]. – Mode of access : <http://elearning.mslu.by/assigments/51>. – Date of access : 14.09.2017.
2. Майоров, А. Н. Теория и практика создания тестов для системы образования / А. Н. Майоров. – М. : Интеллект-центр, 2002. – 296 с.
3. Чельшкова, М. Б. Теория и практика конструирования педагогических тестов: учеб. пособие / М. Б. Чельшкова. – М.: Логос, 2002. – 432 с.

The article deals with the principles of the controlled self-study work in the course in Practical Grammar, reveals the types of exercises for students of higher and lower levels, covers the evaluation criteria and motivation benefits of self-study work.

Е. А. Бедоник
Минск, МГЛУ

РАЗВИТИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «ПРАКТИКУМ ПО МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ» НА 4 КУРСЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

В статье рассматривается использование различных видов перевода на занятиях по практикуму по межкультурной коммуникации на четвертом курсе переводческого факультета. Анализируются основные трудности перевода, которые студенты учатся преодолевать при выполнении различных типов устных и письменных заданий.

Настоящее время считается эпохой интеграции и глобализации ввиду стремительного роста политических, экономических и культурных обменов между странами. Но они возможны только в условиях хорошо организованного переводческого процесса, основное предназначение которого состоит в преодолении языковых и культурных барьеров. Именно поэтому к специалисту-переводчику всегда предъявлялись высокие требования по обеспечению эффективного диалога в любых ситуациях профессионального взаимодействия. Соответственно, наша задача как преподавателей заключается в подготовке высококвалифицированных специалистов, способных к качественному решению проблем в переводческой сфере.

Основной профессиональной компетенцией студентов переводческого факультета МГЛУ является, безусловно, переводческая, формирование кото-

рой происходит на занятиях по переводческим дисциплинам. Но и занятия по другим дисциплинам, таким как «Практика устной и письменной речи», «Практика иноязычного общения», «Практикум по межкультурной коммуникации» (ПМК), играют важнейшую роль в формировании и развитии данной компетенции.

Существует достаточно большое количество определений понятия переводческой компетенции. В работах многих исследователей в целом она рассматривается как единство трех ее составляющих: языковой компетенции – «суммы знаний о языке и владение всеми его подсистемами», речевой компетенции – «практического владения языком и умения выражать свои мысли» и лингвострановедческой – «знаний культурных особенностей другой страны, установленных в ней традиций и норм речевого поведения» [1, с. 320].

Переводческая компетенция отличается от коммуникативной компетенции обычного билингва тем, что в ее основе лежит знание не только двух языков, но и культур. Деятельность переводчика предполагает способность создавать и понимать тексты на двух языках и умение переходить от одного языка к другому, а также требует знания общечеловеческих ценностей и различий культур говорящего и слушающего в коммуникации. Именно поэтому изучение дисциплины «Практикум по межкультурной коммуникации» является неотъемлемой частью образовательного процесса на переводческом факультете МГЛУ. Все темы курса ПМК носят общекультурный и страноведческий характер, на занятиях рассматриваются многие явления культурной и социальной жизни страны изучаемого языка.

Рассмотрим способы развития переводческой компетенции в рамках данной дисциплины и основные трудности, которые студенты учатся преодолевать благодаря полученным знаниям. Существуют различные классификации видов перевода. В. В. Алимов их классифицирует по следующим признакам: по *функциональной направленности*, по *оформлению* и *восприятию* и по *предоставляемому времени* [2, с. 30].

По функциональной направленности перевод может быть трех видов: художественный, общий и специальный. На занятиях по ПМК активно используются последние два вида перевода. Общий перевод – это перевод общественно-политических текстов, рассчитанных на массового читателя, текстов СМИ, текстов выступлений и заявлений. Именно такие материалы предлагаются студентам для перевода при изучении тем «Языковое многообразие в современном мире», «Права человека», «Образование в США и Республике Беларусь». Но кроме этого студенты работают и со специальным переводом, так как среди изучаемых тем, например, есть темы «Право и судебная система США и Республики Беларусь», «Экономика США и Республики Беларусь», где они сталкиваются с юридическим и экономическим переводом.

С точки зрения оформления и восприятия перевода выделяют зрительно-письменный, зрительно-устный, устный перевод на слух, письменный перевод на слух, которые активно применяются на занятиях по практикуму по межкультурной коммуникации.

Зрительно-письменный перевод – это письменный перевод письменного текста. Как правило, студенты переводят тексты и статьи по изучаемой теме, привлекая для этой работы изученные материалы, справочники и словари, поэтому данный вид перевода широко используется в качестве самостоятельной работы. Кроме этого, данный способ перевода является частью промежуточного и итогового тестирования, так как позволяет определить степень усвоения студентами изученного лексического материала.

Зрительно-устный перевод, или устный перевод письменного текста, используется в основном во время занятий с целью закрепить и автоматизировать употребление изученной лексики, а также проверить ее усвоение. Как правило, для достижения вышеупомянутых целей студентам предлагается перевод предложений либо небольших текстов.

На занятиях по ПМК широко используются аудио- и видеоматериалы – записи радиопередач, новостные ленты, материалы конференций (TED talks) по изучаемым темам. Это дает студентам возможность попробовать себя в двух других видах переводческой деятельности – в письменном и устном переводе на слух. Студентам предлагается осуществить последовательный перевод, как правило, с английского языка на русский прослушиваемого материала.

По предоставляемому времени перевод разделяют на два типа: с подготовкой и без подготовки (синхронный перевод). Как правило, на занятиях по ПМК практикуется перевод с подготовкой, так как студентам не сразу удастся применить все необходимые для качественного перевода трансформации и вместе с тем употребить новый, только что изученный лексический материал. Иногда на этапе контроля преподаватели прибегают и к другому виду перевода – к зрительно-устному синхронному переводу, когда студент получает предложение либо небольшой текст, который он должен перевести без подготовки.

Говоря о проблемах перевода, стоит отметить, что студенты четвертого курса переводческого факультета, достаточно хорошо владеют грамматикой английского языка и успешно производят все необходимые морфологические и синтаксические трансформации, необходимые для качественного перевода. Поэтому в основном в рамках дисциплины ПМК главное внимание уделяется лексико-семантическим трудностям перевода, связанным с его лингвокультурной спецификой.

При изучении тем в рамках дисциплины «Практикум по межкультурной коммуникации» студенты сталкиваются со многими реалиями американской культуры и, следовательно, с трудностями их перевода на русский язык, а также с юридической и экономической терминологией.

Среди изучаемой лексики, которая в большинстве своем представлена реалиями и терминами, есть языковые единицы, имеющие единичные или множественные соответствия в языке перевода. С переводом таких лексических единиц трудностей не возникает – достаточно грамотно подобрать эквивалент на русском языке: *a public school* – государственная школа, *Bachelor's degree* – диплом бакалавра, *a lawsuit* – судебный процесс, *a subpoena* – повестка в суд, *supply and demand* – спрос и предложение.

Но существуют и такие лексические единицы, для которых нет прямых соответствий. Единицы иностранного языка, которые не имеют регулярных соответствий в языке перевода, называются безэквивалентными. Безэквивалентная лексика обнаруживается, главным образом, среди неологизмов, слов, называющих специфические понятия и национальные реалии, и среди малоизвестных имен и названий [1, с. 122].

Есть несколько способов перевода безэквивалентной лексики.

1. Соответствия-заимствования, которые создаются с помощью переводческого транскрибирования или транслитерации. Данный способ перевода применяется при передаче как иноязычных имен собственных и географических наименований, так и для передачи определенных реалий и терминов: *lingua franca* – лингва франка, *college campus* – кампус, *segregation* – сегрегация, *anti-trust laws* – антитрестовское законодательство, *fiscal policy* – фискальная политика.

2. Соответствия-кальки, воспроизводящие морфемный состав слова или составные части устойчивого словосочетания в исходном языке: *two-year college* – двухгодичный колледж, *grand jury* – большое жюри, *market economy* – рыночная экономика, *the Miranda warning* – «предупреждение Миранды».

Как транскрипция и транслитерация, так и калькирование не всегда раскрывает для читателя, незнакомого с исходным языком, значение переводимого слова или словосочетания. Так, неподготовленному читателю словосочетания *большое жюри* или *антитрестовское законодательство* вряд ли скажут что-нибудь без развернутых пояснений. Поэтому использование транскрипции или кальки для перевода безэквивалентного слова нередко сопровождается описанием значения этого слова в специальном примечании или сноске. Это дает возможность сочетать краткость и экономность средств выражения, свойственные транскрибированию и калькированию, с обеспечением полного понимания соответствия рецептором перевода. Разъяснив однажды значение переводимой единицы, переводчик может в дальнейшем использовать транскрипцию или кальку уже без объяснений.

3. Соответствия-аналоги, создаваемые путем подыскивания ближайшей по значению единицы в языке перевода для безэквивалентной единицы исходного языка: *nursery school* – детский сад, *college* – колледж, *major and minor* – основная и дополнительная специальность, *суд первой инстанции* – *trial court*.

В этих случаях близость значений эквивалентных единиц в оригинале и переводе далеко не полная, и подобный перевод применим лишь в определенном контексте. Когда переводчик сталкивается, например, с типами дошкольных учреждений в США, важно помнить, что в английском языке есть два эквивалента русскому *детскому саду* – *nursery school* и *day care center*. Только *nursery schools* работают полдня от двух до пяти раз в неделю, в то время как в *day care center* ребенка можно оставить на полный рабочий день. Поэтому второй вариант будет более близким эквивалентом *детскому саду* в нашей культуре. *Суд первой инстанции* и *trial court* являются эквивалентами только в том случае, когда речь идет о системе судов штата. В федеральной системе судов *суд первой инстанции* называется *district court*.

4. Описание (разъяснение), раскрывающее значение безэквивалентного слова при помощи развернутого словосочетания: *a transcript* – *выписка об академической успеваемости*, *an undergraduate* – *студент, получающий высшее образование первой ступени*, *sabbatical* – *отпуск, предоставляемый преподавателям американских вузов для научной работы*, *affirmative action* – *политическая программа, направленная на ликвидацию расовой и иной дискриминации* [3].

Таким образом, благодаря указанным способам значения безэквивалентных слов в конкретных контекстах передаются столь же успешно, как и значения слов, имеющих постоянные или варианты соответствия. Но для эффективного применения этих способов студентам необходимо иметь достаточно глубокие знания и понимание изучаемых тем, именно этим и обусловлена неоспоримая важность и необходимость изучения дисциплины «Практикум по межкультурной коммуникации» для развития межкультурной коммуникативной и переводческой компетенций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров. – 2-е изд., испр. – М.: Р. Валент, 2011. – 408 с.
2. Алимов, В. В. Теория перевода. Перевод в сфере профессиональной коммуникации: учеб. пособие / В. В. Алимов. – 3-е изд., стер. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 160 с.
3. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для студентов филол. и лингв. ф-тов. высш. учеб. заведений / И. С. Алексеева. – 4-е изд., стер. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; М.: Издат. центр «Академия», 2010. – 368 с.

The present paper is devoted to the ways students improve their translating competence during classes in practice of intercultural communication. Special emphasis is made on the difficulties they encounter and learn to overcome.

А. А. Гойло
Минск, МГЛУ

ПРИМЕНЕНИЕ КОРПУСОВ ТЕКСТОВ ДЛЯ СОПОСТАВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЗНОВИДНОСТЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье сравниваются два корпуса текстов, отражающие национальные разновидности английского языка, – Global Web-Based Corpus of English (GloWbE) и International Corpus of English (ICE). Рассматриваются преимущества и недостатки изучаемых корпусов. Так, GloWbE имеет гораздо больший объем материала (1,9 млрд слов), а ICE, в свою очередь, имеет более широкий охват источников языкового материала. Кроме того, в работе предлагается классификация корпусов текстов и отмечаются сферы практического применения данного источника материала за пределами сферы научных исследований (например, в обучении иностранным языкам).

Поиск материала – важный этап любого научного исследования. И если раньше лингвистам приходилось вручную отбирать материал из множества разрозненных источников (книг, журналов, статей или видео), на что могло уходить значительное количество времени, то теперь материал можно найти гораздо быстрее при помощи корпусов текстов.

Корпуса текстов представляют собой совокупность специально отобранных языковых данных, хранящихся в электронном виде. Эти данные, как правило, особым образом размечены (аннотированы). Базовым способом аннотации является разметка слов по частям речи (POS-tagging). Благодаря разметке появляется возможность гибкого поиска определенных фактов языка в корпусах.

Корпуса текстов можно классифицировать по нескольким признакам (в качестве примеров в основном представлены корпуса английского языка):

- по количеству языков: одноязычные (British National Corpus) и многоязычные (Europarl);
- по направленности: общие (Brown Corpus) и специальные (например, они могут давать информацию о просодических явлениях, отражать только устную речь или определенный речевой жанр);
- по временной соотнесенности: синхронические (Corpus of Contemporary American English) и диахронические (например, Corpus of Historical American English охватывает период с 1810 по 2009 год).

В связи с процессом глобализации и распространением английского языка по всему миру появляется интерес к изучению национальных разновидностей английского языка, которые развились в странах, где английский или является одним из официальных языков, или получил широкое распространение среди населения. Национальные разновидности имеют ряд отличительных черт, которые можно исследовать с помощью специальных корпусов текстов. В данной работе мы рассмотрим два наиболее известных и объемных корпуса вариантов английского языка: International Corpus of English (ICE) и Global Web-Based English (GloWbE).

ICE на данный момент включает в себя 13 подкорпусов разновидностей английского языка. Каждый подкорпус содержит 500 текстов устной и письменной английской речи размером примерно в 2000 слов, т.е. каждый сегмент, отражающий национальную разновидность английского языка, включает в себя примерно 1 миллион слов. При этом бóльшая часть текстов представляет собой записи устной монологической и диалогической речи. Например, из 300 текстов устной речи в каждом подкорпусе 180 диалогов и 120 монологов, которые могут включать в себя записи телефонных звонков, парламентских выступлений, школьных уроков, подготовленной и неподготовленной речи [1].

Каждый подкорпус создавался отдельной командой исследователей из соответствующей страны. Несмотря на это, все сегменты корпуса полностью совместимы друг с другом и имеют общую структуру, а также схему аннотации [2].

ICE не имеет веб-интерфейса, и все материалы корпуса доступны для скачивания непосредственно на жесткий диск. Для многих подкорпусов доступны для скачивания также аудиофайлы с записями устной речи, расшифровки которых используются в качестве текстов в соответствующем подкорпусе.

GloWbE включает в себя 1,9 миллиарда слов и 20 разновидностей английского языка. При этом разновидности представлены неравномерно: больше всего слов насчитывают сегменты, в которых отражена американская и британская разновидности (около 380 миллионов), а, например, в сингапурском, малайзийском и нигерийском подкорпусах около 40 миллионов. Текстовые данные для корпуса были отобраны из 1,8 миллиона уникальных веб-страниц из 20 англоговорящих стран. При этом создатели корпуса убрали повторяющиеся элементы веб-страниц (юридическая информация и др.). Сайты были отобраны с помощью поисковых запросов в Google с применением поиска по региону. Принадлежность сайта к определенной стране определялась в первую очередь по доменному имени. В случае, если доменное имя не принадлежит определенной стране (например, *.net*), принадлежность сайта устанавливалась при помощи IP-адреса, информации о геолокации на странице и ссылок на страницу. Таким образом, можно утверждать, что выдача результатов по поисковым запросам в данном корпусе с очень высокой долей вероятности действительно относится к определенной стране [3].

Тексты в корпусе разделены на две категории: общие и блоги. Корпус включает в себя различные типы текстов, представленных в Интернете: текстовое наполнение веб-страниц разнообразной тематики, статьи, пользовательские блоги, комментарии пользователей на различных ресурсах (например, форумах). Размер корпуса позволяет успешно искать примеры употребления редких конструкций или примеры, отражающие сочетаемость малоупотребительных слов, что может быть затруднительным, если использовать корпуса меньшего размера.

Корпус имеет веб-интерфейс, позволяющий выполнять различные поисковые запросы, например, поиск по частям речи, поиск сочетаемости, поиск слов с заданным контекстом. Веб-форма также позволяет задать определенные параметры вывода информации, например, есть возможность группировать выдачу, показывать частотность и т.п. Данные особенности корпуса делают возможным выявление различных лексических, морфологических и синтаксических особенностей 20 разновидностей английского языка. Поиск по ближайшему контексту позволяет сравнивать семантику слов в различных разновидностях английского.

Таблица

Результаты сравнения двух корпусов

Корпус	ICE	GloWbE
Размер	13 миллионов слов	1,9 миллиарда слов
Разновидности английского языка	13	20
Источник материала	Различные (например, научные статьи, записи телефонных разговоров, телерепортажи)	Веб-страницы
Типы текстов	Устная и письменная речь различных видов	Разнообразные тексты, представленные в Интернете
Веб-интерфейс	Нет	Есть
Скачивание материалов корпуса	Доступно	Доступно

Как можно заметить, оба корпуса охватывают значительное количество национальных разновидностей английского языка, однако GloWbE намного больше, чем ICE, по размеру. Большой размер корпуса является очевидным преимуществом, так как дает возможность поиска наименее употребительных языковых единиц. Однако ICE представляет большее разнообразие в источниках языковых данных и намного более широкий охват различных речевых жанров, в то время как GloWbE в качестве источника использует только данные с интернет-страниц.

Сфера применения корпусов текстов выходит за рамки академических исследований. В частности, корпуса текстов можно активно использовать в сфере образования – в преподавании иностранных языков или при составлении учебных пособий (например, с помощью параллельных кор-

пусов текстов отбирать «рабочие» варианты перевода определенных речевых оборотов, встречающихся в текстах общественно-политической или других направленностей).

Таким образом, очевидны перспективы использования корпусов текстов в области контрастивных исследований языков и их разновидностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. International Corpus of English (ICE) [Electronic resource]. – Mode of access : <http://ice-corpora.net/ice>. – Date of access : 01.10.2017.
2. UCL Survey of English Usage [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.ucl.ac.uk/english-usage/projects/ice.htm>. – Date of access : 01.10.2017.
3. Corpus of Web-Based Global English [Electronic resource]. – Mode of access : <https://corpus.byu.edu/glowbe>. – Date of access : 01.10.2017.

The author provides grounds for using text corpora in comparative study of the varieties of English. Two of the existing corpora of the English language varieties are then compared. Commentary on the strengths and weaknesses of both corpora and examples of application of corpora outside the academic field are also provided.

Р. В. Детскина

Минск, МГЛУ

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ КОМПОНЕНТАМИ НЕМЕЦКИХ СЛОЖНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

В статье рассматриваются некоторые способы передачи семантико-синтаксических отношений между отдельными компонентами немецких сложных прилагательных с точки зрения первого компонента.

В ходе исследования мы выполнили перевод на русский язык 1000 немецких сложных прилагательных. В качестве материала для исследования использовались сложные прилагательные, взятые из произведений Е. М. Remarque «Drei Kameraden», Torey L. Hayden «Meine Zeit mit Sheila», Werner Корака «Der Schneepalast».

Особые трудности вызывает перевод немецких сложных определительных прилагательных. Эта группа прилагательных обладает наибольшим разнообразием семантико-синтаксических отношений между ее компонентами и менее изучена. Новое прилагательное образуется не как результат прибавления одной основы к другой, а как результат некоторого структурного преобразования одной формы наименования в другую, более компактную. В этом и проявляется синтаксичность рассматриваемого словообразовательного процесса. Синтаксичность словообразовательных процессов вообще является универсальным свойством, определяющим характер и типологию

словообразовательных процессов, а тем самым и структуру производных слов, и в разных языках может проявляться различно. Для русского языка характерно преобладание префиксальных прилагательных: *поэтанпый*. Немецкий язык сложными прилагательными заменяет соответствующие падежно-предложные конструкции: *systemfremd*.

В проанализированном массиве немецкоязычные сложные прилагательные с точки зрения первого компонента делятся на субстантивные, адъективные, причастные, глагольные, адвербиальные, местоименные, числительные и препозициональные. Полученные данные представлены в таблице.

Таблица

Типы немецкоязычных сложных прилагательных
с точки зрения первого компонента

Группа сложных прилагательных	Примеры	Абсолютная частота употребления	Относительная частота употребления
Субстантивные	<i>arbeitslos</i>	526	0,51
Адъективные	<i>altmodisch</i>	338	0,32
Причастные	<i>gewissermaßen</i>	14	0,02
Глагольные	<i>lernbegierig</i>	6	0,01
Адвербиальные	<i>dazugehörig</i>	40	0,05
Местоименные	<i>allerhand</i>	36	0,04
Препозициональные	<i>entgegenkommend</i>	24	0,03
Числительные	<i>zweistimmig</i>	16	0,02
Итого:		1000	

Наглядно полученные результаты можно представить в виде диаграммы (рисунок).

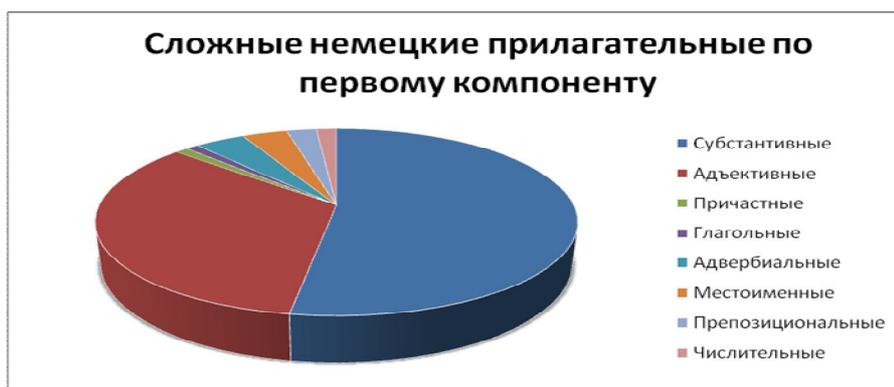

Рис. Диаграмма распределения проанализированных немецкоязычных сложных прилагательных с точки зрения первого компонента.

Первая группа наиболее многочисленна, например: *stofflos*. Причем в этой группе чаще, чем в других, встречаются и трехкомпонентные образования, например: *bernsteinfarben*.

Проблема передачи на русский язык семантико-синтаксических отношений между компонентами немецких сложных прилагательных требует разнообразного и многостороннего подхода. Подводя итоги проделанной работы, хотелось бы отметить, что большому числу сложных прилагательных немецкого языка соответствуют сложные прилагательные русского языка.

В связи с тем, что в русском языке простые прилагательные представлены гораздо шире, чем в немецком, многие сложные прилагательные немецкого языка переводятся на русский язык односложными эквивалентами.

The article considers some aspects of conveying semantic-syntactic relations.

А. Д. Иванова

Минск, МГЛУ

АВТОМАТИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЯЗЫКОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ РЕКЛАМНЫХ САЙТАХ

В статье рассматриваются вопросы идентификации автоматического определения языкового воздействия на немецкоязычных рекламных сайтах.

Средства массовой информации прочно вошли в нашу жизнь и являются на сегодняшний момент ее неотъемлемой частью. Информационные технологии и Интернет постепенно проникают во все новые и новые сферы социального пространства: общение, обучение, развлечения, работу, творчество и др. Всемирная сеть предоставляет безграничное количество возможностей: мгновенный доступ к информации, получение образовательных услуг, осуществление профессиональных функций, виртуальное общение – лишь краткий перечень возможностей Сети. Вместе с развитием и всемирным распространением Интернет-технологий появляется все больше возможностей оказывать влияние на различные группы населения, воздействовать на общественное мнение, подсознание. Практически на каждом сайте можно найти пестрящую баннерную рекламу, всплывающие сообщения, гиперссылки с заманчивыми слоганами. Пользователи часто не учитывают компетентность источника, тем самым они рискуют получить некачественную, стереотипную информацию, сгруппированную по принципу популярности. Тексты, размещенные в интернет-пространстве, часто изобилуют языковым инструментарием манипулирования, воздействуя при этом на эмоциональную сферу, искажая образ действительности.

Для анализа было использовано 40 рекламных сообщений, используемых на популярных немецких интернет-ресурсах. В приведенной ниже таблице содержатся данные анализа употребления лексических средств, используемых с целью рекламного воздействия на немецкоязычных рекламных сайтах.

Лексические средства, реализующие рекламное воздействие
на франкоязычных сайтах

Лексические средства	Примеры	Абсолютная частота употребления	Относительная частота употребления
Совокупности слов, содержащие оценочный смысл	<i>beliebt, elegant</i>	75	0,27
Слова, направленные на создание плюс-фактора	<i>premium, exklusiv</i>	23	0,084
Слова, подразумевающие то новое, что интересует читателя в товаре	<i>kostenlos, günstiger</i>	24	0,087
Лексика книжно-письменной речи и техницизмы	<i>Stretch, Display</i>	10	0,035
Неологизмы	<i>WOW, Sofort-Kaufen</i>	15	0,054
Иностранские слова	<i>Style-Upgrade, Look</i>	128	0,47
Всего:		275	

Для автоматического определения манипулятивного воздействия рекламных сообщений на информационном пространстве сайта был создан алгоритм, в основе которого находятся диагностирующие списки (А, В, С), где А1, А2, А3 являются машинными оборотами, которые требуют их выделения из текста. В списке В1 находятся одиночные слова с общим семантическим признаком, имеющие наибольшую манипулятивную нагрузку. Списки С1, С2, С3, С4, С5, С6, С7 содержат слова, которые усиливают воздействие адресата. Для определения этих слов был проанализирован правый и левый контекст слов из списков А, В.

На основе разработанных диагностирующих признаков создан алгоритм, позволяющий автоматически определять манипулятивное воздействие на немецкоязычных рекламных сайтах (рисунок).

Рассмотрим анализ рекламного текста по данному алгоритму на примерах. Для начала рекламный текст делится на отдельные предложения, после чего каждое из них поочередно подвергается анализу. Алгоритм использует две рабочие области Р1 и Р2, которые каждый раз очищаются пробелами перед копированием очередного предложения, например: *Egal, ob zuhause oder unterwegs – mit Magenta SmartHome von der Telekom haben Sie alles unter Kontrolle*. В области Р2 происходит удаление всех знаков препинания: *Egal ob zuhause oder unterwegs mit Magenta SmartHome von der Telekom haben Sie alles unter Kontrolle*. Затем происходит проверка на наличие машинных оборотов из списков А1–А3. В данном предложении присутствует машинный оборот из списка А3: *Unter Kontrolle haben*, поэтому в соответствии с алгоритмом происходит печать предложения с автоматически добавленной шаблонной фразой «Установлен факт манипулятивного воздействия».

Если факт манипулятивного воздействия в проанализированном предложении не был установлен, компьютер переходит к анализу следующего предложения. Если все предложения текста были взяты, компьютер переходит к анализу следующего текста.

Стоит отметить, что из всех рассмотренных приемов используются не все, их употребление зависит от типа продукции и аудитории.

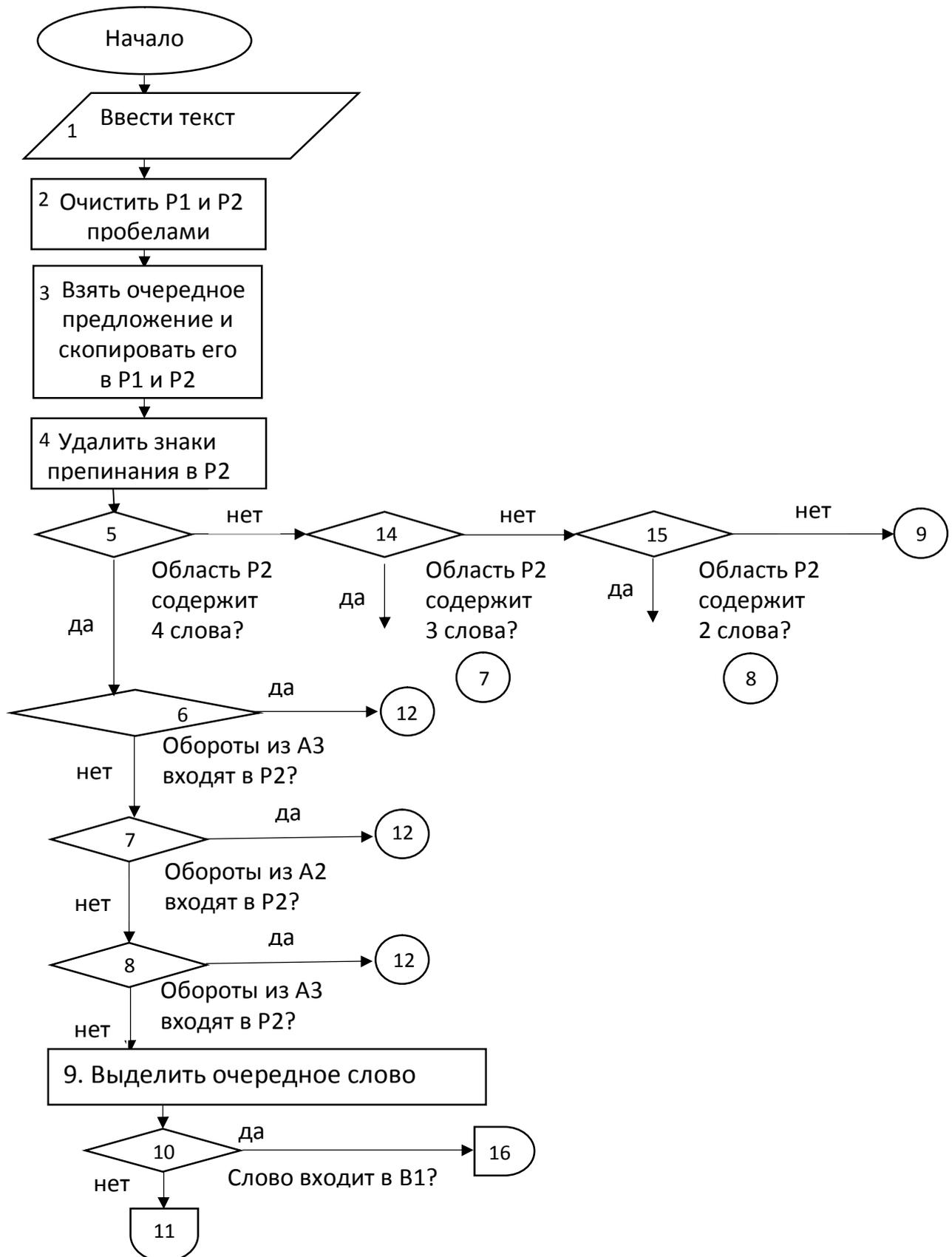

Рис. Алгоритм автоматического определения языкового воздействия на немецкоязычных рекламных сайтах (фрагмент)

The article examines the issues of automatic assessment of language impact on German-language advertising sites.

Н. А. Копачева, А. О. Гурская
Минск, МГЛУ

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ОТРИЦАНИЯ В ЖАНРЕ ИНТЕРВЬЮ

В статье обсуждаются некоторые аспекты функционирования языковых средств выражения имплицитного отрицания в публицистических текстах интервью с американскими и российскими политиками.

В настоящем исследовании анализируются некоторые особенности функционирования языковых средств выражения отрицательных высказываний в жанре интервью в английском и русском языках с акцентом на языковые средства имплицитного отрицания. Материалом для исследования послужили электронные ресурсы текстов интервью с американскими и российскими политическими деятелями в феврале–марте 2017 года. Известно, что интервью как жанр публицистики представляет собой диалогическую коммуникацию, построенную в вопросно-ответной форме, в которой ярко проявляются характерные признаки процесса межличностного общения. Как справедливо отмечается исследователями, интервью в качестве одного из самых распространенных типов публичного диалога дает возможность увидеть и зафиксировать новые тенденции развития устной и письменной публичной речи [1]. Жанр интервью в печатных и электронных СМИ носит, как правило, конкретный характер, имеет информационный повод и тематически ориентирован [2].

На материале анализируемых письменных текстов интервью нами была проведена классификация высказываний с отрицательным значением по способу их выражения: эксплицитные и имплицитные средства отрицания.

Так как анализу были подвергнуты имплицитные средства выражения отрицания, мы изучили различные подходы к пониманию явления имплицитности как языковой категории. В лингвистике к имплицитным средствам относят семантические элементы, не выраженные явно, но вытекающие из эксплицитно выраженных средств. Другие ученые считают, что неявное выражение смысла возможно за счет содержательных импликаций, осуществляемых в процессе речевой деятельности. Имплицитность – это та информация, для получения которой требуются усилия реципиента, несводимые к сопоставлению языковых единиц и их значений [3].

Другими словами, под имплицитностью подразумевают асимметрию плана содержания и плана выражения, не выраженность грамматических

и лексико-грамматических категорий привычными формальными средствами либо выражение плана содержания нетипичными категориями плана выражения. Таким образом, имплицитность представляет собой языковое явление, при котором содержание мысли оказывается глубже, чем формальное выражение в единицах языка, отсутствие вербального выражения информации, необходимой для обеспечения наиболее полного и адекватного понимания высказывания [4].

На основе проанализированных текстов интервью нами выделены лингвистические средства выражения имплицитного отрицания. Первое место в нашей выборке занимают лексические средства скрытого способа выражения отрицания. К ним относятся слова, не имеющие формального показателя отрицания, но несущие в себе семантическое значение отрицания. В данную группу в английском и русском языке входят глаголы to deny 'отрицать', to refuse 'отказываться', to doubt 'сомневаться', to fail 'не суметь, не справиться', to lack 'не хватать', to overlook 'не учитывать, не замечать', а также образованные от них существительные refusal 'отказ', lack 'недостаток, нехватка', failure 'провал, крах', doubt 'сомнение', absence 'отсутствие', denial 'отрицание'. Например: *Bob Woodward: And why did Lincoln succeed? Thought about that at all? – Donald Trump: Well, I think Lincoln succeeded for numerous reasons... And Nixon **failed**, I think, because of his personality.*

К лексическим средствам выражения имплицитного отрицания мы относим также наречия с отрицательным значением – hardly 'едва ли', scarcely 'едва'. Например: *If you can imagine the area and the land in Cambodia, I mean there are **hardly** any roads in big parts of the country.* Использование названных слов является менее категоричным способом отрицания по сравнению с формально выраженным эксплицитным вариантом 'no roads'.

В настоящем исследовании мы выделили также некоторые грамматические способы выражения имплицитного отрицания. Наиболее частотными являются формы сослагательного наклонения, которые выражают отношение высказывания к действительности. Используя данный скрытый способ выражения своих мыслей, говорящий или пишущий обращается к нашему подсознательному пониманию ситуации и того, что данное действие могло бы быть совершено, но не произошло. В таких случаях условие эксплицитно не выражено.

Например: *Andrea Mitchell: American people are worried... do you want to apologize for this situation? – Hillary Clinton: Well I certainly **wish** that **I had made** a different choice and I know why American people have questions about it. **I should have had** 2 accounts, one for personal and one for work-related.* В русском языке подобные случаи также являются довольно частотными. Использование сослагательного наклонения косвенно объясняет неприятие собеседником предлагаемого решения. Например: *Путин В. В.: «Я уверен,*

если **бы** мы провели референдумы во многих бывших союзных республиках, вряд ли там подавляющее большинство граждан сказало **бы**: «Да, мы хотим отделиться от Советского Союза».

Среди грамматических синтаксических средств в анализируемом материале были отмечены придаточные предложения с союзами *as if* и *as though* которые теряют первоначальный смысл сравнения и приобретают в контексте значение возражения и неприятия мысли собеседника. Например: *as if name-calling is an acceptable substitute for debate, as if anger and intolerance should be our default state...*

В анализируемом материале нами отмечены случаи выражения скрытого отрицания посредством устойчивых выражений. Примером является употребление выражения «on earth» после вопросительных слов *what, who*. Например: *Who on earth would vote for Trump?* Такие фразы сигнализируют о наличии в высказывании имплицитной предикативности с отрицательным значением. В русском языке похожую функцию выполняют конструкции, образованные сочетанием слов с лексической единицей *stoum* в значении 'не следует', Например: **Stoum** из-за ерунды расстраиваться.

Примерами фразеологизмов с имплицитным отрицанием могут быть: *once in a blue moon, when hell freezes over, the day (when) pigs fly, one fine day when it is raining only over my dead body*. Например: "**Over my dead body** will a wall be built," says Verlon Jose, vice chairperson of the Tohono O'odham Nation. "If he decides to build a wall, he's going to need to come talk to us, unless he wants to see another Standing Rock". Смысл этого выражения заключается в отказе поддержать чьи-либо действия или в запрете каких-либо действий собеседника.

В русском языке также используются фразеологические обороты, несущие в себе имплицитное отрицание (*бить баклуши, когда рак на горе свиснет, после дождичка в четверг, только через мой труп и т.д.*).

Имплицитное фразеологическое отрицание не содержит формально-грамматических показателей отрицания. В смысловом выражении фразеологическое отрицание является более сложным по сравнению с другими видами языкового отрицания, так как формируется при помощи таких средств выражения, как авторские тропы, «крылатые выражения», эвфемизмы, образные пословицы, поговорки, штампы и клише [5].

Использование скрытого отрицания обусловлено, как свидетельствует анализируемый материал, необходимостью собеседника избежать категоричности несогласия или отказа. При этом невыраженный вербально смысл интерпретируется участником общения в зависимости от его языковой компетенции, уровня образованности, социального статуса и других личностных характеристик.

Лингвистический анализ языковых средств выражения скрытого отрицания в текстах интервью позволяет нам утверждать, что высказывания

с имплицитным отрицанием выполняют определенные семантико-прагматические функции речевых актов, таких как возражение, несогласие, опровержение, отказ, сомнение и др.

Проанализировав особенности использования лексических, грамматических и фразеологических индикаторов имплицитного отрицания в текстах интервью американских и российских политиков, мы сделали вывод, что лексические средства выражения отрицания являются наиболее репрезентативными. Отрицательное значение заключено в семантике лексических единиц, и оно свободно транспонируется из одной части речи в другую. Не менее распространенным способом выражения имплицитного отрицания в английском и русском языках являются грамматические способы выражения скрытого отрицания. Так, употребление форм сослагательного наклонения для выражения нереализованных действий, нежелательных событий предполагает неосуществимость условий либо возможное их осуществление противоречит желанию говорящего. Важно и то, что грамматические индикаторы прямо не выражают сему отрицания в неотрицательных структурах, а лишь помогают реализовать скрытое отрицание, имплицитное при помощи других средств, таких как интонация, контекст, внеязыковых факторы.

Отмеченные в работе случаи фразеологических оборотов как средств имплицитного отрицания или возражения использовались, как правило, для выражения эмоционального и иронического отношения говорящего в конкретных речевых ситуациях. Однако следует отметить, что по частотности употребления фразеологизмы с имплицитным отрицанием, которым присуща определенная доля неофициальности и разговорности, реже встречаются в текстах интервью с публичными деятелями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анисимова, А. В.* Типология жанров деловой речи (риторический аспект) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 10.02.06 / А. В. Анисимова; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2000. – 28 с.
2. *Ильченко, С. Н.* Интервью в журналистике: как это делается: учеб. пособие / С. Н. Ильченко. – СПб., 2016. – 236 с.
3. *Борисова, Е. Г.* Имплицитность в языке и речи / Е. Г. Борисова, Ю. С. Мартемьянов. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 202 с.
4. *Грайс, Г. П.* Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика; под общ. ред. Е. В. Падучевой. – 1985. – Вып. 16. – С. 217–228.
5. *Баранов, А. Н.* Отрицание в идиомах: семантико-синтаксические ограничения / А. Н. Баранов // Вопросы языкознания. – 2000. – № 1. – С. 46–66.

The article considers some linguistic means of expressing implicit negation and its functions in the interviews given by famous American and Russian public figures.

Л. С. Крохалева, М. О. Царева
Минск, МГЛУ

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВОПЛОЩЕНИЯ КАТЕГОРИИ ДИАЛОГИЧНОСТИ В ЖАНРЕ ПЕРЕДОВОЙ СТАТЬИ

В статье речь идет о синтаксических способах актуализации диалогической позиции автора в передовой газетной статье как жанре медийного дискурса.

Поворот современного состояния языкознания к функциональной стороне языка выразился в том, что в центр лингвистических построений ставится говорящая личность, поэтому особое внимание привлекается к проблеме речевого действия и взаимодействия, т.е. процессуальным аспектам языка. Столь существенное изменение парадигмы языкознания в целом имело ряд последствий, одним из которых стало укрупнение единиц лингвистического анализа.

В качестве таковых обобщающих параметров на определенном этапе лингвостилистических исследований использовались общетекстовые категории информативности, модальности, связности, завершенности. Позднее, в связи с укреплением позиции диалогической концепции М. М. Бахтина [1], к ним добавились категории авторизации, адресованности, диалогичности и некоторые другие (т.н. функциональные семантико-стилистические категории по терминологии М. Н. Кожинной) [2], которые организуются по принципу их целевого назначения в конкретной речевой разновидности (жанре) и специфики не только в лингвистическом, но и коммуникативном аспектах. Таким образом, категориально-стилистический подход к анализу текста стыкуется с жанрово-дискурсивным подходом, нацеленным на изучение типологических особенностей жанровых разновидностей текстов, функционирующих в различных коммуникативных сферах.

В фокусе нашего исследования находится такой еще не в полной мере исследованный жанр медийного дискурса, как передовая газетная статья и синтаксические способы ее диалогизации. Анализ более 60 передовиц английских и американских газет свидетельствует о том, что диалогическая позиция автора довольно ярко проявляется на грамматическом уровне. В частности, при помощи таких синтаксических средств, как риторические вопросы, вопросно-ответные комплексы, побудительные предложения, приемы экспрессивного синтаксиса.

Рассмотрим, к примеру, использование риторических вопросов и вопросно-ответных комплексов, выступающих в качестве способов диалогизации авторского повествования. Так, в статье, посвященной продолжающейся политической активности экс-президента США Барака Обамы, автор в конце восклицает: *“How can we miss him when he won't go away?”* («The Washington Times», Jan. 30, 2017). Очевидно, что данный риторический

вопрос призван вызвать соответствующую негативную реакцию со стороны целевой аудитории, которая, по замыслу журналиста, также должна осудить нежелание Барака Обамы уходить с политической сцены страны.

Вопросно-ответные комплексы, весьма часто используемые журналистами в исследуемом жанре, являются еще одним средством диалогизации дискурса и направлены на поиск контакта с читателем, побуждая его к осмыслению обсуждаемой проблемы. Приведем следующий пример.

It doesn't matter how well-intentioned the policy might be when made in Whitehall, the reality of its execution is predictable: private tuition and primary education, for those who can afford it, allows children from middle class backgrounds to excel when tested at age 11. And the other result? A generation labelled failures before they've even begun their academic careers («The Independent», Apr. 13, 2017).

В данной передовой статье автор сообщает о противоречивом британском законопроекте, который направлен на расширенное финансирование т.н. «селективных» государственных школ и, тем самым, увеличение шансов поступления в такие учебные заведения одаренных ребят из малообеспеченных семей. Тем не менее, автор настроен крайне скептически по отношению к данному решению правительства, так как уверен, что результатом подобных мер будет отсеивание тех учащихся, которые не смогли пройти тест в силу социально неблагоприятных условий. В данном случае вопросно-ответный комплекс, имитируя диалог с потенциальным читателем, акцентирует полемический характер поднимаемой журналистом проблемы.

Экспликации авторской позиции в передовых статьях также служат побудительные предложения и прямые обращения к читателю. Такого рода приемы призваны стимулировать мыслительную деятельность аудитории, а также призваны доказать правомерность авторской точки зрения. Рассмотрим следующий пример.

Let's relish watching some Brexiteers confront their own dishonesty. Take Mark Reckless, briefly a Ukip MP, now Ukip member of the Welsh assembly, chairing its rural affairs committee. Last week he had a rude awakening: "We have heard clear evidence that access to the single market, continuation of financial support and assurances over migrant labour are critical priorities" («The Guardian», Mar. 28, 2017).

В приведенном отрывке автор язвительно отмечает, что члены Партии независимости, которые выступили за выход Соединенного Королевства из Евросоюза, и, в частности, один из ее лидеров Марк Реклесс, в настоящее время сталкиваются с последствиями своих же непродуманных действий. Автор статьи предлагает обсудить деятельность упомянутого политика и с этой целью использует побудительные предложения, которые начинаются с императивов *Let's relish, Take Mark Reckless*. Таким образом автор пытается вовлечь в диалог читателя, употребляя, в том числе, и лексику с негативной коннотацией (*dishonesty, rude awakening*).

Авторская позиция в передовых статьях часто объективируется различными вводными словами и словосочетаниями, а также парентетическими конструкциями, выполняющими такие функции, как уточнение, объяснение, оценка, добавочное суждение. Например:

Frankly speaking, any country's leadership who opposed moving military operations into cyberspace should be immediately fired for incompetence («The Guardian», Jun. 3, 2016).

В приведенном отрывке, в котором автор обвиняет руководство страны в некомпетентности в области ведения кибервойн, эффект доверительного общения с читателем достигается за счет вводного словосочетания *frankly speaking* 'честно говоря'.

Как отмечалось выше, диалогизация медийного дискурса достигается также за счет приемов экспрессивного синтаксиса: повторов, инверсий, параллелизма, антитезы и т.д. Так, для выражения авторской акцентирующей позиции, широко используются различные виды повторов, как это имеет место в следующем примере.

Promises, promises, promises. All three of the mainstream national parties have unveiled fresh pledges, and each is perfectly laudable on its own right («The Independent», May 7, 2017).

В данном случае эллиптическое предложение, содержащее тоекратный повтор лексической единицы *promises*, эксплицирует неодобрение автором того факта, что предвыборные обещания различных партий, как правило, не претворяются в жизнь. Очевидно, что подобная, синтаксически выделенная, позиция автора не может не вызвать соответствующей ответной реакции читательской аудитории.

В следующем отрывке из передовой статьи, посвященной описанию политического портрета главы Лейбористской партии Джереми Корбина, авторская интерпретирующая позиция, рассчитанная на формирование соответствующего образа у широкой публики, актуализируется с помощью ряда эллиптических предложений, представляющих, в свою очередь, часть инвертированного составного именного сказуемого.

Self-confident. Witty. Feisty. Was this the same Jeremy Corbyn as the t hopeless apology for a Labor leader that his critics have been describing since he became leader of the Opposition? («The Independent», Apr. 20, 2017).

Основная функциональная нагрузка синтаксического приема антитезы в качестве маркера диалогической позиции автора в исследуемом жанре заключается в привлечении внимания читателя к наиболее значимым моментам содержания, как это имеет место в следующем примере.

Secretary Kerry tried words; The Donald prefers actions. Either way, without Russian support the Assad regime will continue to operate almost as it has since this pitiless civil war began («The Independent», Apr. 10, 2017).

Очевидно, что противопоставление автором голословных обещаний бывшего госсекретаря Керри и деятельной позиции Дональда Трампа не может не вызвать симпатий читателя к недавно избранному президенту.

В некоторых случаях диалогизация авторской речи осуществляется т.н. конвергенцией синтаксических стилистических приемов как синтаксического, так и лексического уровней.

Communities will lose jobs, investment will collapse and Britain will recede into being the sick man of Europe as it was before joining the EU in 1973 («The Independent», May 1, 2017).

В данном отрывке эффект усиления эмоционального воздействия на читателя по поводу катастрофических, с точки зрения автора, последствий выхода Великобритании из Европейского Союза достигается сочетанием параллельных конструкций, синтаксической градации и лексико-стилистического приема метафоры (*the sick man of Europe*).

Полагаем, что дальнейшее изучение и систематизация разноуровневых языковых средств в качестве маркеров диалогической позиции автора внесет свой вклад в теорию и практику типологического анализа текстов, функционирующих в различных коммуникативных сферах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1986. – 445 с.
2. Кожина, М. Н. О функциональных семантико-стилистических категориях текста / М. Н. Кожина // Филол. науки. – 1987. – № 2. – С. 35–41.

The article dwells on the problem of syntactic means of expressing the author's dialogical position in the media genre of newspaper editorials.

М. В. Масловская

Минск, МГЛУ

СТРУКТУРНОЕ СООТВЕТСТВИЕ АНГЛИЙСКИХ СИНТАКСИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В СИСТЕМЕ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ ПО РОБОТОТЕХНИКЕ

В статье проводится анализ соответствий английских синтаксических моделей в русском языке, выявлены причины неоднозначности перевода данных моделей с английского языка, определен ряд признаков, влияющих на выбор соответствующих структур в русском языке в системе машинного перевода.

Нами был проведен лингвистический анализ с целью выделения структурных соответствий английских синтаксических моделей в русском языке в системе машинного перевода. В ходе проведенного лингвистического анализа был исследован характер научно-технических текстов по робототехнике.

Наиболее частотной синтаксической моделью является модель N. Преимущественно номинативный характер также подтверждается наличием существительных в других многосоставных структурах. Наиболее частотными являются двусоставные и односоставные структурные типы. Среди двусоставных конструкций самой употребительной является конструкция типа A+N. Анализ односоставных структурных типов определил конструкцию N как наиболее частотную в своем классе.

Нами были выявлены структурные соответствия английских синтаксических моделей в русском языке. Согласно сравнительному анализу было выявлено, что, как правило, английская базовая синтаксическая модель соответствует аналогичной модели в русском языке. Однако, несмотря на наличие определенного количества соответствий, для большинства синтаксических моделей существует несколько структурных типов перевода. Для осуществления адекватного перевода ряд моделей также требует анализа контекста на наличие в нем определенных слов и словосочетаний.

Наличие достаточно большого количества вариантов перевода англоязычных именных словосочетаний требует выявления формальных признаков, которые определяют выбор соответствующей структуры русского перевода для выделенных базовых синтаксических моделей. В большинстве случаев такими формальными признаками являются несоответствия частей речи в английском и русском языках, а так же наличие в английском языке конструкций, которые не характерны для русского языка или вовсе не существуют в нем.

Наибольшей неоднозначностью в английском языке обладают структуры A+N и N1+N2. Так, например, словосочетание *Detecting module* можно перевести и как 'обнаруживающий модуль', но перевод 'модуль обнаружения' звучит более адекватно. Конструкция типа N1+N2 представляет собой, так называемую, *Stonewall construction*. Неоднозначность перевода данной конструкции обусловлена отсутствием подобной конструкции в русском языке и, как следствие, заменой ее другими конструкциями со сходным смыслом. Так, например, словосочетание *Robot system* в русском языке звучит как 'роботизированная система'.

В результате проведенного исследования нами были составлены списки диагностирующих признаков по проанализированному материалу. В соответствии с типом базовой модели и структурой ее русского перевода, диагностирующие словоформы сведены в семантические группы. Установленная типология базовых синтаксических моделей английских предложений рефератов к патентам их русских соответствий, а также выявленный набор диагностирующих признаков и контекстного окружения для распознавания выходной структуры позволили создать принципиальный алгоритм машинного перевода предложений текстов рефератов к патентам на русский язык.

The article analyzes the correspondence of English syntactic models in the Russian language, identifies the reasons for the ambiguous translation of these models from the English language, and determines a number of features that affect the choice of the corresponding structures in the Russian language in the machine translation system.

А. О. Рақымғалиева

Уфа, БГПУ им. М. Ақмуллы

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА УРОКАХ КАЗАХСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается применение новых технологий обучения в формировании и развитии социокультурной компетенции на уроках казахского и русского языка. Особое внимание уделяется обучению чтению текстов лингвострановедческого содержания, а также использованию песенного материала, которые знакомят учащихся с культурой страны изучаемого языка.

Важным фактором формирования социокультурной компетенции является применение новых технологий обучения. Технология критического мышления, проектная деятельность, обучение в сотрудничестве и игровые технологии, технология развивающего обучения развивают интерес к иноязычному общению, расширяют его предметное содержание. При формировании социокультурной компетенции очень актуально также использование информационно-коммуникационных технологий.

Технология обучения в сотрудничестве помогает создать условия для активной совместной учебной деятельности учащихся в различных учебных ситуациях. Интерактивное взаимодействие учащихся в парах или группах обеспечивает практическое использование языка в ситуациях, моделирующих реальную действительность. Данная технология развивает у учащихся потребность постоянно совершенствовать свои речевые и творческие способности. Продуктивен метод сравнения, позволяющий сопоставить факт родной культуры и культуры изучаемого языка, а также провести параллель сравнения традиций, обычаев, манер, праздников и достижений.

Обучение чтению *текстов лингвострановедческого содержания* несет определенную новизну, так как в этих текстах всегда встречаются реалии страны изучаемого языка. С учетом возраста, тематики и проблематики учащимся предлагаются аутентичные тексты различных стилей: публицистические, научно-популярные, филологические, художественные.

При работе с текстом выделяются три основных этапа: дотекстовый, текстовый, послетекстовый. На этапе антиципации текста наиболее эффективными автор считает приемы: 1) догадка содержания по заголовку; 2) мотивированные вопросы; 3) заполнение пропусков, 4) мозговой штурм (оперативный метод решения проблемы на основе стимулирования твор-

ческой активности, при котором участникам обсуждения предлагают высказывать как можно большее количество вариантов решения, в том числе самых фантастичных, затем из общего числа высказанных идей отбирают наиболее удачные, которые могут быть использованы на практике).

На текстовом этапе – 1) чтение с пометками, 2) заполнение диаграмм, раскрывающих последовательность событий в тексте, 3) расположение абзацев в правильной последовательности, 4) заполнение корзины идей [1, с. 225].

Действенным приемом работы по семантизации страноведческой лексики является *методика компаративного анализа*. Лексика вводится способом ее социально-страноведческого отражения. Учащиеся знакомятся с текстом, содержащим информацию о реалиях иноязычной культуры, а затем составляют аналогичный текст, описывающий сходные явления и реалии казахской и российской действительности.

Пример на основе текста «Моя страна».

В Казахстане	В России
Байтерек	Кремль

Таким образом, знакомство с культурой страны происходит путем сравнения и постоянной оценки уже имеющихся знаний и понятий с вновь полученными, со знаниями и понятиями о своей стране. Сравнивая, учащиеся выделяют общее и специфическое, что способствует объединению, развитию понимания и доброго отношения к стране, людям, традициям.

Использование на уроках *ролевых игр* также способствует развитию социокультурной и коммуникативной компетенций.

В качестве примера можно привести ролевою игру «Литература Казахстана», «Литература России».

Целью данной игры является развитие навыков общения друг с другом в пределах изучения материала «Литература и писатели Казахстана (России)».

Ситуация общения – специалисты в области литературы и слушатели собрались для проведения ток-шоу. Учащиеся объединяются в группы и получают ролевые карточки с заданиями.

Группа 1. «Вы – специалисты. Сделайте обзор основных моментов литературного развития в Казахстане (России)».
Группа 2. «Вы – знатоки английских писателей. Сообщите интересные факты из их жизни».
Группа 3. «Вы – слушатели. Задайте уточняющие, интересующие вас вопросы, на основе прослушанной информации» (используйте выражения-просьбы: «Что вы можете сказать?», «Ваше мнение, пожалуйста?», «Как вы думаете?») и т.д.

К наиболее действенным методам формирования социокультурной компетенции можно также отнести *сравнительно-сопоставительный метод*, включающий различного рода дискуссии (на занятиях обсуждаются традиции, обычаи, которые в значительной мере отличаются от родной культуры); *метод «критических инцидентов»*, нацеленный на выявление различий в вербальном и невербальном общении (ученикам предлагается описание инцидента в общении, в результате которого взаимодействие представителей различных культур было затруднено по причине культурных различий и недопонимания ситуации одним из партнеров); *метод «культурных капсул»*, акцентирующий одно из различий в культурах, например, различие между покупателями в Казахстане и России; *метод «аудиомотора»* (по типу детской игры «Simon says») [2, с. 22–24].

Использование песенного материала на уроках казахского и русского языка может применяться не только для развития аудитивных навыков, произносительных навыков, пополнения словарного запаса, отработки речевых навыков, но и для ознакомления учеников с элементами культуры страны изучаемого языка. Здесь следует придерживаться некоторых принципов, а именно: песня должна быть аутентичной, она должна соответствовать возрасту и интересам учащихся. Также необходимы соответствие песни уровню языка учащихся, методическая ценность песни и некоторая корреляция с учебными программами. Если выбор песни соответствует данным принципам, то потенциально она может быть очень полезной. Далее учитель разрабатывает систему упражнений по данной песне. Для развития социокультурной компетенции важно наличие в тексте следующих сведений: география и история страны изучаемого языка, факты политической и социальной жизни, факты повседневной жизни, наличие этнокультурной информации, различного рода символики, наличие информации о поведенческой культуре, включающей особенности поведения в различных ситуациях, разговорные формулы, нормы и ценности общества [3, с. 96–98].

В большинстве своем все эти факты в той или иной степени нашли свое отражение в текстах песен. Существует множество песен, отражающих проблемы общества, касающихся не только зарубежья, но и нашей страны. На основе этих песен можно обратить внимание учащихся на существующие проблемы и обсудить их. Особенности быта, образа жизни, привычки в еде, одежде раскрываются в песнях.

Применение песенного материала на уроках казахского или русского языка поможет повысить мотивацию к изучению того или иного языка, а также станет эффективным средством накопления социокультурных знаний, а значит и развития социокультурной компетенции [4, с. 135].

Национально-региональный компонент (НРК) как средство формирования социокультурной компетенции на уроках казахского (русского) языка.

Краеведческий материал позволяет учащимся оперировать в учебной беседе фактами и сведениями, с которыми они сталкиваются в своей

повседневной жизни. На основе этого материала можно моделировать вполне реальные коммуникативные ситуации: беседа о родной стране, о ее столице, о родном городе с гостем из-за рубежа, проведение экскурсии для гостей на казахском (русском) языке и т.п.

Для реализации регионального компонента в предметном содержании учебных программ в средней школе могут быть включены следующие темы: «Мой город», «Досуг и увлечения молодежи», «Достопримечательности и места отдыха в регионе», «Особенности жизни в городе», «Выдающиеся люди моего города, их вклад в науку и мировую культуру», «Проблемы экологии региона», «Технический прогресс в регионе».

Формированию социокультурной компетенции способствует использование регионоведческих материалов в организации различных видов чтения.

Воспитательная цель реализует стимулирование учащихся к общению со сверстниками, в том числе представителями другой культуры. Форма работы над проектом может быть индивидуальной или коллективной в зависимости от выбора учащихся. Для проектной деятельности можно предложить следующие темы: «Выдающиеся люди региона, их вклад в науку и мировую культуру», «Досуг и увлечения молодежи в регионе», «Мой город», «Моя семья в истории города», «Известные спортсмены региона» и др. Учащиеся с удовольствием занимаются проектной деятельностью. Презентация проектов зависит от выбора и интересов учащихся и может быть в виде газетной статьи, репортажа, экскурсии на английском языке, плаката, видеоролика и так далее [5, с. 112].

Реализация регионального компонента на уроках казахского (русского) языка становится не только средством формирования разных видов компетенций, но и имеет также большое воспитательное значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Милосердова, Е. В. Национально-культурные стереотипы и проблемы межкультурной компетенции / Е. В. Милосердова // ИЯШ. – 2004. – № 3. – С. 80–84.
2. Томахин, Г. Д. Лингвострановедение: что это такое? / Г. Д. Томахин // ИЯШ. – 1996. – № 6. – С. 22–24.
3. Орехова, И. А. Формирование лингвокультурологической компетенции в процессе обучения иностранным языкам / И. А. Орехова // ИЯШ. – 2004. – № 5. – С. 28–30.
4. Кунанбаева, С. С. Методические рекомендации по формированию интегральных учебных планов / С. С. Кунанбаева. – Изд-во РУМК МНО, 2005. – С. 135.
5. Белякова, М. А. Социокультурный компонент содержания профессионально-ориентированного учебника / М. А. Белякова. – М., 1998. – С. 112.

The article considers the use of new technologies at the lessons of the Russian and Kazakh languages.

А. М. Савич
Минск, МГЛУ

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПРИ АВТОМАТИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО ТЕКСТА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В статье рассматривается понятие «параллельный текст», а также оптимизация процесса перевода с помощью параллельных текстов. Представлены результаты и основные выводы исследования лексических преобразований при автоматическом переводе англоязычных текстов 17 целей ООН в области устойчивого развития на русский язык.

В настоящее время исследование параллельных корпусов текстов представляет собой наиболее перспективное направление в корпусной лингвистике. Они создаются и используются в различных целях: практических, научных, учебных [1, с. 81]. Д. В. Степанова дает следующее определение данному понятию: «Корпусы параллельных текстов являются одной из разновидностей корпусов текстов и представляют собой оригинальные тексты и их переводы на другой язык, обладающие лингвистической и смысловой адекватностью по отношению к оригиналу» [2, с. 134].

Научное изучение текстов на двух языках помогает не только филологам и писателям выявить особенности оригинала в сравнении с переводом, но и полезно для специалистов различных областей знаний.

Использование параллельных корпусов, очевидно, положительно влияет на процесс изучения перевода. О. Шеремет приводит тому доказательства. А именно, исследование параллельных текстов дает возможность изучения различных эквивалентов на исходном и переводном языках, стратегий и трансформаций, которыми пользуется переводчик для разрешения языковых несоответствий. Корпусы параллельных текстов могут оказаться полезными для описания семантики и сочетаемости лексических единиц каждого из сопоставляемых языков. При поиске переводных эквивалентов терминологических словосочетаний параллельные тексты хороши тем, что они дают не только перевод терминов, но и отражают контекст, в котором эти термины используются. Тогда как словарные статьи предлагают несколько возможных переводов термина, контекст в параллельном тексте обеспечивает точный перевод [3, с. 46]. Перевод является многосторонним явлением. Это подтверждается существованием двух основных концепций этого понятия: перевод как процесс и перевод как результат. При определении понятия перевода нужно также отметить, что перевод является одним из видов языкового посредничества. Только принимая во внимание все его существующие определения можно наиболее полно понять и изучить сущность этого явления. Говоря о переводе, необходимо также вспомнить о таких качествах перевода, как эквивалентность и адекватность.

Понятие «перевод» охватывает широкий круг деятельности человека, например, литература, психология, этнография, лингвистика. В любой работе, посвященной проблемам теории и практики перевода, неизбежно дается определение этому понятию, хотя иногда с разных позиций. «Переводятся с одного языка на другой стихи, художественная проза, публицистика, научные и научно-популярные книги из различных областей знания, дипломатические документы, деловые бумаги, статьи и выступления политических деятелей, речи ораторов, газетная информация, беседы лиц, разговаривающих на разных языках и вынужденных прибегать к помощи устного посредника – «толмача», дублируются кинофильмы» [4, с. 13].

Параллельные тексты являются одним из средств оптимизации работы переводчика. Время, затраченное на поиск переводного эквивалента, значительно сокращается. Более того, переводчик видит, как слово функционирует и какое значение оно имеет в контексте. Использование параллельных текстов позволяет переводчику сделать наиболее качественный перевод, особенно если он является специалистом конкретной предметной области.

На сегодняшнем этапе развития параллельные тексты позволяют осуществить автоматический перевод, так как являются неотъемлемой частью многих систем машинного перевода, основу памяти которых они составляют. Такая система ищет переводимое предложение в массиве исходных параллельных текстов. Элементы параллельных текстов могут сопоставляться с целью выявления грамматических, синтаксических, морфологических эквивалентов и дальнейшего их использования в машинном переводе. Корпуса параллельных текстов также дают возможность автоматически строить и пополнять словари для системы машинного перевода. Это возможно за счет того, что параллельные тексты определенного жанра обладают в некоторой степени шаблонностью, стереотипностью. В них используются слова, словосочетания, фразы, которые многократно повторяются и за которыми закрепляются определенные соответствия в переводном языке [3, с. 47]. Корпусы параллельных текстов идут в ногу со временем, являются богатым источником данных для проведения исследования в различных областях наук [1, с. 82].

Исследователь Д. В. Степанова поясняет еще одно преимущество использования параллельных текстов в системах машинного перевода – это относительно новый подход разрешения проблемы полисемии слов. Ведь задача разрешения языковой неоднозначности лексических единиц является проблемой при автоматической обработке текстов. Кроме этого, параллельные тексты находят практическое применение для решения лингвистических задач в лексикографии и лексикологии, в грамматике, в лингвистике текста и, несомненно, в учебных целях.

Можно смело утверждать, что развитие информационных технологий повлияло на все сферы деятельности человека. Этот процесс нашел свое отражение и в науке. Стремительное развитие информационных технологий привело к возникновению новой отрасли языкознания – корпусной лингвистики, которая занимается разработкой общих принципов построения и использования лингвистических корпусов с использованием компьютерных технологий. В настоящее время исследование параллельных корпусов текстов представляет собой наиболее перспективное направление в корпусной лингвистике. В отличие от других видов корпусов текстов, параллельные корпусы текстов являются богатым источником данных для проведения исследований в области прикладной лингвистики, переводоведческих и сравнительно-сопоставительных исследований.

Предполагается, что отношение между отрезком оригинала и соответствующим отрезком перевода можно представить как преобразование первого во второй по определенным правилам. Подобные переводческие трансформации могут рассматриваться как приемы перевода, которые переводчик использует для преодоления типичных трудностей [5, с. 57].

Концепция В. Н. Комиссарова основывается на лексических, грамматических и комплексных преобразованиях. К лексическим трансформациям относятся транслитерация, переводческое транскрибирование, калькирование, некоторые лексико-семантические замены, например, модуляция (или смысловое развитие), конкретизация и генерализация. Говоря о грамматических трансформациях, он называет дословный перевод (или синтаксическое уподобление), грамматические замены (замены членов предложения, форм слова, частей речи) и членение предложения. К комплексным трансформациям, или лексико-грамматическим, относятся экспликация (по-другому, описательный перевод), антонимический перевод и компенсация [6; 7].

Материалом для исследования послужили англоязычные тексты 17 целей ООН в области устойчивого развития и их параллельные переводы на русский язык, взятые с интернет-страницы www.un.org/sustainabledevelopment/sustainable-development-goals/. В данных текстах были выделены лексические трансформации главных опорных слов. Например, данные для текста «Goal 2: End hunger, achieve food security and improved nutrition and promote sustainable agriculture» представлены в табл. 1.

Все лексические единицы, относящиеся к основному содержанию текстов, были переведены с помощью программы машинного перевода **PROMT Professional 10**. В абсолютном большинстве преобладают словарно переводные эквиваленты и дословный перевод.

Далее были подсчитаны среднестатистические данные по всем встретившимся в анализируемых текстах лексическим трансформациям. Эти данные мы свели в табл. 2

Таблица 1

Лексические преобразования при ручном и интеллектуальном переводе
главных опорных слов

FOOD	– продовольственный (замена части речи) – продукты питания (логическое развитие) – питание (адекватная замена) – сектор производства (конкретизация) – пища (словарный эквивалент)	– пища (словарный эквивалент)
MILLION	– миллион (словарный эквивалент)	– миллион (словарный эквивалент)
WORLD	– мир (словарный эквивалент) – стран (конкретизация)	– мир (словарный эквивалент) – земля (адекватная замена)
PEOPLE	– люди, человек (мн.ч.) (словарный эквивалент)	– нация, население (конкретизация)

Таблица 2

Среднестатистические данные по лексическим трансформациям
в исследуемых англоязычных официально-деловых текстах

Виды лексических трансформаций	Среднестатистические данные, выполненные автоматически		Среднестатистические данные, выполненные переводчиком	
	Количественный показатель	Относительная частота	Количественный показатель	Относительная частота
Словарно переводные эквиваленты	39	0,78	46	0,62
Адекватная замена	7	0,14	8	0,11
Логическое развитие	2	0,04	8	0,11
Конкретизация	1	0,02	6	0,08
Замена частей речи	0	0	4	0,05
Генерализация	1	0,02	2	0,03

Рассмотрев переводческие трансформации в исследуемых текстах, мы пришли к выводу, что наиболее характерными для данных текстов являются конкретизация, адекватная замена и логическое развитие. Иногда встречаются также замена частей речи и генерализация.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шеремет, О.* Специфика формирования и использования параллельных корпусов текстов / О. Шеремет // *Материалы ежегод. науч. конф. студентов и магистрантов ун-та, 27–28 апреля 2010г.* : в 2 ч. / Минский гос. лингвист. ун-т; отв. ред. Н. П. Баранова. – Минск, 2010. – Ч. 2. – С. 81–82.
2. *Степанова, Д. В.* Возможные способы установления соответствий между единицами параллельных текстов / Д. В. Степанова // *Материалы ежегод. научн. конф. преподавателей и аспирантов ун-та, 24–25 апр. 2007 г.* : в 5 ч. / Минский гос. лингвист. ун-т; редкол.: Н. П. Баранова (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2007. – Ч. 4. – С. 134–138.
3. *Шеремет, О.* Параллельные тексты и особенности их исследования / О. Шеремет // *Материалы ежегодной научной конференции студентов и магистрантов ун-та, 21–22 апр. 2009 г.* : в 2 ч. / Минский гос. лингвист. ун-т; отв. ред. Н. П. Баранова. – Минск, 2009. – Ч. 2. – С. 46–47.
4. *Федоров, А. В.* Основы общей теории перевода (Лингвистические проблемы) : учеб. пособие / А. В. Федоров. – 5-е изд. – СПб. : Фил. фак-т СПбГУ. – М., 2002. – 416 с.
5. *Шеметов, В. Б.* Курс лекций по теории перевода для студентов второго и третьего курсов, а также до подготовки к гос. экзаменам / В. Б. Шеметов. – М., 1998. – 60 с.
6. *Комиссаров, В. Н.* Современное переводоведение : курс лекций / В. Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 1999. – 192 с.
7. *Комиссаров, В. Н.* Теория перевода: лингвист. аспекты / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 250 с.

The article deals with the notion of "parallel text", as well as the translation process optimization with the help of parallel texts. The results and main conclusions of the research of lexical transformations in the automatic translation of English texts of 17 UN goals for sustainable development into Russian are presented.

А. В. Скрыбина

Минск, МГЛУ

АВТОМАТИЗАЦИЯ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НОВОСТНЫХ ТЕКСТОВ ПО ТЕМАТИКАМ

В статье рассматриваются некоторые аспекты автоматической тематической классификации англоязычных новостных текстов.

Количество интернет-ресурсов, посвященных публицистическим текстам, растет с каждым днем. Именно поэтому довольно актуальной является разработка автоматической системы тематической классификации публицистических текстов. В данной работе нами была предпринята попытка создания такой системы для классификации отобранного лингвистического материала. Источниками послужили англоязычные интернет-ресурсы, посвященные публицистическим текстам, такие как www.bbc.com и www.theguardian.com. Всего для анализа нами было отобрано 80 англоязычных новостных текстов по теме «культура». Далее отобранные тексты по тематике «культура» были разделены на десять более узких тематик на основании тематической принадлежности публицистических текстов.

В отобранном нами материале тексты представлены довольно однородно. Наиболее многочисленная группа из монотематических текстов – «Film» (15 %). Также больше всего текстов по тематике «Music» (13 %), «Theater» (13 %).

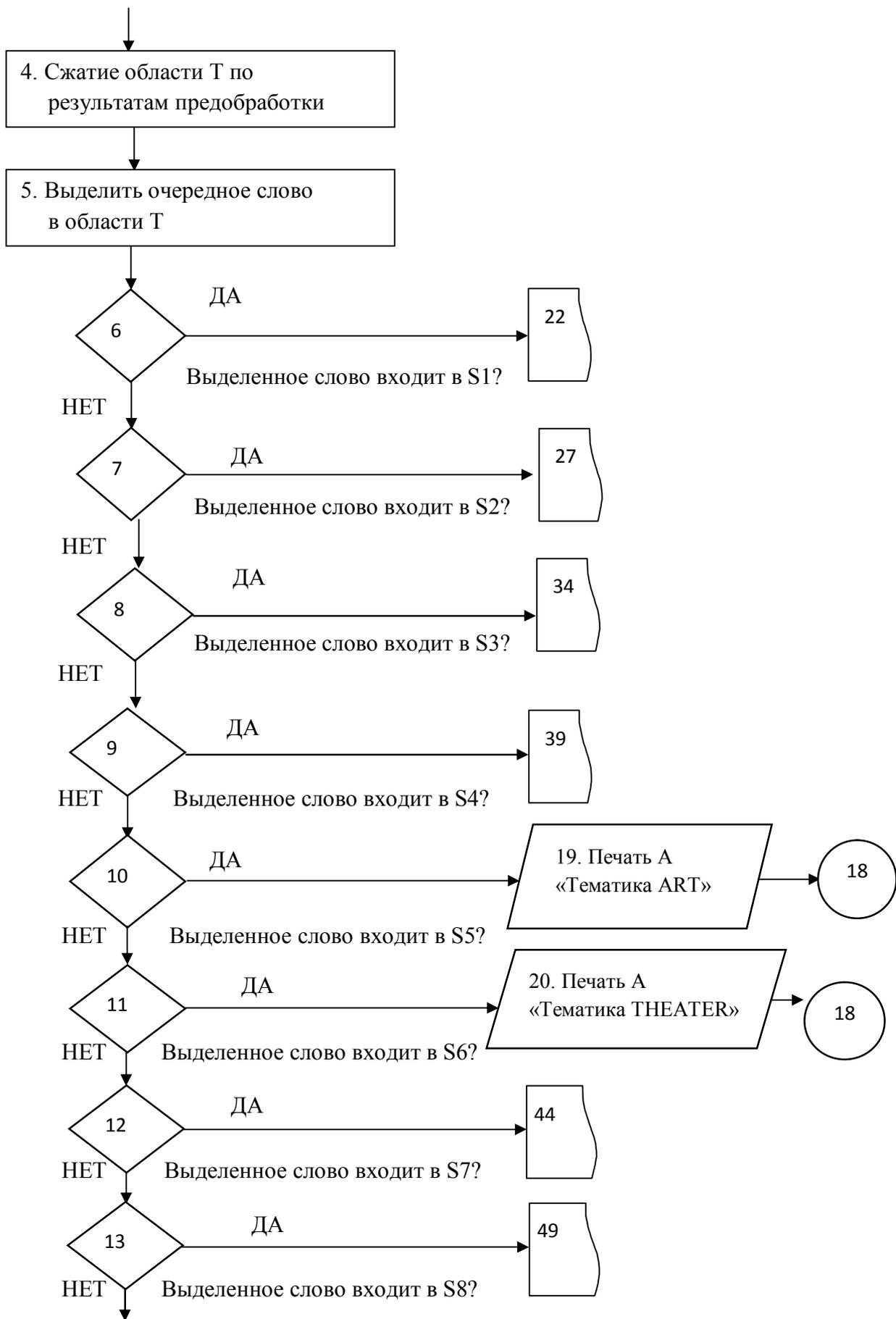
Политематические тексты составляют вторую по численности группу (15 %). В эту группу вошли такие тематики как: «TV & Dance» (10), «TV & Music» (16), (30), «Photography & Books» (32), «Photography & Film» (27), «Film & Fashion» (35). В результате мы получили 12 публицистических текстов, которые объединяют 2 тематики.

На основании разработанных поисковых образов по каждой тематике был составлен алгоритм автоматической идентификации тематики англоязычных новостных текстов (фрагмент алгоритма представлен на рис. 1).

Для наглядности и удобства работы при разработке алгоритма мы использовали условные обозначения для поисковых образов по каждой тематике:

- S1 – поисковый образ для тематики «BOOKS»;
- S2 – поисковый образ для тематики «FILM»;
- S3 – поисковый образ для тематики «DANCE»;
- S4 – поисковый образ для тематики «MUSIC»;
- S5 – поисковый образ для тематики «ART»;
- S6 – поисковый образ для тематики «THEATER»,

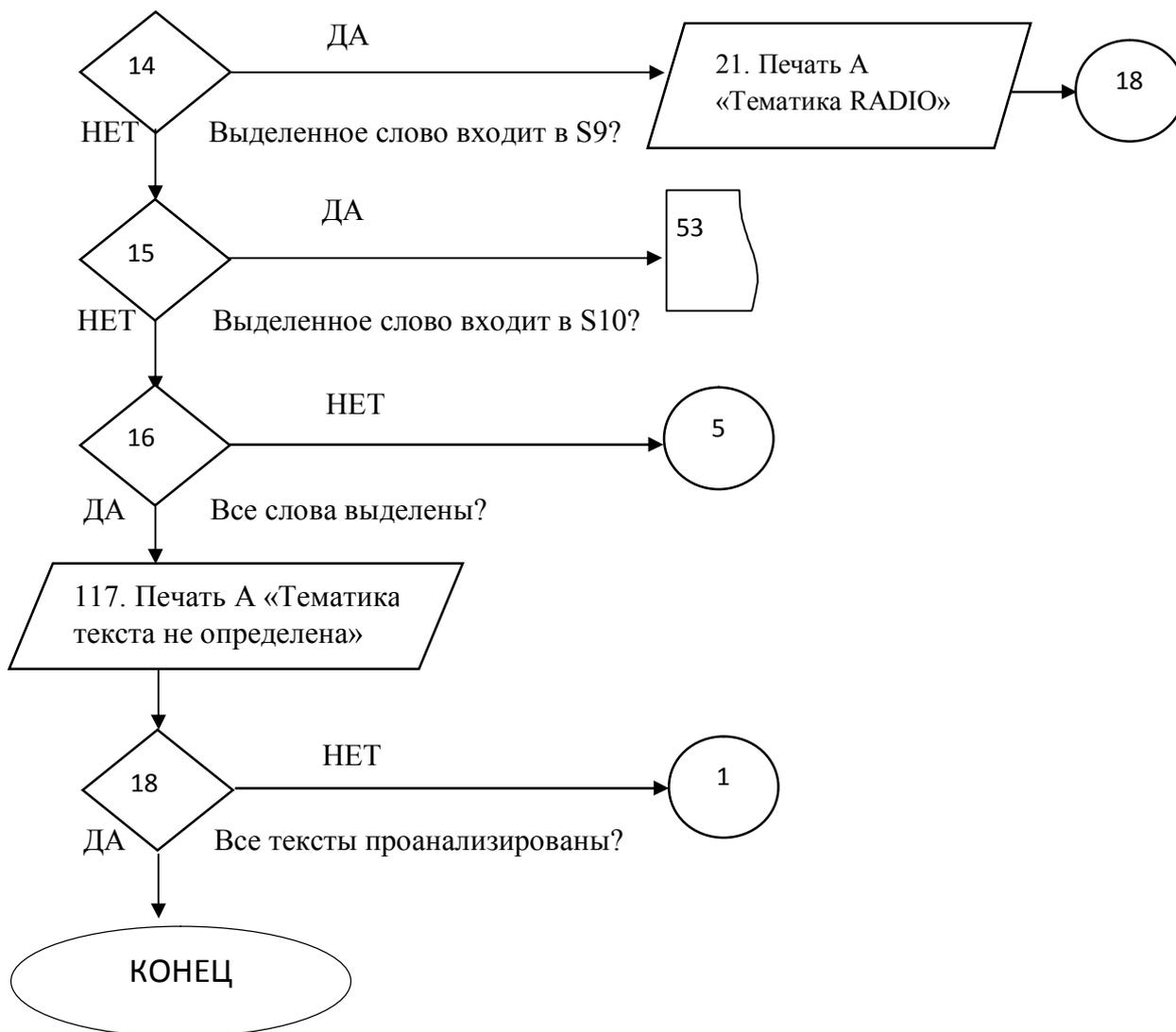

Рис. Алгоритм тематической классификации англоязычных публицистических текстов (фрагмент)

S7 – поисковый образ для тематики «TV»;

S8 – поисковый образ для тематики «FASHION»;

S9 – поисковый образ для тематики «RADIO»;

S10 – поисковый образ для тематики «PHOTOGRAPHY».

Процесс индексирования и создания поискового образа документа является актуальным в области компьютерной лингвистики в настоящее время. Эти системы особенно необходимы для обработки публицистических текстов, так как на данный момент существует большое количество таких текстов. Обработать новостные тексты вручную и выделять их основное содержание – процесс для человека довольно длительный и трудоемкий. Поэтому выделение основного содержания текстов и создание современных систем автоматического отнесения новостных текстов к определенным тематикам является востребованным в наши дни.

The article considers some aspects of automated thematic classification of English news texts.

Л. В. Шимчук
Минск, МГЛУ

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО КОДА В ШВЕДСКОЙ ПЕЧАТНОЙ РЕКЛАМЕ

В статье рассматриваются некоторые аспекты использования переключения кодов в шведской печатной рекламе.

Английский язык по праву считается языком рекламы во всем мире. Тем самым применение английской лексики в шведской рекламе вполне объяснимо. В печатной рекламе употребляются как слоганы с использованием английского языка, так и визуальные образы для привлечения внимания потенциального покупателя. Очень часто к данному приему прибегают и создатели рекламы из Швеции, учитывая позитивное отношение шведов к английскому языку. Также нельзя не сказать о влиянии мультинациональных корпораций, таких как IKEA, Sony Ericsson, Astra Zeneca and Tetra Pak, которые используют английский в качестве официального языка и зачастую применяют английский язык для названий своей продукции [1].

В данном исследовании анализу подверглась шведская печатная реклама. Были проанализированы 19 номеров шведской газеты «Sydsvenskan». В ходе исследования удалось установить, что в печатной рекламе используется маркированное переключение кодов, так как употребление английской лексики происходит сознательно, и инициатор коммуникации, создатель рекламы, использует этот прием с целью добиться наилучшего результата – продать продукт.

Применение переключения кодов в заголовках и слоганах является современной маркетинговой стратегией, используется с целью расширить рынок сбыта определенного продукта и привлечь внимание потенциальных покупателей-билинггов [2]. Также следует сказать о том, что чаще наблюдается переключение кодов в рекламных текстах, связанных со сферами науки, технологии и бизнеса, в то время как в рекламе продуктов питания, товаров для дома и одежды английская лексика употребляется не так широко.

Мотивация использования переключения кодов, главным образом, заключается в том, что код, иноязычная языковая единица – это стилистически маркированная единица, она контрастирует с общим текстом рекламы, заголовка, что привлекает внимание к определенной характеристике продукта. Кроме того, употребление переключения кодов приводит к экономии на рекламе, ибо текст с переключением охватывает в основном три сектора покупателей: население, которое говорит по-шведски, англоязычное и билингвов.

Широкое применение английской лексики в шведской печатной рекламе оценивают по-разному, находят как положительные моменты – интеграция, универсализация, модернизация, мобильность, так и отрицательные – отчуждение, засорение языка.

Изобилует переключением кодов также реклама в сфере трудоустройства, зачастую названия профессий, требования потенциального работодателя, обязанности сотрудников представлены с использованием английской лексики: *Supply Chain Manager, Qualified European Patent Attorney*.

Также было зафиксировано, что не только объявления о работе содержат английскую лексику, но также и рекламы в сфере образования: *Executive Master of Service Management* – ‘Степень магистра. Менеджмент’.

Большинство крупных мультинациональных компаний предпочитают употреблять слоганы на английском языке, это создает определенный бренд продукции, услуг предлагаемых компаний, а также это дает возможность использовать один слоган во всех регионах: *Volvo: “For life”* – ‘Для жизни’.

Часто переключение кодов применяется для рекламы музыкальных вечеров, различных концертов, для названия музыкальных стилей и направлений, а также при выпуске компакт-дисков. Например: *A soulful night for the first time ever in Sweden* – ‘Ночь соула впервые в Швеции’.

Кроме использования английской лексики было зафиксировано употребление символов американской культуры: *I ♥ BOKREA! START IDAG* – ‘Я «люблю» книжную распродажу! Которая начинается сегодня!’.

Таким образом, используя переключение кодов в печатной рекламе, рекламодатель стремится привлечь дополнительное внимание. Также в качестве кодов используется, в большинстве случаев, лексика, которая понятна и известна всем, рассчитана на среднестатистического шведа, так как употребление сложной лексики, а тем более, сложных грамматических и синтаксических структур приведет к потере потенциальных покупателей.

Кроме того, в процессе анализа рекламы печатных изданий внимание было уделено дифференциации сфер рекламных объявлений с использованием переключения кодов. Мы пришли к следующим выводам: объявления о трудоустройстве составили 23 % от общего числа рекламы с употреблением английской лексики, информационные технологии – 6 %, реклама электроники (мобильные телефоны, фотоаппараты, бытовые приборы) – 2 %, реклама автомобилей – 11 %, мода (спортивная одежда, обувь) – 7 %, косметика – 5 %, индустрия красоты (СПА, салоны красоты, центры здоровья) – 3 %, реклама продуктов питания и пунктов общественного питания – 6 %, образовательные услуги – 6 %, отдых и туризм (хобби, казино, книги, авиабилеты, авиакомпании, автобусные перевозчики, отели, телевизионные компании, универмаги) – 14 %, реклама мебели и декора для помещений составила 6 %, медицинские услуги (медицинские центры, услуги инструкторов, физиотерапевтов, спортивные, тренажерные залы) – 4 %, банковские услуги – 1 %, консалтинговые компании – 1 %, страховые и консалтинговые компании – 3 %, сфера обслуживания (мойка машин, услуги перевозки и транспортировки) – 2 %.

В ходе проведенного анализа был сделан вывод о том, что большая часть печатной шведской рекламы с использованием переключения кодов имеет следующую тематику: «поиск работы», «образование», «мода», «досуг», «электроника». Реклама данных услуг и продукции направлена на специалистов в определенной области, профессионалов, и в большинстве своем ориентирована на молодежь.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Красюк, Е. Ф.* Языковая ситуация в Швеции / Е. Ф. Красюк // Материалы ежегод. науч. конф. студентов и магистрантов ун-та, 16–17 апр., 2003 г. : в 4 ч. / Минский гос. лингвист. ун-т. – Минск, 2003. – Ч. 4. – С. 141–144.
2. *Doron, E.* On formal modals of code-switching Text / E. Doron // Texas linguistic forum. – 1983. – Vol. 22. – P. 35–59.

The article focuses on the use of code switching phenomenon in Swedish advertising discourse.

Л. В. Шимчук, Р. В. Детскина
Минск, МГЛУ

ПРИЧИНЫ ЗАИМСТВОВАНИЯ АНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСИКИ В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются некоторые причины заимствования английской лексики в шведском языке.

В языке как постоянно развивающейся системе происходит борьба двух тенденций – развитие языка и тенденции его сохранения. Язык меняется с течением времени и, особенно, его лексический состав, для того чтобы отражать и воспроизводить все новые явления, идеи, отношения. Словарный состав языка мгновенно реагирует на мельчайшие изменения, регистрируя их с помощью различных лексических инноваций. К числу таких языковых нововведений относятся и заимствования.

На данный момент примерно 4 % шведской лексики составляют английские заимствованные слова. Открытость шведского языка к внедрению заимствований из английского обусловлена рядом причин, которые включают в себя факторы социального, научного и технического прогресса, влияние культурной среды, а также индивидуальные, психологические характеристики.

Для обозначения реалий социальной жизни в таких областях, как, например, наука, спорт, политика, экономика, практически весь мир в настоящее время использует общепринятые международные слова, и эти

слова в подавляющем большинстве имеют английское происхождение. Прагматика использования английских слов в шведском языке достаточно очевидна: быть понятым на международном уровне.

Проведенное исследование показало, что употребление английских слов в шведском языке составляет около 25 % от общего количества английских заимствований. Большинство же используемых шведами английских лексических единиц составляет разговорная лексика.

Среди факторов, влияющих на достаточно частое употребление в повседневном шведском языке английских слов, следует, в первую очередь, назвать престиж. Многих привлекает высокий интернациональный статус английского слова. Очень ярко эта тенденция проявляется в названии профессий: *manager, speaker* [1].

Следующим фактором является незнание либо неуверенность в шведском эквиваленте. Следовательно, используется знакомый, растиражированный английский термин (*booster* вместо *förstärkare* – ‘усилитель’, *tuner* – ‘механизм настройки’, *spoiler* – ‘спойлер’).

Необходимо упомянуть и такой культурный фактор, как достаточно позитивное отношение шведов к тому, что приходит из-за рубежа. В шведском языке существует такое слово, как *osvensk* – ‘не швед, не шведский’, имеющее очень позитивную коннотацию: *Christan är väldigt osvensk i sin spelstil. Han är mer beslutsam.* – ‘Кристан играет в нетипичной для шведов манере. Он более решителен’.

Еще одна причина, побуждающая шведов использовать английские слова, – повышение статуса именуемого явления. Например, *skateboard* – ‘скейтборд’ до 1980-х назывался *rullbräda*, но с растущей популярностью скейтборда в Швеции пришло и новое название, позаимствованное из американской молодежной культуры. То же самое произошло и с названием *korgboll* ‘баскетбол’, которое было заменено на *basket* [2].

Стало нормой для шведского языка использование англицизмов в составе сложных слов, где зачастую один из компонентов композита – англицизм, а другой компонент – слово с исконным шведским корнем. Среди англицизмов, продуктивно используемых шведским языком для образования новых сложных слов: *resources allocation* (‘размещение сырьевых ресурсов’) – *resursfördelning*, *human capital* (‘людские ресурсы’) – *humankapital*, *communication technologies* (‘коммуникационные технологии’) – *komunikationsteknik*.

Также интересно использование калек английских выражений. Например, английское выражение *a clear risk* наполовину калькируется шведским языком – *en klar risk*. Слово *risk* в данном примере является английским заимствованием, а исконное шведское слово *klar* (‘ясный’) – калькой, кроме того, в данном примере немаловажную роль сыграли родство исконной лексики шведского и английского языков и созвучная форма шведского и английского слова. Кроме того, *stå i proportion* – калька английского выра-

жения *to stand in proportion* ('стоять в пропорции'), *tredjelandsmedborgare* – калька от английского *third-country national* ('гражданин государства стран Третьего мира').

Шведский язык заимствует больше имен существительных и прилагательных, что свидетельствует о наличии новых реалий, проблема номинации которых была решена за счет английских заимствований. Шведский язык не только заимствует слова и выражения из английского, но и создает терминологические кальки с использованием исконной шведской лексики, что в свою очередь доказывает тот факт, что английские заимствования не воспринимаются шведским языком как некий чужеродный элемент, и употребление их прочно закрепилось в языке.

Таким образом, частое использование английских заимствований в шведском языке обусловлено рядом экстралингвистических причин, среди которых основной является их престиж. Немаловажным являются влияние культурной среды и воздействие средств массовой информации. Значительную роль играют также индивидуальные характеристики говорящего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Яковенко, О. А. О причинах заимствования английских слов в шведский язык / О. А. Яковенко // Материалы ежегод. науч. конф. студентов и магистрантов ун-та, 21–22 апр., 2005 г. : в 4 ч. / Минский гос. лингвист. ун-т. – Минск, 2005. – Ч. 2. – С. 16–167.
2. Чекалина, Е. М. Новый словарь шведского языка / Е. М. Чекалина // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 9, Филология. – 2004. – № 3. – С. 174–178.

The aim of this paper is to discuss the reasons why numerous English loanwords occur in the Swedish language.

СОДЕРЖАНИЕ

КОНТРАСТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

<i>Алиптиева Е. В.</i> Средства выражения способов глагольного действия со значением интенсивности в немецком языке при переводе русскоязычных художественных текстов.....	3
<i>Баханович А. С.</i> Особенности англо-русского перевода иронических высказываний, функционирующих в художественном дискурсе	7
<i>Гаврик В. А.</i> Особенности рекламных слоганов гастрономической тематики и способы их перевода	11
<i>Гёрен А. М.</i> Особенности перевода англо-русского политического интервью	15
<i>Жданова Н. Ю.</i> Культурно-ситуативная адаптация как способ перевода ироничных высказываний, содержащих культурологическую информацию	17
<i>Клишевич С. А.</i> Лексические признаки персонального дискурса в англоязычном медиажанре «Letters to the Editor» и особенности их перевода на русский язык	20
<i>Sumi Yusuke.</i> Peculiarities of Word Selection in Translation into the Literary Rromani Language.....	24
<i>Талалаева Е. Ю.</i> Проблема перевода специфической философской терминологии М. Хайдеггера на русский язык.....	29
<i>Шестакова Е. В.</i> Жанрово-стилистические особенности перевода спортивных публицистических текстов	33

МОДЕЛИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА

<i>Бенедиктович А. В.</i> Функциональный потенциал абстрактных существительных в реализации стратегии аргументации в медиадискурсе на английском и русском языках.....	38
<i>Вольвачева А. А.</i> Специфика вербализации откровенности в русской и фламандской коммуникативных культурах	42
<i>Гавронова Ю. Д.</i> Отражение в языковой картине мира традиций и обычаев празднования Пасхи в Германии и России.....	44
<i>Глуховская О. В.</i> Апелляция к эмоциям как тактика убеждения в научно-популярном дискурсе на английском и русском языках	48
<i>Егоров Н. В.</i> Разъяснение как коммуникативная тактика информирования в научно-популярном дискурсе на английском и белорусском языках.....	52
<i>Иванов А. Э.</i> Кооперативная тактика согласия в диалогическом дискурсе (на материале художественных фильмов на английском и русском языках)	56

<i>Маюк Е. П.</i> Контативно-ориентированная стратегия в медийном тексте: контрастивный аспект.....	61
<i>Павлюкович О. А.</i> Беларусь в зеркале английского и русского языков (на материале Британского национального корпуса и Национального корпуса русского языка).....	66
<i>Сидоревич-Стахнова О. В.</i> Социально-культурные особенности лексики вежливости испанского языка.....	71
<i>Щепачёва Т. Ю.</i> Дискурсивные формулы в конфликтном диалогическом общении на английском и русском языках.....	75

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В КОМПАРАТИВНОЙ ПАРАДИГМЕ

<i>Букаев Д. А.</i> Аллитерация в немецкой и белорусской литературных традициях.....	80
<i>Дорош Е. А.</i> Образные средства выражения концепта «война» в немецком языке в сопоставлении с русским (на материале произведений Г. Бёлля).....	82
<i>Первушина Л. В.</i> Поиск идентичности в творчестве современных славянских писателей-эмигрантов США.....	87
<i>Реутов Е. А.</i> Текст и его интерпретация: суфийская поэма в контексте культуры индуизма.....	94
<i>Романовская Е. А., Змачинская М. С.</i> Стратегии перевода квазитерминов и квазиреалий на примере произведений Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер».....	100
<i>Trigubovich A. O.</i> Lexemes Denoting Culture-Specific Elements in English-Language Fiction and Ways of Rendering by Means of the Russian Language (Based on the Novel <i>Pushkin and the Queen of Spades</i> by A. Randall).....	104

КОНТРАСТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

<i>Аношина О. В.</i> Организация контролируемой самостоятельной работы в рамках учебной дисциплины «Практическая грамматика».....	108
<i>Бедоник Е. А.</i> Развитие переводческой компетенции на занятиях по дисциплине «Практикум по межкультурной коммуникации» на 4 курсе переводческого факультета.....	111
<i>Гойло А. А.</i> Применение корпусов текстов для сопоставления национальных разновидностей английского языка.....	116
<i>Детскина Р. В.</i> Способы передачи на русский язык семантико-синтаксических отношений между компонентами немецких сложных прилагательных.....	119
<i>Иванова А. Д.</i> Автоматическое определение языкового воздействия на немецкоязычных рекламных сайтах.....	121

<i>Копачева Н. А., Гурская А. О.</i> Функционирование языковых средств выражения отрицания в жанре интервью	124
<i>Крохалева Л. С., Царева М. О.</i> Синтаксические средства воплощения категории диалогичности в жанре передовой статьи	128
<i>Масловская М. В.</i> Структурное соответствие английских синтаксических моделей в русском языке в системе машинного перевода текстов по робототехнике	131
<i>Ракымгалиева А. О.</i> Особенности формирования и развития социокультурной компетенции на уроках казахского и русского языка.....	133
<i>Савич А. М.</i> Лексические преобразования при автоматическом переводе англоязычного официально-делового текста на русский язык	137
<i>Скрябина А. В.</i> Автоматизация распределения англоязычных новостных текстов по тематикам	141
<i>Шимчук Л. В.</i> Проблемы переключения языкового кода в шведской печатной рекламе	145
<i>Шимчук Л. В., Детскина Р. В.</i> Причины заимствования английской лексики в шведском языке.....	147

CONTENTS

CONTRASTIVE LINGUISTICS AND ISSUES OF TRANSLATION

<i>Alimpiyeva A. V.</i> The Means of Expressing Manners of Verbal Action with Intensity Value in the German Language in Translating Literary Texts from Russian	3
<i>Bakhanovich A. S.</i> The Peculiarities of English-Russian Translation of Ironical Expressions Functioning in Artistic Discourse.	7
<i>Gavrik V. A.</i> Peculiar Features of Gastronomic Advertising Slogans and Translation Strategies	11
<i>Geren A. M.</i> Peculiarities of English-Russian Translation of Political Interview.....	15
<i>Zhdanova N. Yu.</i> Cultural and Situational Adaptation as a Method Used for the Translation of Ironic Statements with Cultural Information	17
<i>Klishevich S. A.</i> Lexical Markers of Personal Discourse in the Media Genre «Letters to the Editor» in English and Peculiarities of their Translation into Russian.....	20
<i>Sumi Yusuke.</i> Peculiarities of Word Selection in Translation into the Literary Rromani Language.....	24
<i>Talalaeva E. Yu.</i> The Problem of Translation of the M. Heidegger's Specific Philosophical Terminology into Russian	29
<i>Shastakova Y. U.</i> Genre and Stylistic Peculiarities of Translation of Publicistic Sports Texts.....	33

MODELS OF SPEECH BEHAVIOUR IN DIFFERENT TYPES OF DISCOURSE

<i>Benediktovich A. V.</i> Functional Potential of Abstract Nouns in the Implementation of the Strategy of Argumentation in the Media Discourse in English and Russian	38
<i>Volvacheva A. A.</i> Russian and Flemish Communicative Cultures: Verbalizing Sincerity.....	42
<i>Gavronova Yu. D.</i> The Reflection of Traditions and Customs of Easter Celebration in Germany and Russia in the Language Picture of the World.....	44
<i>Gluhovskaya O. V.</i> Appeal to Emotions as Persuasion Tactics in Popular Science Discourse in the English and Russian Languages	48
<i>Yahorau M. V.</i> Explanation as a Communicative Tactics of Informing in Popular Science Discourse in English and Belarusian	52
<i>Ivanov A. E.</i> Cooperation Technique of Agreement in Discourse of Dialogues (Based on Feature Films in English and Russian).....	56
<i>Mayuk E. P.</i> Conative-Oriented Strategy in Media Text: Contrastive Aspect	61

<i>Pavljukovich O. A.</i> Belarus through the Mirror of the English and Russian Languages with Input from the British National Corpus and the Russian National Corpus	66
<i>Sidorevich-Stakhnova O. V.</i> The Socio-Cultural Peculiarities of the Lexical Means of Politeness in the Spanish Language	71
<i>Shchepacheva T. Y.</i> Discourse Formulas in the English and Russian Conflict Dialogic Communication	75

MODERN LITERATURE IN THE COMPARATIVE PARADIGM

<i>Bukaev D. A.</i> Alliteration within German and Belarusian Literary Traditions	80
<i>Dorosh E. A.</i> Figures of Speech Which Express the Concept «War» in German Compared with Russian (on the Basis of Works by H. Böll)	82
<i>Pervushina L. V.</i> Search for Identity in the Creative Work of Contemporary Slavic Émigré Writers in the USA.....	87
<i>Reutov Y. A.</i> Text and its Interpretation: Sufi Poem in the Context of Hindu Culture	94
<i>Romanovskaya E. A., Zmachinskaya M. S.</i> Strategies Applied to Translation of Quazi-terms and Quazi-realias in the Book Series by J. K. Rowling <i>Harry Potter</i>	100
<i>Trigubovich A. O.</i> Lexemes Denoting Culture-Specific Elements in English-Language Fiction and Ways of Rendering by Means of the Russian Language (Based on the Novel <i>Pushkin and the Queen of Spades</i> by A. Randall)	104

CONTRASTIVE RESEARCH AND APPLIED LINGUISTICS

<i>Anoshyna V. U.</i> Organization of Controlled Self-Study Work in the Course in «Practical Grammar»	108
<i>Bedonik E. A.</i> Development of Translation Competence in the Classroom on the Discipline “Practical Work on Intercultural Communication” at the 4 year of the School of Translation	111
<i>Goylo A. A.</i> Application of Text Corpora for Comparative Study of the English Language Varieties.....	116
<i>Detskina R. V.</i> Peculiarities of Expressing Semantic-Syntactic Relations within the Structure of German Compound Adjectives and Ways of Translating them into Russian.....	119
<i>Ivanova A. D.</i> An Automatic Assessment of Language Exposure on Advertising Sites in German.....	121

<i>Kopacheva N. A., Hurskaya H. A.</i> Functioning of the Language Means of Expressing Negation in the Interview Discourse	124
<i>Krokhaleva L. S., Tsarouva M. O.</i> Syntactic Means of Expressing the Author's Dialogical Position in the Genre of Newspaper Editorials.....	128
<i>Maslovskaya M. V.</i> Structural Correspondence of English Syntactic Models in the Russian Language in the System of Machine Translation of Texts in Robotics	131
<i>Rakymgalieva A. O.</i> Peculiarities of Formation and Development of Socio-Cultural Competence at Lessons of Kazakh and Russian Languages ...	133
<i>Savich A. M.</i> Lexical Transformations in Automatic Translation of an English-Language Official Text into the Russian Language	137
<i>Skrabina A. V.</i> Automated Theme-Based Distribution of English News Texts ...	141
<i>Shymchuk L.V.</i> Problems of Code Switching in Swedish Print Advertisements	145
<i>Shymchuk L.V., Detskina R. V.</i> The Reasons for Borrowing from the English Lexicon into the Swedish Language	147

Научное издание

КОНТРАСТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Материалы
III Международной научной конференции
Минск, 25–26 октября 2017 г.

В двух частях
Часть вторая

Ответственный за выпуск *Т. П. Картилович*
Редакторы: *Е. М. Бобровская, О. С. Забродская, Е. И. Ковалёва*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Подписано в печать 29.12.2018. Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Ризография. Усл. печ. л. 9,06. Уч.-изд. л. 9,48. Тираж 100 экз. Заказ 66.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г.

Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.